

www.celebrity.com

CELEBRITY

NEWS

Введите сюда краткую аннотацию

ПРОЛОГ

Есть так много слов и новостей, которые мы слышим ежедневно в нашей жизни. Какие-то из них веселят нас, какие-то — радуют. Есть такие новости, которые вызывают печаль, или гнев. Те, что заставляют задуматься.

А есть те слова и вести, которые вы ни за что в мире не захотите услышать.

Именно это отчетливо и ясно понял Александр, наблюдая, как устало и тяжело идет по длинному коридору в его сторону врач. Этот хирург, полтора часа назад забравший ее с приемного покоя на операцию, вовсе не смотрелся тем, кто только что спас жизнь человеку.

Он не хотел слышать ничего подобного.

НЕ ЖЕЛАЛ!

Их уже дважды разлучала судьба и люди. И если у него заберут ее сейчас, когда он только-только снова нашел Настю, когда вспомнил, как она смеется, и какое печенье любит — он не выдержит. В прошлые два раза — у него был хоккей, который занимал все свободное время и не давал места пустым сожаления. Прошлые два раза — он утешал себя мыслью, что она где-то есть, живет где-то, пусть и не с ним, но так же просыпается по утрам, что-то желает, к чему-то стремится. Прошлые два раз он еще просто не понимал, насколько сильно, на самом деле, нуждается в том, чтобы этот человек был рядом каждый новый день его жизни.

Сейчас... Сейчас он не представлял, как вынесет, если судьба решит забрать ее у него навсегда.

Врач подходил все ближе и ближе, и в то же время — словно и не шел, стоял на одном месте. Или время растянулось вдруг для него, исказив пространство? И секунды превращались в часы.

— Саша! Саша! Я, правда, не хотела! Не думала, что она туда упадет! Поверь мне!

Другая, совершенно чужая и ненужная ему женщина дергала его за руку, пыталась привлечь внимание. Но Александр просто не слышал ее. Не воспринимал. Он почти не ощущал противного и цепкого захвата ее пальцев на своей руке.

Странно. Ведь еще месяц назад он всерьез планировал жениться именно на ней, решив, что Ника его всем устраивает. А теперь — не мог сообразить, как терпел столько лет высокомерие, жадность и снисходительное пренебрежение этой женщины ко всем вокруг? Даже к нему самому. Как, зная, что ее интересуют лишь его деньги и слава известного спортсмена — позволял Веронике находиться рядом с собой? Почему никогда не одергивал и не менял ее представление о нем самом, как о недалеком и туповатом человеке, единственным достоинством которого было лишь умение играть в хоккей? В этот момент он ненавидел эту женщину, которая была повинна в том, что сейчас Настя балансировала между жизнью и смертью.

Сбоку от него, к хирургу навстречу двинулся другой человек. Мужчина. Такой же напряженный и взведенный, настолько же взвинченный, каким сейчас был и Верещагин.

Даже не обернувшись, Саша оттолкнул подвывающую Веронику от себя и сделал то, что предпочитал всегда — пошел навстречу тому, что приготовила судьба. Александр никогда не

был трусом и все в своей жизни встречал и сносил высоко подняв голову. И именно так он пошел к хирургу, который в этот момент и олицетворял для него судьбу.

ЧАСТЬ 1 — Детство.

Время после распада СССР, девяностые годы двадцатого века

ГЛАВА 1

К этому проулку его привел тихий звук молчаливой возни.

Сашка не хотел влезть в неприятности. Он и так не мог из них выбраться. И мама постоянно расстраивалась. А Сашка всегда чувствовал тошнотворную боль в животе, когда его мама грустила. Но и пройти мимо — не мог. Потому что именно его мама всегда учила, что нельзя бросать людей в беде.

Тяжко вздохнув, Саша свернул.

В том, что кто-то оказался в беде — сомнений не было. Слишком хорошо Шурик знал этот звук. Там, за углом старого, пыльного дома, который готовили на снос — кого-то били. И скорее всего, как это часто случалось в их районе — несколько человек скопом навалилось на одного.

Сколько раз он сам оказывался в такой ситуации — могла ответить только мама. Именно она считала все его синяки и ссадины, аккуратно и ласково промывала, смазывала зеленкой, а потом тихо вздыхала ночами, пока Сашка притворялся, что спит.

Он подозревал, что она может сообщить точное число всех его драк. По «седине», которая появлялась в ее волосах после этого, по утверждению самой матери.

Осторожно выглянув из-за угла, чтобы не наткнуться на разборку каких-то бродяг или пьяниц, Саша немного прищурился, пытаясь в ярком, солнечном, но холодном дне октября разобраться в происходящем. В узком пространстве проулка действительно проходила потасовка. Несколько пацанов из его двора, с которыми не раз дрался и он сам, сейчас напали на какого-то, незнакомого Саше, мальчика.

Все происходило почти в полной тишине. И это удивляло. Шурик понимал, что Леха со своими подручными не хотели привлекать лишнего внимания взрослых. Но мальчишка чего молчал-то? Закричал бы — глядишь, и услышали, прибежали бы.

Но вместо этого пацан втягивал худую шею в тощие плечи и отчаянно пытался задеть кулаками хоть кого-то из атакующей его четверки. Молча и сосредоточенно. С каким-то странным целенаправленным отчаянием. Ведь ясно же было, что против четверых такому хлюпику не выстоять. А все равно дрался.

«Леха совсем озверел», мелькнула у Сашки мысль, пока он оценивал, стоит ли лезть в самую гущу, зная, чем это закончится? «Уже на малолеток нападает».

Не то, чтобы Сашка был таким уж взрослым. Но в свои тринадцать считал себя уже много повидавшим и кое-что понимающим в жизни. Уроков и учителей оказалось предостаточно.

«Денег с этого мальчишки вытащить хочет, что ли?», подумал он, прикинув, что хлюпику никак не может быть больше десяти.

Хотя, вряд ли, чтоб Леха мог много мелочи с того выбить.

Потертые, сильно застиранные джинсы мальчишки, и такая же заношенная, холодная куртка — просто кричали, что тот из бедной семьи. Так что причины, по которым тот попал

в поле зрения мелкой банды были Саше совершенно непонятны. Неужели просто потому, что не местный?

В этот момент, все в той же тишине, нарушаемой только тихими, сдавленными ойками участников потасовки, ситуация резко поменялась: Балка, один из пособников Лехи, подкрался к мальчишке сзади и, резко навалившись, опрокинул того на грязный асфальт.

Хлюпик сдавленно захрипел, видно задыхаясь от веса упавшего сверху громилы. А потом попытался скинуть обидчика. Совершенно безуспешно, тем более что к долговязому Балке, за свой рост и получившему такое прозвище, присоединился толстый Клим. В этот раз парень запищал под тяжестью дух пацанов, а потом извернулся, пытаясь достать обидчиков хоть чем-то, и просто беспорядочно заколотил тех руками и ногами. Из-за потасовки его простая вязаная шапка слезла с головы, и Сашка с удивлением увидел коротко стриженные, но ужасно кучерявые волосы. А потом уставился на перепачканное лицо, которое просто не могло принадлежать мальчишке. И ее неумелые, глупые удары, тихие ойки — только подтверждали догадку Саши.

Леха с парнями били девчонку!

Теперь у него точно не осталось выбора.

Дернув молнию на куртке, которую мама только вчера зашивала после очередной драки Шурика, он отбросил ту на горку каких-то стройматериалов. И молча кинулся в самую гущу этой кучи-малы.

«Мальчики должны защищать девочек, а не бить их».

Этот урок своей матери Саша усвоил так же хорошо, как и остальные. Еще с того времени, как мама собой закрывала его от побоев пьяного отца.

Нападавшие не сразу поняли, что именно происходит. Во всяком случае, благодаря эффекту неожиданности, Саше удалось вытащить уже задыхающуюся девчонку из-под туши Клима и Балки. И даже, относительно, поднять ту на ноги. Хотя, не было похоже, что и она рада помощи. Одарив Сашу настороженным и колючим взглядом, та прижалась спиной к полуразрушенной стене здания и, кажется, приготовилась защищаться и от хулиганов, и от него.

Шурик только криво поджал губы. Сейчас явно не время было что-то объяснять. А он мог понять настороженность этой девчонки. Когда на тебя нападают толпой — уже мало кому веришь.

— Ты смотри-ка, немой вмешался, — с насмешкой протянул Леха, призывая своих подельников посмеяться.

Те заржали, словно по приказу. Однако, никто не сунулся ближе, застыв от него на расстоянии шагов

трех. В последнее время, даже если Саша и проигрывал — он успевал достаточно покалечить этих пацанов, чтобы те его побаивались.

И, да, кстати. Он не был немым. Просто не считал, что ему есть о чем разговаривать с этими придурками.

Потому в ответ на эту, давно устаревшую дразнилку, Саша только в упор посмотрел в глаза Лехе с вызовом.

— Та, ладно, че ты, в стойку встал? — отмахнулся хулиган. — Мы сегодня добрые, не будем тебя трогать, верно, ребята? — все стой же нахальной улыбкой тот снова повернулся к своим помощникам.

Те рьяно закивали головами. Видно, ни у кого не было желания получить по носу.

Саша хмыкнул.

— Вот видишь — никаких претензий к тебе, — Леха развел руками. — Отвали, дай нам с этой дурой закончить, которая отказывается платить за проход по нашей территории и забудем, что друг друга видели, — видимо, подражая какому-то киногерою, пацан оперся ногой о кирпич и упер в колено локоть, предлагая такой «щедрый» выход.

Вместо ответа, Шурик молча покачал головой, так и стоя где-то на середине расстояния между девчонкой и хулиганами.

Такой ответ не понравился Лехе, и он, похоже, уже собрался это продемонстрировать, когда в проулок завернула толпа строителей.

— Эй, ребятки, — прораб нахмурился, окинув детей скольльзящим взглядом. — А ну-ка, бегите отсюда, по-добру, по-здорову. — Раздавая какие-то указания своим людям, велел он.

Хулиганы, не желающие ничего объяснять взрослым, тут же исчезли из переулка, словно их тут и в помине не было.

Только Леха обернулся уже у поворота, взглядом пообещав Сашке, что еще припомнит ему это.

Шурик опустил руки и разжал кулаки, которое все это время напряженно держал наготове. Повернулся к девчонке — та все так же хмуро глядела на него из-под насупленных бровей. Ее нижняя губа была разбита, и в уголке засохло немного крови. На скуле красовалась ссадина на фоне приличного кровоподтека.

Но, тем не менее, девчонка не плакала. Сашка даже немного зауважал ее за это.

— Иди домой. — Скупо посоветовал он ей, сосредоточившись на словах, и пошел за своей курткой, подумав, что еще, вроде, успевает забежать к себе перед тренировкой.

— Ты — не немой. — Он удивленно обернулся на ее озадаченное замечание.

Девчонка стояла на том же самом месте, похоже, ни на сантиметр не сдвинувшись, и смотрела на него с каким-то странным выражением в подозрительных глазах.

— Нет. — Согласился Саша, натягивая куртку.

— Спасибо, что помог. — Без выражения особой благодарности, пробурчала девчонка так, словно над ней кто-то стоял с палкой, заставляя.

— Не за что. — Буркнул он в ответ, даже немного обидевшись. Ему из-за нее нос разбить могли, а она тут принцессу строит.

«Па-ду-ма-ешь», мысленно протянул Шурик и отвернулся от девчонки, которая как раз инспектировала свою порванную курточку.

— Иди домой. — Еще раз посоветовал он ехидно. — Ссадины лучше смазать чем-то. А то — загноятся, будут болеть и дергать жутко. — Немного преувеличивая, припугнул Саша девчонку.

Она втянула воздух через нос.

«Наверное, испугалась», удовлетворенно решил он.

— У меня нет дома. — С вызовом бросила девчонка, и прошла мимо, будто случайно, задев его плечом. Так, что Сашка пошатнулся.

И зачем он защищал эту задиру, спрашивается?

— Как это? — Не удержался Саша от удивленного и недоверчивого вопроса. — Откуда же ты? С Луны? — Хмыкнул он, идя следом.

Не его вина, что им оказалось по дороге.

Спина девчонки выпрямилась, словно жесткая палка, а ее подбородок выдвинулся

вперед так сильно, что Саша даже недоверчиво присмотрелся, поджав губы.

— Из приюта. — Сквозь зубы выдавил она, с явным вызовом, и натянула пыльную шапку на свои кудряшки.

Саша тут же ощутил жалость и смущение за то, что к ней придирался. Он видел этот приют, расположенный в трех кварталах — каждый день ходил мимо высокого, сетчатого забора в школу и назад, после уроков. И знал, что как бы там ни было — а ему крупно повезло, у Саши была мама. У этих же детей, сумрачными парами ходящих по небольшой площадке под присмотром воспитателя — такого богатства не было. Он уже открыл рот, чтобы проворчать «прости», но тут же заткнулся.

Мало ли, с ее характером, девчонка вполне может решить, что Шурик издевается. А, несмотря на всю колючесть этой тощей девочки — ему не хотелось ее обижать.

— А что делать..., - он замолчал и закусил губу, задумавшись. Нахмурился. И начал по новой. — А тут что делала? — Коротко спросил Саша, проигнорировав удивленный взгляд девчонки, брошенный ею тайком.

— Меня послали в «районо», как старшую. — С некоторой гордостью, ответила девчонка все с тем же вызовом в голосе. — Я справку относил.

— А-а-а, — не впечатленный, Саша кивнул, прикинув, что этой «старшей», вряд ли больше одиннадцати. Видно в детдоме совсем с персоналом туго, если уже детей гоняют. Хотя, тут идти квартала два. А все равно — умудрилась на Леху нарваться. — Ясно.

— Что, ясно?! — С новым вызовом обернулась она к нему, уже сжав кулаки и сверкнула глазами.

Саша растерялся немного от такой прыти.

— В-се, ясно, — Не поняв, чем теперь обидел ее, немного невнятно повторил он.

— Слушай, ты, — девчонка вся напряглась, сжав тощее тельце. И вдруг затараторила. — Ничего тебе не ясно. Я...

Саша скривился. И правда — неясно. Он плохо улавливал отдельные буквы, когда так частили, и не всегда понимал смысл торопливых слов. Но сомневался, что девчонка согласится повторить то, что сейчас так нервно и зло выкрикивала.

В этот момент, краем глаза, он заметил за углом дома, мимо которого они проходили, живот Клима. Похоже, хулиганы не угомонились. Саша со вздохом посмотрела на девчонку. Та все еще возмущенно тараторила, правда, уже как-то обиженно, а не зло.

«Мальчик всегда должен защищать девочек».

Поняв, что выбора у него нет, Сашка крепко схватил недовольную скандалистку за худую ладошку и потянул к своему двору.

— Эй?! — Растерянно окликнула она его сзади. — Ты — чего?! Куды меня тащишь?

Он улыбнулся. Не у одного Шурика, похоже, тут проблемы с окончаниями и падежами.

— К маме. — Лаконично ответил он через плечо, уже подбегая к родному подъезду.

— Саша? — Удивленный голос матери заставил его обернуться. Но не помешал втянуть в квартиру все еще артачащуюся девчонку, и плечом захлопнуть двери.

— Привет, мам. — Как можно беззаботней улыбнулся Шурик матери. — Который час? Я еще не опаздываю? — Словно ни в чем не бывало, поинтересовался он, пока мама растерянно разглядывала его спутницу.

Та отвечала ей таким же любопытством, только выражение лица у девочки было скорее угрюмым, нежели приветливым.

— Нет. — Против воли глаза матери метнулись к настенным часам. — У тебя еще есть час. А кто твоя подруга, Саша? — С мягкой улыбкой, адресованной девочке, спросила мама, уже, похоже, заметив и синяк со ссадиной, и порванную курточку той.

И вот тут Саша растерялся.

Не мог же он ее представить как «девчонка» или «эта, из приюта».

Тут кто угодно обидится. А имя девочки он в этой беготне узнать не додумался.

— Эм..., мам, я не спросил, как ее зовут. — Смутившись, Сашка даже выпустил руку девочки и растерянно почесал голову. — К ней Леха со своими парнями пристал... А она из приюта. И полезла с ними в драку. А они совсем с цепи сорвались. И пошли за нами. — Попытался он кратко и четко изложить все, что случилось, но от стыда, что не додумался спросить имя девочки, замолк на полуслове и грустно посмотрел сначала на мать, а потом на саму девчонку. — Вот, — расстроено закончил он свой рассказ и снова вздохнул.

Мама улыбнулась шире и ласково погладила Шурика по растрепанным от его пальцев волосам. А потом повернулась к девочке, которая все так же молча и хмуро следила за ними исподлобья, даже не пытаясь присоединиться к рассказу.

— Что ж, давай знакомиться, — предложила его мама девочке. — Меня зовут — Наталья Петровна, но можно просто — тетя Наташа, а это мой сын — Саша или Шурик. А тебя как зовут? — Все с той же ласковой интонацией спросила мама, обняв его за плечи.

— Настя. — Девочка даже не сказала, а коротко буркнула это слово, словно вытолкала сквозь зубы, и сильнее втянула тонкую шею в плечи.

А Саша заметил, с каким странным выражением Настя смотрит на них. Как следит за рукой его мамы, все еще тормозящей его волосы. Словно бы не видела никогда, как матери с детьми разговаривают.

Ему тут же стало стыдно. А ведь и правда, откуда она могла видеть, если из приюта?

— Приятно познакомиться, Настя. — Все так же приветливо кивнула его мама. — Ты живешь в том приюте, который в районе остановки находится? — Очень осторожно уточнила она.

— Угу, — Настя выдала это не разжимая губ и вперилась глазами в пол.

Саша увидел, как его мама вздохнула и с сочувствием посмотрела на девочку.

— А, знаешь, что? — Вдруг жизнерадостно заявила она. — Давай-ка, я сейчас смажу твою боевую рану зеленкой и быстренько зашью курточку. Ваши воспитатели, наверняка, не обрадуются, если ты вернешься в таком виде. — Заметила мама. — А потом — провожу тебя до приюта, да и к Шурику на тренировку после загляну. А то все времени не хватало в последние дни. Как тебе такой план? — Мама подмигнула Насте, которая несколько растерянно посмотрела на нее пару минут.

Саше план показался очень неплохим. Он всегда знал, что у него лучшая мама в мире, и на нее всегда можно положиться. Мама в любой ситуации находила выход.

— Угу. — Наконец, кивнула Настя, все так же плотно сомкнув губы.

Но в этот раз оттенок ее возгласа был другим. Каким-то неуверенно-удивленным, что ли.

— Вот и хорошо, — мягко улыбнулась мама. И протянув руку, осторожно взялась за подбородок Насти, так, чтобы повернуть ее лицо к свету и лучше рассмотреть ссадину. — Шурик, беги пока чайник поставь. — Велела мама ему. — Напоим нашу гостью чаем с печеньем. — Она отпустила его плечо.

Саша тут же кивнул, так как и сам был не против попить чаю. Тем более с печеньем, которое утром испекла его мама. И быстро скинув кеды, шустро повесил куртку на крючок вешалки.

Помыв руки в ванной, он направился в кухню, заметив по пути, что маме уже удалось уговорить Настю снять и куртку, и шапку. И теперь она, усадив напряженную девочку на диван в зале, доставала из комода аптечку.

Радуюсь, что в этот раз не ему придется терпеть противное жжение перекиси и зеленки, Саша передернулся, пользуясь тем, что его никто не видит. На людях он никогда бы не признался, что это неприятно. Даже перед мамой терпел. Все его любимые герои приключенческих книг стоически терпели испытания, выпадающие на их долю. И Саша старался следовать их примеру, пусть он и не мог понять, каким образом капитан Влад вынес пребывание на солнце с истерзанной жестоким Бишопом спиной, когда самая пустяковая царапина так противно ныла и пекла. И, тем не менее, Саша никогда не жаловался.

Осторожно включив конфорку, он набрал полный чайник воды и поставил тот на плиту. Остановился у окна, проверив, не видно ли парней из банды? Но двор казался совершенно пустым. Только пара малолеток играла в песочнице под присмотром своих мам. Неужели Леха успокоился?

Саша в это не верил, слишком часто вступал в драки с этими парнями, любящими цепляться к любому, кто хоть немного отличался от остальных. А его медлительная речь часто становилась поводом для их насмешек. Они называли его немым или недоумком из-за того, что Шурик говорил короткими предложениями, часто раздумывая над тем, как правильно выговорить то, или иное слово.

Еще раз проверив все закоулки двора, прекрасно просматривающиеся с его седьмого этажа, он взял одно печенье с тарелки. Пацанов видно не было. Впрочем, Сашка все равно не верил, что те угомонились. Скорее, затаились в подъезде, поджидая, пока он выйдет. Но теперь, если мама проведет Настю — хулиганов можно было не опасаться. Взрослых пацаны остерегались и никогда не нарывались на лишние неприятности.

Не объяснять же им, что у него все нормально с умом? Просто речь давалась Сашке сложнее, чем одногодкам. Он и говорить позже начал, если верить маминым воспоминаниям. И в детстве разговаривал невнятно, за что часто получал от отца, так же как и хулиганы, считающего, что его сын — дурак.

Только мама в него и верила. Потому и ушла, в конце концов, от мужа. И занималась с Сашкой, никогда не крича на него, если он неправильно выговаривал слово, или ошибался с его формой. Она учила его не торопиться и не расстраиваться. Говорила, что подумать — никогда не стыдно. И глуп тот, кто этого не понимает.

Только благодаря маме Сашка сейчас почти ничем не отличался от своих одноклассников, пусть и разговаривал медленнее, чем они. Но всяким идиотом, типа Лехи, Шурик этого объяснять не собирался. Все равно эти парни понимали только один язык, и как только Шурик научился драться достаточно хорошо — почти не задевали его, перекинувшись на других.

Приподняв крышку чайника, он проверил, не начала ли булькать вода. Та еще и не думала закипать. Засунув в рот остатки печенья, Сашка пошел проверять, как там дела у «женщин».

В конце конов — Настя — девочка, ей можно и покривиться, и поплакать. А вдруг ей

понадобится «моральная поддержка»? Он готов был помочь, пусть и не совсем понимал, что это значило. Но так всегда говорила мама, когда просила Сашку ее обнять или сделать что-то приятное. Например — внепланово убрать у себя в комнате, или помочь накрыть чай. Он, конечно, надеялся, что до обниманий с Настей не дойдет. Одно дело мама, и совсем другое какая-то малознакомая, задиристая и вредная девчонка. Но во всем остальном — готов был помочь, чем сможет.

ГЛАВА 2

Настя повыше подняла чашку с чаем, словно старалась спрятаться от этих странных людей за тонким керамическим ободком. И в то же время, не могла не смотреть за тем, как именно относились эти двое друг к другу.

«Мама».

Этот мальчик, Саша, так легко произносил это слово. Даже не замечая, как выговаривает четыре простых звука.

А Насте становилось завидно. У нее никогда не было мамы. Она никогда не говорила этого определения. Разве что в книгах читала. Ее никогда не гладили так долго по голове, никто не обнимал Настю так крепко и не смотрел с такой любовью. Разве что воспитатели иногда находили время коротко потрепать ее волосы или ободрить, похвалив за хорошо выполненные уроки. Но их было мало, а детей, требующих внимания — много. Тем более что остальные воспитанники приюта были совсем маленькими, самому старшему — пять лет. Малыши требовали гораздо больше времени и внимания немногочисленных работников детского дома.

Только Настя задержалась в этом сиротском доме настолько долго. Про нее просто-напросто забыли социальные службы. Во всяком случае, так ей объясняла заведующая приюта. Когда началась вся эта кутерьма с перестройкой государств и сменой строя — ее документы банально потерялись где-то в кабинетах и коридорах попечительских организаций. И теперь, официально, Насти просто не существовало, а значит, и забрать в другой приют, для детей старшего возраста — девочку не могли. Сейчас заведующая занималась переоформлением всех бумаг. Но этот процесс и так уже растянулся на три года, и сколько продлится еще — никто ответить не мог, так как ни у кого, кроме воспитателей, вырастивших Настю, не имелось интереса до дальнейшей судьбы очередной сироты.

Не то, чтобы Настя жаловалась. Она выросла под присмотром этих людей, знала их и, в общем-то, ей нравилось здесь жить.

Детский приют «Солнышко» был единственным домом, который существовал у Насти, и ее пугал вероятный перевод куда-то еще. Но Вера Семеновна, пожилая заведующая, так долго разговаривала со своей воспитанницей, объясняла, что они не могут продолжать учить ее, поскольку не имеют преподавателей. А просто-напросто занимаются сейчас с Настей по учебникам, которые покупают за свои же деньги. А это не дело — от образования зависит ее будущее. Понимая это, Настя осознавала и необходимость перехода..., только страх от такого понимания никуда не девался.

Наверное, именно оттого, сейчас она еще острее реагировала на то, что видела.

Иногда, читая книги, Настя думала над тем, отчего ей так не повезло? Почему ее бросили, едва успев родить на этот свет? Разумеется, ответа на такие вопросы дать было некому. И, видимо, оттого становилось еще обидней и больнее.

Как и любому другому ребенку в их приюте, Насте так хотелось верить в чудо, что однажды и у нее появится семья. Да только с каждым годом веры оставалось все меньше, а боли, грусти и обиды — все больше.

Сейчас она понимала, что на самом деле никому не нужна в этом мире. Даже воспитатели, посвящающие своим воспитанникам рабочие дни — уходили к собственным детям вечерами, на выходные и праздники. И Настя научилась жить с этим пониманием.

Но вот в этот момент ей сильно-сильно, почти так же, как в детстве, снова захотелось иметь маму. Или еще кого-то, кто любил бы ее. И кого могла бы любить Настя так, как этот мальчишка, защитивший ее от хулиганов, любил свою мать. А то, что у них очень хорошие отношения — бросалось даже в ее, не очень опытные в этом вопросе глаза.

Крепко-крепко сжав губы вокруг чашки, она сделала последний глоток горячего чая. И заставила себя отвести глаза от болтающих сына и матери. Смотреть в окно казалось как-то спокойней, что ли.

— Еще чай будешь? — Тут же спросила женщина, разрешившая называть ее тетей Наташей.

Настя молча покачала головой и осторожно потрогала пальцами немного ноющую царапину на щеке, которую... тетя Наташа намазала зеленкой.

— Болит? — Обеспокоенно поинтересовалась тетя Наташа.

Настя снова покачала головой. А потом, с каким-то трудом, понимая, что надо, заставила себя открыть рот.

— Нет, спасибо. — Глухо проговорила, вперившись глазами в клеенку на столе, разрисованную какими-то яркими цветами. — Вкусный чай, — не зная, что сказать, добавила Настя.

Мальчишка, сидящий напротив Насти, скривил губы и с каким-то странным выражением посмотрел на нее. Вроде и не жалел, Настя давно научилась распознавать это чувство в людях. Иногда его можно было использовать с толком для себя, например, когда ей приходилось выстаивать в очередях социальной службы. «Бедную сироту» часто пропускали вне очереди сердобольные старушки. А так как особого удовольствия в простаивании часами в коридорах не было, Настя никогда не отказывалась.

Но тут было что-то другое... пока непонятное и неясное для Насти. Да и зачем разбираться-то? Все равно она видела этого мальчишку в первый, и в последний раз.

Пока Настя думала, Саша уже отвернулся.

— Мам, мне пора, а то не успею на тренировку. — Поглядывая на часы, негромко заметил мальчишка.

Тетя Наташа тут же кивнула и поднялась со своего места.

— Верно, Шурик, что-то я отвлеклась. — С улыбкой пожурив себя, составляя чашки в раковину.

— Бегите, одевайтесь. — Махнула женщина Насте и Саше рукой в сторону коридора. — Я за минуту соберусь.

— Настя тут же послушно встала и взяла свою куртку, которую тетя Наташа зашила во время их импровизированного чаепития. — Саш, не забудь щитки. — Непонятно для Насти, добавила хозяйка.

Мальчишка кивнул и убежал куда-то по коридору. А Настя, не собираясь лезть в чужие дела, дошла до входной двери, где оставила свои ботинки, и принялась их зашнуровывать. Хотя ей стало любопытно — что за щитки такие?

Через пару минут, когда Саша вернулся — интерес Насти только усилился. У мальчишки на плече весела огромная сумка, из которой еще и торчала какая-то палка, что ли? Настя не могла разобраться.

Однако и спрашивать, выдав свое недоумение и любопытство, не планировала. Потому все в той же тишине наблюдала, как мальчик натягивает кеды и куртку. Тут уже подошла и тетя Наташа, действительно быстро собравшаяся.

Настя придерживалась своей линии поведения до самого забора детского дома. Ни на выходе из их квартиры, ни во время короткого пути, ни тогда, когда Саша, махнув матерью рукой на прощание, свернул в другой проулок — она не спрашивала, в чем именно мальчик тренировался. Пусть и не могла то и дело не бросать взгляды на его сумку.

И только у входа в кабинет Веры Семеновны не удержалась. Хотя и обозвала себя в уме любопытной дурындой.

— А чем занимается ваш сын? — Так же тихо и скупно, как и привыкла разговаривать с незнакомыми, спросила Настя у тети Наташи, не поднимая глаз от потертого линолеума на полу. Просто это был последний шанс получить ответ на такой любопытный вопрос. Больше же она этих людей не увидит.

— Хоккеем. — Добро, с явной гордостью, улыбнулась тетя Наташа, постучав в дверь на которой висела табличка с надписью «Директор». — Тренер говорит, что он очень талантлив. — С тем же выражением добавила она. — Жаль, только, что у нас сейчас ни клубов нормальных нет, ни катков. Приходится на ужасном льду тренироваться, а перспектив так мало, — уже с другим, немного грустным выражением добавила она, нахмутив брови.

В этот момент из-за двери прозвучало разрешение войти, и Настя не успела ничего ответить. Даже кивнуть в благодарность за объяснения.

«Хоккей».

Она смутно представляла себе, что это за игра.

Слушая радостные, облегченные слова заведующей, которая искренне благодарила мать Саши за возвращение воспитанницы, о которой уже начали беспокоиться, Настя думала над ее пояснениями. Она почти не слышала ответов женщины о том, что к Насте пристала местная банда хулиганов. Ее мысли вертелись вокруг услышанного.

Она никогда не видела хоккея, даже по черно-белому, старенькому телевизору, который стоял в холле второго этажа. По выходным и вечерами обычных дней, дежурная позволяла ей смотреть те немногие программы, которые старая техника была способна принимать. Хоккей Насте точно не попадался.

Ей вдруг стало еще интересней. Seriously, так хотелось хоть краем глаза увидеть это, узнать что-то большее о том, о чем даже раньше не задумывалась никогда.

Просто Насте было довольно скучно проводить все свое время среди малышей. Все книги в небольшой библиотеке детского дома она перечитала раз по пять. А что-то интересное, новое — здесь происходило не так уж и часто.

Как раз в эту минуту тетя Наташа поднялась со стула, отмахиваясь от благодарностей Веры Семеновны. И, еще раз заметив, что Настя очень хорошая и приятная девочка, объяснила, что ей пора на тренировку сына.

Настю словно током ударило. Она даже на стуле подпрыгнула от идеи, которая буквально стукнула ее в мозг. Ну, образно, конечно. И все же.

— Ой, а можно с вами? — С несвойственным для себя волнением, она прыгнула со

стула, и начала быстро вертеть головой, смотря то на растерявшуюся Веру Семеновну, то на немного удивленную тетю Наташу. — Я никогда не видела хоккей. — Даже покраснев от того, что признается в таком, наверное, стыдном и непонятном для кого-то факте, уже потупившись, своим обычным угрюмым тоном пробормотала Настя.

— И мне интересно... Если не сложно... — Добавила она все в той же непонятной тишине. — Просто... Уроки я на сегодня сделала и... — Взрослые все еще удивленно молчали. Настя втянула голову в плечи. — Простите. — Почти прошептала она. — Я... не подумала. Это неудобно. — Она повернулась, обратно усаживаясь на свой стул.

— Настенька, у Натальи Петровны, наверняка, множество дел и свои планы. — Попыталась как можно мягче объяснить заведующая, которая всегда понимала чувства своих воспитанников.

— Вовсе нет. — Вдруг решительно возразила тетя Наташа, прервав Веру Семеновну. — Я просто удивилась, что девочке это интересно. — Она со своей обычной мягкой улыбкой открыто посмотрела на Настю, которая неуверенно бросила в ее сторону взгляд из-под нахупленных бровей. — Если вы позволите. — Она повернулась к заведующей. — Я с радостью отведу Настю на тренировку, покажу ей каток. Да и Сашке, моему сыну, будет приятно, что кому-то интересно. Он обожает хоккей и может рассказывать о нем часами,

— тетя Наташа широко улыбнулась. — А на обратной дороге мы завезем Настю сюда. — Предложила она Вере Семеновне.

Та на минуту задумалась. А Настя напряженно замерла на краешке стула, ощущая, как от волнения даже кончики пальцев на руках похолодели. Вряд ли такой шанс появится еще раз. А было так интересно...

— Если это вас и правда не затруднит. — Все еще не очень уверенно, медленно проговорила заведующая.

— Я была бы вам очень благодарна. Настя старше всех наших воспитанников и мы не можем обеспечить ее всеми необходимыми экскурсиями и занятиями. — Немного неловко пояснила та тете Наташе. — Потому, если попадается возможность показать девочке хоть что-то новое... — Вера Семеновна развела руки.

— Я буду только рада показать ей дворец спорта. — Решительно подвела итог тетя Наташа и обернулась к ней, протянув Насте руку. — Поехали? — Подмигнула она, видя, что Настя так и сидит, даже задержав дыхание.

Испытывая какой-то странный восторг, Настя энергично кивнула и неуверенно ухватила за теплую ладонь. Все внутри нее наполнилось непередаваемым предвкушением невиданного раньше и совершенно нового приключения.

С благодарностью посмотрев на улыбнувшуюся Веру Семеновну, она вышла из кабинета следом за матерью Саши.

До дворца спорта, где занимался Сашка, они добрались очень быстро и, к тому же, пешком. Как рассказала ей тетя Наташа — именно близость и оказалась решающей когда-то для нее, в выборе секции для сына. Сашка ведь мог ходить туда даже самостоятельно, пока тетя Наташа работала. А потом у Саши стало очень хорошо получаться. И сам тренер признал, что ее сын талантлив, хоть и огорчился, что развивать этот талант ему сейчас практически невозможно, нет денег для детских соревнований и чемпионатов. Но тетя Наташа, все равно, не теряла надежды, что Саша сможет добиться огромных результатов. Она начала говорить о каком-то шансе, но так и не до рассказала, потому что они пришли.

Остановившись, Настя секунду оглядывала мрачное и огромное строение, на фасаде

которого большими белыми буквами было написано: дворец спорта «Юность». Но тут же побежала дальше, боясь отстать от тети Наташи, которая уже поднималась по широким ступенькам.

Честно говоря, этот дворец спорта, как-то, ну совсем не был похож на дворец. Настя вовсе не так представляла себе дворцы. А тут...

Все такое же старое, потертое и убогое, как и в их детском доме. Старый линолеум, кем-то брошенный просто так поверх паркета в коридорах, чтобы прикрыть потерявшиеся или оторванные планшеты, лежал кусками то тут, то там. Не прибитый ничем, просто накинутый, как тряпка на лужу грязной воды. Сами коридоры — длинные, путанные, пересекающие один другой, как какой-то лабиринт. И темные. По одной работающей лампе метров на сто-двести, как казалось Насте.

Ей стало даже немного жутковато, когда они зашли в эти пустые и темные коридоры, в которых, почему-то, больше не было никого. Только старенькая бабушка-вахтерша попалась им в холле. И все, пустота.

Тут, хочешь-не хочешь, а вспомнишь все страшилки, которые только узнал в жизни.

А вот тетя Наташа, как ни странно, совсем не боялась, похоже. И, что показалось Насте еще более странным, разбиралась, куда идти по этим коридорам! Волшебство, не иначе.

Насте очень хотелось подойти к тете Наташе немного ближе. И, быть может, даже взять за руку. Но она, конечно же, не решилась на такую наглость, несмотря на весь страх.

— Здесь, сейчас, конечно, не самые лучшие условия. Денег совсем на спорт не выделяют. — Сокрушалась тетя Наташа, осматриваясь по сторонам, пока все показывала Насте. — Раньше было лучше. А теперь, вон — лампочки, и то, мы сами покупаем, родители, чьи дети ходят на тренировки. Иначе, вообще было бы темно. Да и сама секция держится только на желании тренера. Эдуард Альфредович просто очень любит хоккей, и почти бесплатно с нашими детьми занимается.

Тетя Наташа неожиданно остановилась и растерянно посмотрела на Настю.

— Ой, прости меня, дорогая. Что же это я с тобой, как со взрослой говорю? Тебе, наверное, и не это совсем интересно. — Женщина как-то грустно улыбнулась и внимательно посмотрела на Настю. — Просто, глаза у тебя взрослые. Смотришь, и кажется, что с ровесником говоришь. Хотя, и не мудрено, конечно.

Тетя Наташа вздохнула и вдруг, совсем неожиданно для Насти, которая почти не могла в это поверить, протянула руку и погладила ее по голове. Не потрепала мимоходом. А погладила, так, словно и не торопилась никуда. Как гладила своего сына совсем недавно. Она застыла и будто уменьшилась вся. Всем телом превратилась в эту макушку, которую сейчас гладила тетя Наташа. Всеми фибрами впитывала эту ласку и тепло.

— Пошли, Настенька, а то тренировка и закончится скоро. — Наконец, проговорила тетя Наташа.

И, взяв Настю за руку, повела ее дальше по темным коридорам. А Настя пораженно молчала и очень сильно надеялась, что эта женщина не передумает и не разожмет сейчас свои пальцы. Потому что, ощущая, как согревается ее ладошка в большой и теплой руке — чувствовала себя такой... такой... Богатой, наверное. Именно это слово казалось ей очень насыщенным, полным каких-то переливчатых, радужных и вкусно шелестящих оттенков, как обертка шоколадной конфеты. Это определение виделось ей защищающим его носителя от всех бед. Вот и Настя сейчас чувствовала себя так — защищенной и счастливой.

Она послушно шла рядом с тетей Наташей, уже не замечая ни темных коридоров, ни

убогости обстановки. Старое и давно не ремонтирующееся здание, вдруг, в самом деле, стало напоминать ей сказочный дворец.

Как именно они оказались в огромном и гулком помещении, где располагался каток, Настя не заметила. Коридоры казались совсем одинаковыми, а она была слишком сосредоточена на руке тети Наташи. Просто, нырнув с головой в очередной темный проход, они вдруг оказались в большом зале, таком же темном, как и все здание, в котором стояло множество скамей по кругу. А в центре, выделенный непривычно ярким для этого места светом, сверкал лед. Его окружала прозрачная стенка.

Это было первое помещение во дворце, где сидели люди. Совсем мало, но хоть кто-то живой. Настя с интересом оглядела четырех взрослых, которые вразброс сидели на первом ряду скамеек, внимательно наблюдая за тем, что происходит на льду. Видно, как и тетя Наташа, родители детей, занимающихся здесь. Один мужчина все время вскакивал, что-то выкрикивал кому-то на льду, и снова садился. Чтобы через секунду подняться опять.

— Давай, подойдем ближе? — Тетя Наташа наклонилась к ней и вопросительно заглянула в глаза.

И Настя поняла, что так и замерла на пороге, осматриваясь. И сама дальше не шла, и тетю Наташу не пускала.

— Давайте. — Смущенно буркнула она, опустив глаза в пол.

Насте стало неудобно и стыдно, что она опешила и глазает по сторонам, как какая-то дурочка. Но тетя Наташа, похоже, не сердилась, а с той же улыбкой, которая не сходила с ее доброго лица всю дорогу, подмигнула Насте и потянула ко льду.

— Что, интересно?

— Очень. — Честно, хоть и смущенно призналась Настя, вглядываясь вперед, в каток. Или поле? Она не знала, как это правильно называется в хоккее. — А что они там делают?

— Настя указала свободной рукой на лед.

— Играют в хоккей. — Шире улыбнулась тетя Наташа. — Вот, смотри. Есть две команды, и двое ворот. Шайба. Вон, видишь? Такой небольшой черный кружок на льду? — Настя присмотрелась, и действительно увидела. — Задача, почти как в футболе, как можно больше раз забросить эту шайбу в ворота противников клюшкой.

— Это, вон теми палками, что ли? — Переспросила Настя, глядя, как мальчишки на льду махали какими-то оглоблями. Такими же, как та, что торчала у Сашки из сумки.

— Ими. — Рассмеялась тетя Наташа.

— А где ваш сын?

Настя с любопытством прильнула почти к самому пластиковому ограждению, пытаясь отыскать утреннего знакомого среди нескольких ребят, которые с криками и суматохой носились по льду.

Разобрать, кто есть кто, как казалось Насте, было почти невозможно. На всех были шлемы, закрывающие часть и лица, перчатки, какие-то накладки на руках и ногах. Да и, просто, ребята достаточно быстро меняли свои позиции, подчиняясь командам взрослого человека, который ездил между ними и наблюдал за тем, что творилось на льду. Не присмотришься, даже.

«Наверное, это тренер», решила Настя, наблюдая, как мужчина остановил одного игрока и принялся что-то тому втолковывать.

Тут же, справа от нее, вскочил на ноги тот самый нервный родитель и, подобно самой

Насте, прилип к ограждению всем телом. Даже ухо прислонил. Словно пытался разобрать каждое слово, которое говорил тренер.

Настя подумала, и решила, что это его сына, видимо, поучают.

— Вон тот, в синем шлеме. — Оторвав Настю от размышлений, тетя Наташа показала на одного из ребят.

Настя поискала глазами и, действительно, обнаружила своего знакомого. Хотя, то, что это он, она просто приняла на веру. Лица видно не было. Но, судя по тому, что именно этот парень, среди всех, кто сейчас остановился и ожидал, пока тренер закончит наставления, начал вдруг радостно махать рукой тете Наташе, это и правда был Саша. Если он и удивился, увидев Настю вместе с матерью — виду не подал. Тетя Наташа помахала сыну в ответ.

— А почему команды такие маленькие? — С интересом спросила Настя, прекрасно помня, что в футболе, который очень любил смотреть сторож их приюта, на поле бегала просто толпа игроков.

— Обычно команды состоят из пяти игроков на поле, и одного вратаря.

— Охотно начала объяснять тетя Наташа. — Но сейчас, какая-то простуда скосила половину ребят, и ходит очень мало. Вот тренер и раздели их, видимо, как мог. По три, и, похоже, они по очереди занимают ворота.

— А ваш сын кто? Он нападает, или в защите? — Уточнила Настя, опять-таки, вспомнив футбол, про который ей много рассказывал Степаныч, не имеющий больше слушателей среди малолетних воспитанников приюта.

— Вообще, Эдуард Альфредович говорит, что у Шурика очень хорошие данные для нападающего. — С уже знакомой гордостью поделилась тетя Наташа. — Но сейчас — он их тренирует равноценно по всем позициям. Говорит, что нельзя выявить талант, пока не опробуешь его во всяком деле.

В этот момент, прервав пояснения, тренер отпустил воспитанника и поднес свисток к губам. Резкий свист нарушил относительную тишину, и зал тут же наполнился всевозможным шумом. Совершенно непривычным, и незнакомым для Насти.

Шорох, скрип, скрежет, и возмущенные крики ребят, толкающихся, стремительно носящихся по льду. Летящие во все стороны из-под лезвий их коньков, снежно-льדיстые крошки. Грохот, когда они налетали друг на друга или на ограждения. Возмущенные возгласы и, даже, ругательства. За которые игроки тут же получали подзатыльники от тренера и окрики родителей. Стук клюшек о шайбу и щитки, а иногда и о лбы, прикрытые шлемами — все это внезапно показалось таким захватывающим и интересным, что Настя не могла оторвать взгляд.

Она забыла, что о чем-то разговаривала с тетей Наташей. Забыла о вопросах. Просто старалась не упустить ни одной детали, полностью погрузившись в то, что происходило на льду. Она пока еще не очень понимала, за что хвалил или наказывал тренер, не отстающий от ребят. Не разобралась в правилах и в том, кто за кого играл. Просто смотрела. И, из солидарности с тетей Наташей, а так же потому, что он был единственным знакомым ей здесь игроком — внимательно следила за Сашей. И радовалась тогда, когда забивал он, или просто, когда и парень, и его мама чем-то были довольны. Они-то, понимали побольше ее, и Настя так думала, что, видимо, в эти моменты Саша что-то делал хорошо.

Когда же, очередной свисток вдруг прекратил это действие, невероятное для нее, Настя еще несколько секунд оглушено хлопала глазами, так и не отлепившись от пластика. Не могла поверить, что уже все. Не будет сегодня продолжения и пора уходить. Но вереница

ребят, выходящих «гуськом» со льда, очень красноречиво символизировала окончание тренировки.

Поняв, что, несмотря на все ее желание — больше ничего не будет, Настя с огорченным вздохом отвернулась. И хихикнула, видя, как забавно, немного вперевалку, цепляясь клюшкой за скамейки, в их сторону спешил Сашка. Хотя, честности ради, она не могла не признать, что приближался парень довольно проворно.

— Ты видла?! Мам! Видла?! — Еще метров за двадцать начал кричать парень, глотая отдельные буквы от радости. — Видела, как я их, а?! Пять бросков, мам! — Захлебываясь от гордости и восторга, делился он своей радостью, почти рухнув на скамью рядом с ними. — Пять попаданий!

Она внезапно ощутила себя настолько же лишней, как и у них на кухне. Это двое были семьей. А Настя — лишь сторонним наблюдателем. Стало грустно и очень-очень сильно что-то закололо внутри. Однако Настя не подала виду, привычно насупившись.

— Ты — молодец! — Тетя Наташа полностью разделяла воодушевление и восторг сына. — Я все видела, ну конечно же! Ты великолепно играл, Шурка! — Она крепко обняла его и умудрилась поцеловать в нос, несмотря на шлем и кучу щитков.

— Мам, здесь же ребята. — Смутился Сашка.

Но стоически вытерпел объятия матери, проигнорировав смешки других мальчишек, которых отцы, в виде похвалы, похлопывали по спинам и плечам. Как настоящие мужчины — мужчин. Видно было, что поведение матери Саши, ее «нежности» — смешат ребят, и они испытывают некоторое превосходство. Но, к чести Саши, Настя не могла не отметить, что он с гордостью обнял мать в ответ. Словно назло всем тем, кто над ним втихомолку посмеивался.

— А что она тут делает? — Наконец, с интересом спросил Саша, глянув в ее сторону. — Ты ж ее в приют собиралась вести? — Он снял шлем и растормошил мокрые волосы пятерней.

Взгляд мальчишки светился любопытством. И, похоже, ничем больше. Он не был зол или сердит оттого, что его мать тратила время на какую-то сироту, еще и сюда, на его тренировку ту притащила. Саше просто было интересно. Такое отношение со стороны «родительских» детей не было привычно, а потому — удивило Настю.

— Настя, оказывается, не знала, что такое хоккей, никогда не видела игры. Попросила показать, когда я рассказала, чем ты занимаешься. А директор их приюта — разрешила. Так что, сегодня у тебя было на одну болельщицу больше. — С улыбкой рассказала тетя Наташа. — Ой, — вдруг всплеснула она руками. — Ребятки, вы меня подождите. Я хочу с Эдуардом Альфредовичем поговорить.

И тетя Наташа тут же бросилась догонять тренера, который уже собирался уходить, поговорив с другими родителями.

Настя осталась один на один с Сашей, который смотрел на нее странным, внимательным взглядом.

— Ты, что? Правда, никогда не видела хоккея? — Наконец, уже привычно медленно и с расстановкой, удивленно проговорил он.

— Правда, — буркнула в ответ Настя, наблюдая, как мальчишка наклонился и начал расшнуровывать коньки.

— Ну, и как? — Саша вдруг перестал разуваться. — Понравилось?

Поднял голову и внимательно глянул на Настю снизу вверх. С каким-то таким странным

и непонятным для нее выражением на лице, словно бы Настя претендовала на его порцию конфет. Это выражение заставило ее отвернуться. Настя снова уставилась на лед, воскрешая внутри то, что только что видела и чувствовала.

— Здорово! — Сама не заметив, как начала восторженно улыбаться, восхищенно выдохнула она. — Это... Это... Просто класс! Обалденная игра! — Она даже руками взмахнула от избытка чувств.

— Точно! — С таким же восторгом откликнулся Саша. И, неожиданно, хлопнул ее по спине. — Обалденная! Пойдем, я тебе все покажу тут! — Настя удивленно обернулась.

Теперь он смотрел на нее, словно на «свою». Похоже, признав Настю, как достойного в общении человека. Раз уж и она смогла оценить хоккей. Схватив в одну ладонь ее руку, а в другую запихнув, каким-то образом, и коньки, телепающиеся на шнурках, и клюшку, и шлем, Саша с целеустремленностью танка потащил ее в сторону каких-то дверей.

ГЛАВА 3

Саше не спалось. Он уже два часа ворочался с боку на бок и никак не мог заснуть. Хотя обычно — просто отключался после тренировок. А сегодня — никак не мог перестать думать о том, что произошло за день. И мама не спала. Он слышал, как она ходила по кухне, как тихо позвякивала чашкой о блюде. Мама часто засиживалась за чаем по вечерам. Он точно не знал, почему. На его вопросы, отчего мама не идет спать, она всегда только улыбалась и говорила, что ей надо еще подумать. Днем — некогда, а по вечерам — думается хорошо.

Саша не спорил, но ему казалось, что его мама в этих случаях... Ну, не врет. Мамы же врать не могут? Не его, во всяком случае. Она всегда честна с ним. Но все-таки, говорит не совсем правду.

Мама не просто думала. Он же видел, что иногда она что-то писала в толстой тетрадке, в которой листы скрепляла металлическая пружина. Саша как-то заглядывал в эту тетрадь, когда мамы не было дома. Там мама вела подсчеты имеющихся у них денег. Саша подозревал, что тех далеко не всегда было достаточно. Наверное, именно потому во время таких вечерних посиделок, у мамы грустили глаза, хоть на губах и играла мягкая улыбка.

А еще, иногда она думала о его отце. Это Саша знал точно. Она до сих пор не забыла того. Сам Саша уже почти не мог воскресить в памяти черты папы. Он помнил его злость, помнил громкие, гневные окрики, когда Саша не мог быстро и четко ответить на вопросы и что-то невнятно мямлил. Помнил, насколько тяжел отцовский кулак. Даже то, как плакала мама, когда они еще жили с отцом.

А лица — не помнил. И ничего хорошего о той жизни, тоже не помнил. И не понимал, почему мама грустит о том времени. Сейчас, когда они жили без него, было куда лучше. Однако, наверное, надо было еще дорасти, чтобы это понять. Взрослые часто его удивляли. Несмотря на то, что Саша не считал себя уже маленьким, тринадцать лет, как ни как, он часто думал, что ему пока не понять поступки взрослых и причины, которые их на те толкают.

Почему сегодня маме не спалось, и о чем именно она думает на кухне, он тоже не знал. Зато точно знал, отчего не спал сам. Он думал о своем новом друге. Ну, или о том, кто этим другом станет. У Саши было мало друзей. Если честно, то вообще не было. Из-за того, что ему не так легко давались разговоры, он предпочитал молчать в компаниях сверстников. А

кто будет дружить с угрюмым молчуном?

Вот никто и не дружил. И, чаще всего, все контакты Саши с одноклассниками и соседскими детьми заканчивались или полным игнорированием друг друга, или дракой.

Были еще, конечно, ребята из команды. Но и тут хватало оговорок. Они встречались пять раз в неделю на два часа, играли вместе, отрабатывали технику, слушали тренера.

Не без того, конечно, что общались, но только на тему хоккея. Да и жили все в разных районах города, в основном. Кроме того, существующая конкуренция за тот самый, единственный шанс, и подстегиваемое родителями стремление тем завладеть — тоже не особо способствовало дружбе.

А вот эта девчонка, Настя, с ней, похоже, можно дружить.

Сначала, конечно, он не принял ее всерьез, хоть она и не спасовала даже перед пацанами Лехи, и в драке держалась, не ревела. Но, все-таки, девчонка. Как с ней дружить? Что, вообще, можно взять с девчонки? Они же только этим, ну, модой там всякой интересуются, платишками, сандалиями всякими, у кого-какие. Играют в дочки-матери и прыгают на «резинке» во дворе. Читают эти глупые истории про принцев и, как дурехи таскаются со своими «Дневниками», дают их заполнять друг другу, клеивают сердечки и цветочки. Бррр. Противно, честное слово.

Ну, Настя, конечно, из приюта. У нее, наверное, платьев и нет. Но не в этом же дело. Девчонка. Что еще говорить?

Но потом он задумался. Она поняла, что хоккей — это суперская игра. Просто обалденная. Точно поняла. Так ведь и сказала. И он видел, как она смотрела на лед. И как потом все выпрашивала его, а для чего он то делал? А это зачем? Нет, ей точно было интересно. Может, не такой и пропащий человек, хоть и девчонка?

Да и, кроме этого, в Насте была еще одна хорошая черта — она над ним не смеялась. Даже не пробовала. Хоть после тренировок он часто так уставал, что просто не мог уследить за собой — глотал буквы, коверкал слова. Но девчонка даже не реагировала на это. Понимала, что он говорил в своих путанных, восторженных объяснениях и ни разу не рассмеялась, когда он произносил что-то неправильно. Странно, конечно. Но для друга — не плохо, как ему казалось. Саша не считал себя особо придирчивым. Собственно, каких еще качеств он мог пожелать для своего друга, кроме любви к хоккею и того, чтобы друг понимал его самого? Да, никаких!

Одно плохо, то, что она живет в приюте. Туда же не заглянешь просто так, не позовешь погулять. Хотя, как понял Саша, когда с мамой отводил Настю назад после тренировки — у нее там немного другие условия. И, не удивительно, там же одна малышня в этом приюте. Непонятно, как она еще с тоски не позеленела с этой мелкотней?

Настя рассказала им, что ее документы потерялись и теперь девочку не могли перевести в детский дом для детей старшего возраста. И что ее теперь, вообще, как бы нет. Но Саша как-то с трудом мог себе представить, как это может не существовать человека, если нет каких-то бумажек? Вот же она, Настя, стоит перед ним совершенно настоящая.

В общем, эти взрослые, вечно, как придумают что-то ненормальное, попробуй их пойми. Саша перевернулся на другой бок, прислушиваясь к тихому позвякиванию маминой чашки о блюдец. Сна не было ни в одном глазу, несмотря на усталость. А ведь завтра с самого утра в школу. И потом — опять на тренировку.

Но одеяло, даже через пододеяльник, кололо и царапало кожу. Раздражало. И духота комнаты мешала спать. И мысли. Мысли, от которых становилось как-то непривычно пусто

и щекотно где-то в желудке. У него мог появиться настоящий друг. Это было бы так здорово! Надо только придумать, как уговорить директрису приюта отпускать Настю.

Саша не сомневался, что и сама девочка будет совсем не против дружить с ним. Он даже представить себе не мог, насколько плохо жить так, как живет она. Честно говоря, как, вообще, можно жить без мамы? Он не понимал. Наверняка ей грустно и тоже не хватает друзей. А так — она сможет часто бывать у них, как его друг и общаться с его мамой. Саше не жалко, с другом можно поделиться всем, даже любимой мамой. Вот только, как же это все устроить?

Его настолько заботил этот вопрос, что Саша устал пытаться заснуть. Вздохнул и сел в кровати. А потом встал и пошел к тому человеку, который казался ему почти всемогущим. Уж его маме точно удастся это уладить.

— Мам? — Немного щурясь после темного коридора, Саша заглянул в кухню.

— Что такое, Шурик? — Мама удивилась, увидев его. — Ты почему не спишь? С утра же в школу.

— Мам, а мы можем как-то так сделать, чтоб Настя к нам в гости приходила? — Сходу поделился он своей проблемой, пропустив намек на школу мимо ушей.

Мама улыбнулась и как-то странно на него посмотрела.

— Что, понравилась она тебе? — Лукаво уточнила мама.

Саша не совсем понял. Но решил ответить, как есть.

— Да, она классная! Ей хоккей понравился, мам. Она сама говорила, что хотела бы еще прийти, посмотреть. И она не смеялась, когда я... Ну, когда я ошибался. — Саша немного смутился, признавшись маме, что опять не следил за речью и спешил.

Мама не рассердилась, а искренне рассмеялась. Впрочем, она, вообще, редко сердилась. У него была самая лучшая мама на свете. Он точно знал.

— Хорошо, Шурка, посмотрим завтра, что тут можно сделать. — Кивнула мама и обняла его, притянув к себе. — Думаю, Насте тоже хотелось бы иметь друга. Схожу я, наверное, к заведующей этого приюта, поговорю. Девочке же надо общаться со сверстниками, а не только с маленькими детьми гулять.

— Точно! — Обрадовался Сашка. — Спасибо, мама. Я тогда спать пойду.

Воодушевленный и уверенный, что теперь-то уж, точно, все будет как надо, он спокойно вернулся в свою постель и тут же уснул.

Мама не обманула. И, более того, оправдала все ожидания Саши. Уже на следующий день она ходила в приют. И ей действительно разрешили забирать из того Настю. Как поделилась мама с Сашей, она подозревала, что воспитателям было просто не до девочки. У них все время уходило на маленьких воспитанников. И то, что теперь кто-то был готов взять на себя присмотр за Настей, пришлось им по вкусу. К тому же, они и сами понимали, что девочке нужны друзья среди детей своего возраста. Хотя, конечно, их предупредили, то это не совсем по правилам. Но так как Насти, вроде бы, и не существовало, то их на ее счет не особо и проверяли. Потому Вера Семеновна и пошла на такие уступки. Хоть, перед тем, как разрешить, не поленилась сама навеститься к ним в гости и все осмотреть, даже с соседями поговорила о Саше и его маме, все расспрашивала, что они за люди такие.

И только потом, поговорив со всеми бабушками во дворе — разрешила. Даже призналась, что видела, насколько воодушевленной ее подопечная вернулась вчера. А у Насти, по словам директрисы, как и у всех ее воспитанников, было мало поводов для радости.

Когда Саша, с мамой для надежности, в первый раз после этого разрешения, пришли за Настей, чтобы снова позвать посмотреть на тренировку — девочка им просто не поверила. Побежала уточнять у Веры Семеновны. Зато, получив заверения, что действительно может время от времени ходить в гости к этой семье — настолько обрадовалась, что Саша почувствовал себя почти героем. Да, договорилась мама. Но придумал-то это все он!

И теперь он каждый день заходил за ней, иногда, сразу после школы, чтобы они еще успели зайти к нему домой, посмотреть телевизор, или поиграть во что-то. Мама всегда готовила что-то вкусное, и рассказывала смешные истории о своем детстве. Про то, как они с друзьями бегали в селе по огородам, «воевали», разыскивали клады. Каждый раз после этих рассказов, им с Настей тоже хотелось сделать что-то эдакое, интересное и незабываемое. Но погода становилась все хуже, дело шло к зиме, и им не оставалось ничего больше, кроме как ограничиваться разговорами, планами на лето и чтением книг.

Разумеется, каждый день она ходила с ним на тренировки. Более преданного болельщика не было в секции больше ни у кого. К другим ребятам иногда приходили родители, бабушки-дедушки, или братья с сестрами. Настя же посещала все-все тренировки, с восторгом наблюдая за их играми. Так, что многие даже начали ему завидовать, и поддевать Сашу этим. Но он не обращал внимания. Они с восторгом обсуждали тактику, которую все время разрабатывал тренер, вспоминали удары и промахи, думали, что можно сделать еще, чтобы он играл лучше. Вместе они смотрели все-все хоккейные матчи, которые показывали по телевизору. Хотя, из-за того, что хоккей был не самым популярным видом спорта в их стране, тех становилось в программе все меньше и меньше. Разве что, когда какой-то канал брался транслировать чемпионат соседней России.

Такие матчи, чаще всего, показывали поздно вечером. Но мама не гнала их спать. Специально попросила разрешения у Веры Семеновны оставлять Настю ночевать у них дома в такие дни. И они вместе сидели перед экраном, возбужденно наблюдая за игрой. И так же вместе мечтали о том, что когда-то и он будет вот так же играть за известную команду.

Чемпионат России был его единственным шансом по-настоящему заняться хоккеем. Эдуард Альфредович, если видел потенциал в своих воспитанниках, иногда приглашал на «смотрины» тренера одной из команд Санкт-Петербурга, пользуясь старыми связями. И если тот оказывался доволен увиденным — мог заключить контракт с семьей парня. Такое уже случалось. И именно на это надеялся и Сашка, и его мама. А теперь, из чувства солидарности с другом, и Настя.

Конечно, шанс был не так уж и велик. И не только Саша показывал хорошие результаты. Но они не собирались сдаваться. И именно Настя придумала уговорить тренера позволить Саше заниматься еще и на выходных. Эдуарду Альфредовичу некогда было выделять ему время в эти дни, но они приходили на лед сами. Саша научил Настю сначала стоять, а потом и свободно передвигаться по льду. Ради этого мама даже выделила деньги из их бюджета, чтобы купить девочке пусть и подержанные, но свои коньки. Они брали у ребят щитки и шлем, и она становилась на ворота.

Честно говоря, первое время Сашка побаивался отрабатывать на ней удары. Девочка, все-таки, да и опыта — ноль. Не дай Бог, он поранит ее. Нельзя же причинять боль лучшему другу. Но девочка, на удивление быстро освоилась. И уже через пару месяцев разгадывала и отбивала его атаки, как заправский вратарь, все время заставляя Сашку выдумать что-то новое, чтобы пробить ее оборону.

Приближался Новый год и Наталья понимала, что они просто обязаны отпраздновать

праздник «как положено». Тут уж никак не обойдешься маленькой елкой из серебристого «дождика» и килограммом мандарин.

В этом году с ними Настя, а у девочки, как понимала Наташа, ни разу не было настоящего Нового года. Конечно, придется «затянуть пояса», чтобы сэкономить денег на праздник, но Шурка, наверняка, поймет. Ее сын души не чаял в этой девочке и готов был, что угодно сделать для нее.

Наталья улыбнулась и тихонько перемешала чай ложкой, стараясь не звенеть о стенки чашки, чтобы не разбудить сына. Тот настолько устал после последней тренировки, что заснул еще в восемь вечера, едва вернулся из приюта, куда проводил Настю.

Наталья была очень рада тому, что однажды Шурка встретил эту девочку, потому что она дала ему то, что не могла дать Наташа. Как бы сильно она не любила своего сына, но чтобы не была готова ради его счастья — любому человеку кроме любящих родителей нужны друзья. А до этого Шурке не особо везло ни на одних, ни на других.

При воспоминании о бывшем муже улыбаться расхотелось. Вернулась привычная, давно притупившаяся, но никак не желающая полностью уйти из ее сердца боль и тоска. Наташа до сих пор любила его. Пусть и была зла на него. Пусть и держала в душе обиду. Любила все равно. И ей было больно и от того, что он так поступил с ними, и от того, что сейчас живет с другой. Той, что разделяет его любовь к «зеленому змию».

Иногда она возвращалась в их старый двор. Зачем? Сама не знала. Наверное, чтобы помучить себя. И с болью, с ревностью, издавек следила за все еще любимым, но таким далеким и уже чужим человеком, который так глупо и пусто тратил, гробил свою жизнь, даже не вспоминая, наверное, ни о ней, ни об их сыне.

Она ни за что бы раньше не поверила, что человек может настолько измениться. А вон, как, оказалось. Алкоголь меняет всех. И ведь, поначалу, Дима пил немного, и казалось, что совсем не влияет это на него — а вышло-то все вот так. Самое странное, что он никогда не злился на нее или других, будучи на подпитии. Вся агрессия выливалась на беспомощного и ни в чем не повинного маленького сына.

Сначала, сразу после рождения Сашки, все было хорошо, даже замечательно. Дима очень радовался, да и пил, вроде бы, не так часто. А может это Наталья уже подзабыла просто. Но, чем дальше, тем тяжелее становилось. Сыну исполнился год, прошел второй, а он никак не начинал говорить. Так: «мама», «папа», «дай», «вот». Да еще с пять-семь слов. И сколько бы они его ни учили, сколько бы ни пытались подтолкнуть, заставить говорить, а не невразумительно что-то бормотать, ничего не выходило. Дима начал злиться, говорить, что это не нормально, и их сын, наверное, идиот. Тревожилась и Наталья, но она ни на секунду не усомнилась в способностях своего ребенка. Участковый терапевт, после ее жалобы, направил их к невропатологу и к логопеду. Те вместе обследовали Шурку, совещались какое-то время и, наконец, поставили совсем не легкий диагноз «задержка речевого развития». Нелегкий потому, что очень многие в их стране, подобно ее мужу, считали таких детей почти недоразвитыми. Даже педагоги и воспитатели.

Хотя это было совсем не так. Хорошо, что ей толковые врачи попались в поликлинике. Не дали опустить руки, помогли, научили, как самой заниматься с сыном. Как помочь ему догнать своих сверстников. Да и сами — уделяли Саше время, следили за течением этого состояния, назначали упражнения, витамины, даже массажи. И, казалось б, малышу становилось лучше. Однако стоило маленькому Шурке увидеть пьяного отца — он опять замыкался, невнятно мычал или начинал плакать. А тот злился все больше и больше, пока,

наконец, не дошло до того, что Дима поднял сына руку. Первый раз Наталья простила мужа, поверила, что такое больше не повторится. Но когда поняла, что Дима не сдержал слова, когда вновь увидела, как он того бьет — не выдержала, закрыла пятилетнего Шурку собой. А потом, когда ошарашенный тем, что ударил ее, Дима падал на колени и плакал, пьяно растирая слезы вины по лицу, собрала вещи и ушла с сыном к матери. И на следующий же день подала документы на развод.

И, странное дело, но уже через два месяца, Шурка заговорил, едва ли не захлебываясь словами и предложениями, которые просто лились из него, как льется вода из переполнившейся чашки. Да, не всегда он произносил слова правильно, часто спотыкался и путал слоги. Но это было уже не важно, главное, что ее сын стал говорить. И только тогда Наталья задумалась, а не жизнь ли с вечно пьяным отцом была повинна в том, что творилось с ее сыном. Не то ли, что Шурка постоянно боялся и старался не попадаться на глаза Диме?

Эта догадка была одним из самых страшных открытий и пониманий в ее жизни. Знать, что могла это изменить, что видела, как боялся ребенок отца в подпитии — и ничего не предпринимала, было ужасно. И навсегда, наверное, поселило в ее сердце вину перед сыном. Она знала, что сделает что угодно, откажется от всего на свете для себя, лишь бы дать что-то Шурке, лишь бы он получил все, имел, что ни пожелает. Нет, она не баловала его и очень старалась воспитать хорошим, достойным человеком. Понимала, что ему предстоит стать мужчиной, и не хотела, чтоб тот стал подобным тем, кого сейчас так много вокруг, и кто ну никак не похож на «мужчин».

Но хотела, чтобы он смог чего-то добиться. А уж теперь, когда Сашка так увлекся хоккеем, она готова была пойти на что угодно, лишь бы помочь сыну достичь заветной цели. Осуществить мечту.

Однако, несмотря на то, что они с сыном достигли огромных результатов в лечении, несмотря на то, что его без всяких оговорок взяли в обычную школу и давно сняли диагноз — Шурке плохо давалось общение с одноклассниками и чужими людьми. Оттого и была Наталья настолько благодарна девочке Насте, рядом с которой ее сын ощущал себя настолько свободно, что «заливался соловьем», забывая об ошибках и неправильных склонениях. И она поощряла эту дружбу. Старалась дать частичку семьи и тепла и Насте, в благодарность за то, что девочка делала ее сына уверенней в себе и счастливей.

Наталья даже, тайком от детей, пыталась выяснить, не могут ли они удочерить Настю? Но Вера Семеновна сказала, что им, к сожалению, такого, скорее всего не разрешат. И не только из-за проблем с документами Насти, но и потому, что Наталья — мать-одиночка, да и их материальное состояние не убедит попечительский совет в том, что она сможет содержать двух детей. Наташа очень расстроилась. Ей хотелось и Насте помочь, и порадовать своего сына. И Наталья не боялась того, что пришлось бы работать больше. А если бы у нее своих детей было двое, разве бы она их не смогла бы обеспечить? Смогла бы! Костями легла бы, но сумела бы. Однако ее доводов, похоже, никто здесь не будет слушать. Такова система.

Потому, чтобы хоть как-то компенсировать разочарование, о котором дети даже не знали, Наталья очень хотела устроить им самый настоящий праздник на Новый год.

Допив свой чай и налив себе еще, она открыла тетрадку и стала составлять меню. Остановилась на мгновение, подумав, что надо еще обязательно позвать Анну Трофимовну,

соседку сверху. Пенсионерка совсем одинока, ни детей, ни внуков. А с тех пор, как три года назад умерла мать Наташи, Анна Трофимовна им очень помогала, всегда с радостью сидела с Шуркой, если Наталья задерживалась на работе. Да и Настю уже успела полюбить, сочувствовала девочке, как и сама Наташа. Наверняка соседке не с кем праздновать. А они ее любят и будут рады. Получится почти настоящая семья.

ГЛАВА 4

Оказывается, у праздников есть запах и вкус. Раньше она никогда не знала этого. Те конфеты, что им всегда дарили по случаю Нового года в приюте, слишком быстро заканчивались, и имели даже не вкус, а скорее, привкус все того же одиночества. Словно подчеркивали, насколько именно они, дети из этого детского дома, никому не нужны. Теперь же, еще даже не притронувшись к шоколадке, которая лежала на столе, в гостиной у Саши, она точно знала, каков на вкус этот праздник. И дело было не в сладостях.

Терпкий, тягучий и липкий, как смола, застывшая каплями на стволе и по всему коридору, свежий-свежий запах хвои пропитал дом. Он окутывал каждого, кто только переступал порог квартиры и заставлял глаза всех, даже взрослых, сверкать совсем по-другому. Настя же просидела перед елкой целый час, просто нюхая воздух. И не могла насытиться этим ароматом. Он казался ей настолько нереальным, и таким волшебным, что она боялась упустить и самую маленькую частичку. Она, если честно, даже несколько раз отщипывала длинные сизо-зеленые иглы сосны и жевала те, наполняя рот горьковатотерпким вкусом. Насте хотелось еще лучше распробовать и запомнить все-все.

Сашка смотрел на нее с выражением сомнения на лице, пытался убедить, что это не самый вкусный обед. А потом не выдержал и сам сжевал пару иголок, из интереса, и за компанию с подругой.

А еще этот праздник пах мандаринами. Они были не очень большие, с чуть зеленоватыми боками, но показались и Насте, и Сашке, такими вкусными, что дети не только моментально слопали выделенное им угощение, но и шкурки от тех сжевали. В большой пиале на подоконнике в кухне лежали остальные мандарины, и им не запрещали те брать. Но и, несмотря на нетерпение, они не торопились за новым фруктом. Саше и Насте самим хотелось растянуть это удовольствие настоящего праздника как можно дольше.

Тетя Наташа и бабушка Аня, соседка Саши сверху, весь день что-то резали и варили на кухне. То и дело они подключали к готовке и их с Сашкой, и друзья с упоением подносили банки с солеными огурцами и горошком из кладовой, резали яйца и, облизываясь, поглядывали на колбасу, которую нарезала бабушка Аня. Мелко-мелко, чтобы казалось, что той больше, как объясняла соседка с улыбкой.

Они вихрем носились по кухне, успевая и заглянуть на пекущийся пирог через стекло горячей духовки, и утащить по кусочку толстой, жирной селедки, пока тетя Наташа отвлеклась на закипевшую картошку на плите. То и дело взрослые с улыбкой прикрикивали на них и отправляли в гостиную, чтобы «не путались под ногами». Но уже через минуту звали опять, требуя что-то принести или, наоборот, спрятать.

И Настя с Сашкой, который на правах старшего руководил их передвижениями, радостно носились по квартире туда-сюда.

И все-все это казалось ей искристым и звонким. Все запахи переплетались между собой, смешивались с ароматом хвои и мандарин, и, как ни странно, эта какофония не

отталкивала, наоборот, делала праздник очень «вкусным» и потрясающим.

Утром, с самого-самого утра, еще до того, как окончательно посветлело на улице, тетя Наташа забрала ее из приюта. Мама Сашки где-то смогла раздобыть целых два пригласительных на детский утренник. И они с Сашкой, который ворчал, что уже большой, чтобы вырядиться пиратом и водить хоровод с мелкотней, пошли смотреть представление. У Насти тоже был костюм. Бабушка Аня пошила ей наряд лесной феи из какого-то старого платья. И Настя то и дело подбегала то к зеркалу в холле детского дома культуры, то заглядывала в отражения окон — любуясь на себя. Даже Сашка перестал ворчать, увидев, сколько восторга принес ей этот утренник. Улыбался, подшучивал, дергал ее за ухо, но все равно — начал вместе с подружкой искренне радоваться празднику.

А Настя — она не просто радовалась. Она, казалось, всей кожей впитывала каждый звук и мерцание мишуры, загадочное покачивание елочных игрушек, отражающих блики света. Даже представление показалось ей самым настоящим. Не игрой актеров, а всамделишной историей, разворачивающейся на ее глазах. Никогда, даже будучи самой маленькой, она не воспринимала представления так. А теперь — теперь верила в сказку. И все — благодаря немногословному, но такому доброму и веселому мальчишке, который сидел рядом, хохоча над игрой актеров на сцене. Ее самому лучшему, настоящему и единственному другу — Сашке.

Все последние месяцы стали сказкой для Насти, и все из-за него. Никогда бы она не поверила, что в ее жизни может появиться друг. А он не только появился, но и целую «семью» с собой привел. И пусть Настя понимала, что тетя Наташа не ее мать, и пусть давала себе отчет, что Анна Трофимовна — в принципе, совсем чужая женщина, это никак не отражалось на ее восприятии.

Эти несколько человек стали настолько близки и дороги ей, что Настя даже не смогла бы выразить степень своих ощущений словами. Они были единственной семьей, которую она знала и имела. И пусть Вера Семеновна несколько раз предупреждала ее, чтобы Настя не привязывалась к тем очень сильно, ведь удочерить тетя Наташа ее никогда не сможет, не позволят ей. Пусть объясняли девочке, что все эти люди — чужие ей, Настя кивала головой, и не верила. Ведь в душе точно знала — нет у нее людей ближе и родней.

Особенно Сашка. Для него она на что угодно была готова. Этот мальчик сделал столько для нее, сколько Настя и не считала вероятным или возможным. Он наполнил каждый ее день чем-то новым и интересным. Он дружил с ней, несмотря на то, что она была из приюта, и девчонка, и слишком много не знала об окружающем мире. Саша рассказывал ей то, что не было написано в учебниках, купленных для Насти воспитателями. Делился с ней знаниями, полученными в школе. Он давал ей читать свои книги, которых и в помине не было в библиотеке детского дома «Солнышко». Книги, полные захватывающих приключений, и невероятных событий, пиратов, изобретателей, инопланетян и чужеземных захватчиков.

Саша научил ее кататься на коньках и подарил Насте лед. Нет, не буквально, конечно. Но без него она никогда бы не узнала, как это здорово: скользить по твердой белой глади, наслаждаясь невероятным ощущением плавности и «почти парения». Это вовсе не напоминало бег или еще что-то, что Настя знала до этого. Ощущение было совсем другим, особенным.

Настя сейчас даже прикусила язык и сжала пальцами мочку уха, пытаясь подобрать сравнение. Но то никак не приходило на ум.

Она сидела перед елкой, рассматривая снежинки, которые они с Сашкой сами вырезали,

и мишуру, принесенную бабушкой Аней. На всей елке имелось только три стеклянных игрушки, но они все не грустили, украсив ту собственными украшениями из цветной бумаги, конфетами и орехами, завернутыми в фольгу из крышек от молочных бутылок.

— Насть!

В комнату влетел Сашка, которого перед этим послали в магазин за хлебом. Мальчишка был весь мокрый, на улице с самого утра лил дождь, и стояла совсем не зимняя погода с десятью градусами выше нуля. Но им даже это не могло испортить праздника.

— Насть, пошли, там мама с... — Друг замер и попытался перевести дыхание, стараясь верно выговорить слово. — Сейс... Сч... Они кремом торт мазать будут, — наконец, сообщил он. — Пошли, поможем.

— Пошли, — согласилась она и проворно вскочила с пола. В тайне надеясь, что и им перепадет немного из остатков крема.

Они честно помогли украсить торт. И так же честно слизали со стенок кастрюльки все остатки сладкого, пахнущего ванилью, лакомства.

А потом началась суматоха последних приготовлений к празднику. Из кухни был перемещен стол, накрыт праздничной белой скатертью, и поверх — прозрачной клеенкой, чтобы не наставить на ту пятен. Из серванта извлекли «особые» тарелки. По рассказам друга, те были привезены его дедушкой после войны из «самой Германии». И берегли эти тарелки так тщательно, что за прошедшие десятилетия разбилась только одна. Настю в этом рассказе поражала не столько давность тарелок, а сама история. История семьи. То, что существовали поколения: матери и дочери, бабушки, отцы, деды, сыновья. Это было настолько невероятно и запредельно для ее понимания, что Настя снова и снова просила друга рассказать ей об этом.

никак не могли усесться, все за что еще не все расставили.

Впрочем, Сашке быстро надоедало, да и не знал он много. И тогда Настя приходила со своими просьбами и интересом к тете Наташе. А та с радостью рассказывала все новые и новые истории из жизни их семьи. Только никогда не касалась отца Саши. И сам друг предпочитал о том молчать. Настя не была дурочкой, и однажды поняв, что вопросы о том причиняют другу боль, да и его мать не веселят — больше не касалась тех в своих интересах и разговорах.

Когда тарелки заняли положенные места на столе, а по бокам от них разложили вилки и ножи, Насте было поручено снабдить всех салфетками. И она с гордостью и прилежностью выполнила поручение, то и дело пиная Сашку. Друг норовил стащить уже разложенные ею салфетки и превратить те в самолетики. А еще ее мелкотней называл. Можно подумать, сам такой взрослый!

А потом появились красивые стаканы для них, и другие, на высоких ножках, искрящиеся светом, «фужеры» для тети Наташи и бабушки Ани. Пространство стола начало заполняться блюдами и вазочками, наполненными едой.

Гостиная сразу стала шумной, яркой. В углу весело подмигивала мишурой сосна, тихо бормотал телевизор, показывая злоключения героев, за которыми, если по правде говорить, никто толком и не следил. И все крутились вокруг стола, что-то рассказывали, толкались, и чем-то бегали на кухню, и смеялись, когда в очередной раз обнаруживали,

И все это было так здорово, так весело и замечательно, что Насте совсем не хотелось, чтобы этот волшебный день заканчивался. Даже, несмотря на то, что и завтра она проведет

здесь. Ей хотелось еще немного, хоть чуть-чуть, растянуть тридцать первое декабря подольше. Как можно полнее распробовать его запах и вкус.

— Насть, Настя. — Шепот Сашки заставил ее раскрыть глаза, которые слипались от усталости и огромного количества событий этого волшебного дня.

— Что? — Она свесила голову с кровати и посмотрела на друга, лежащего на полу.

Их отправили спать минут пятнадцать назад, когда выяснилось, что время уже далеко за полночь и даже бабушка Аня уже «клюет носом». Как и обычно, в таких случаях, Настя заняла постель друга. Себе же Сашка постелил на полу.

— С Новым годом, Насть! — Тихо прошептал Сашка, в ответ на ее вопрос.

И Настя ощутила горячие пальцы Сашки на своей руке, быстрое крепкое пожатие и что-то прохладное, твердое.

— Что это? — Любопытство прогнало сон.

Настя с интересом принялась ощупывать непонятный предмет, пластиковый, похоже. Небольшой, квадратной формы. Точнее было не разобрать — свет включить нельзя и, как назло, уличные фонари тоже не горели.

— Подарок, — немного смущенно, прошептал Сашка. — Я забыл его раньше вручить. Все думал, думал, ждал, когда можно будет. И забыл. Не обижайся.

— Ты что! Спасибо! — Настя и не думала обижаться, наоборот, так обрадовалось, что сна ни в одном глазу не осталось.

Сама она вручила Сашке свой подарок еще утром, когда он только пришел за ней в приют с матерью. Да и что там был за подарок? Так, просто очень хотелось сделать другу приятное. Денег то у нее никогда не было, и все, что Настя могла — это нарисовать рисунок. Она хорошо рисовала, ее всегда хвалили воспитатели, и в этот раз она особо постаралась, изобразив на листе хоккеиста, в форме так любимой другом команды «ЦСКА». Даже попросила у тети Наташи какую-нибудь ненужную фотографию и, вырезав Сашкино лицо, вклеила то на рисунок, так, словно бы это он уже был игроком «армейцев».

Рисунок Саше очень понравился. Едва придя домой, друг сразу прицепил тот к стене и то и дело бегал смотреть на «себя» в командных, сине-красных цветах.

— А что это? — не имея возможности рассмотреть, и не веря собственной догадке, спросила Настя, продолжая ощупывать подарок.

— Харламов, — все еще смущенно ответил друг.

— Сашка! — Настя едва не закричала от восторга.

— Тс! Тихо! Мама сейчас придет! — попытался умерить ее восторг Саша. Но было слышно, что ему пришлось по душе ее радость от этого подарка.

— Сашка! Ты, что?! Ты уверен? — Настя не могла поверить, что друг добровольно расстался со своим сокровищем — квадратным пластмассовым брелоком, с фото известного хоккеиста, погибшего несколько лет назад, еще до рождения самой Насти.

Она спрыгнула с постели и чуть ли не залезла на Сашку, пытаясь заглянуть ему в глаза. Друг рассмеялся и сдавленно ухнул, когда она случайно задела коленом его живот. Попытался ее утихомирить, но Настя не могла успокоиться.

Это же! Это же... Это же было просто невероятно в ее представлении!

Отчего-то, именно этот игрок тронул сердце Насти, и она очень сильно увлеклась им, прочитала все, что только можно было найти. Сотни раз дергала Сашку, чтобы друг еще рассказал ей что-нибудь. Тот смеялся и подшучивал, что Настя, похоже, влюбилась и нашла себе кумира. А она только смущалась и рассматривала брелок, любуясь на спрятанное в тот

фото. Но даже никогда не думала, что Саша подарит брелок ей. Ведь ему тот подарил тренер, привезя из самой Москвы!

— Уверен, — Сашка взъерошил ее короткие кудряшки. — Любишься своим кумиром, когда пожелаешь, — не удержался он от усмешки.

Она смущенно фыркнула, но промолчала, за такой подарок готовая простить другу что угодно.

Солнце понемногу припекало, балуя оттепелью. Детвора высыпала на улицу, радуясь теплым денькам, наконец-то сменившим пасмурные и дождливые дни апреля. Май не просто наступил, обрушился на город лопающимися почками, пробивающейся травой, желтыми, пушистыми головками одуванчиков, и тонким, протяжным гомоном ласточек. И все так быстро, едва ли не за неделю. И солнце, и жара, и настоящее лето!

Ну, почти лето. Но, хоть по календарю и шла лишь вторая неделя мая, на улице стояла взаправдашняя летняя жара. Все дворы, мимо которых они шли по дороге к дворцу спорта, были заполнены шумными ватагами ребят, от самых маленьких, копошащихся в песочницах под любящими взглядами мамочек, до подростков. Последние носились: с деревьев — на крыши гаражей, по чердакам, и снова скатывались во дворы, играя кто в «казаки-разбойники», а кто в простую «войнушку».

Но Насте и Саше некогда была тратить время на такие мелочи. Как и всегда по субботам, они собирались еще на одну, их личную, тренировку. Нет, конечно, ей нравилось тепло солнца, радовало буйство зелени, внезапно захватившей мир. Почему-то, именно этой весной Настя замечала и ощущала все куда ярче, острее. Чувствовала аромат каждой абрикосы и вишни, под белыми ветвями которых они проходили. Но, как ни странно, ей совсем не хотелось остаться в каком-нибудь из дворов, не хотелось примкнуть к одной из шумных компаний и влиться в игру. Нет, ни капельки. Ведь она шла сейчас помогать своему самому лучшему другу! Разве могло хоть что-то быть важнее или интереснее этого занятия? Настя точно знала — нет, не может.

Потому, наверное, и улыбалась так, что щеки немного покалывало. И на каждом шаге сдерживала себя, чтобы совсем по-детски не начать подпрыгивать. И вот так было всегда, каждый раз, когда они куда-нибудь отправлялись вместе. Тетя Наташа, заметив как-то Настин энтузиазм, теперь всегда с усмешкой велела Сашке придерживать подругу за руку. Не ровен час, «улетит» еще, ведь худющая, так ветром в прыжке и подхватит, сдует. Настя немного смущалась, а Саша, хоть и посмеялся шутке, все же, предусмотрительно следовал совету матери. А ей так нравилось, и так хорошо было от этого теплого касания его крепкой ладони, что Настя и не думала обижаться или спорить.

В самом дворце было, как и всегда, темно и прохладно. В коридорах стояла та же гулкая тишина, что и при первом Настином посещении. Но сейчас она уже не боялась потеряться. И не только потому, что Саша был рядом. За эти месяцы Настя исследовала дворец спорта вдоль и поперек, облазила с другом все этажи, даже подвал и чердак, знала все ходы и выходы. Просто так, из любопытства. Да и потом, в этих переходах так правдоподобно получалась играть в космических исследователей и покорителей неизвестных планет, заблудившихся в чужих кораблях или на инопланетных станциях.

Однако сейчас было не до таких игр. Переодевшись, они вышли на лед, и принялись тщательно отрабатывать технику приема, который тренер показал своим воспитанникам вчера. Точнее, это Сашка принялся отрабатывать, а Настя смотрела за тем, чтобы друг все делал так, как демонстрировал Эдуард Альфредович. Она специально вчера внимательно-

внимательно следила за тренером и запоминала каждый жест.

Потом, когда обоим показалось, что Сашка уже неплохо справляется, Настя привычно стала на ворота и, ехидно показав другу язык, натянула шлем. Вот пусть теперь и попробует ей забить! За эти месяцы она стала не таким уж и плохим вратарем.

Через полчаса, когда условный счет показывал ничью, по количеству пропущенных и отбитых ею ударов, их тренировку вдруг, совсем неожиданно, прервали.

— Саш! Настя! Идите сюда. — Возле выхода на лед стоял Эдуард Альфредович, который никогда не появлялся здесь в субботу. И махал им рукой.

Немного удивленные, но радуясь появлению тренера, они прервались и заскользили к ограждению.

И только тут заметили, что за спиной Эдуарда Альфредовича стоят еще двое мужчин. Казалось, что они не только что подошли, а уже какое-то время наблюдали за тем, что делали Настя и Саша. Она присмотрелась. Один из мужчин, по виду, ровесник тренера, сидел на скамье. А второй, явно моложе, высокий, по-спортивному подтянутый, подошел к ограждению почти вплотную, и внимательно следил за их приближением.

Он был такой... Такой... У Насти даже слов не было, чтоб описать этого мужчину. Невероятный, наверное. И очень красивый. Она, конечно, мало кого видела. Но этот мужчина показался ей самым красивым из всех, виденных. Даже не верилось, что люди бывают настолько красивыми. Как в книгах пишут. С черными-черными, густыми волосами, крупным, но очень уместным на его лице носом. Выразительными глазами, внимательными настолько, что, казалось, мужчина замечает каждое их движение, каждый жест. Этот человек выглядел настолько... не к месту здесь, что ли. Словно какая-то важная персона, по ошибке заглянувшая в их старый и ветхий дворец спорта.

Она растерялась. Настя глянула на Сашу и по глазам друга поняла, что и тот не знает, кто это такие. Не предполагал он, похоже, и то, зачем тренер пришел в субботу. Только подмигнул Насте, словно предлагал не гадать, а доехать и все узнать. Что они и сделали.

— Здравствуйте, Эдуард Альфредович! — не стовариваясь, хором поздоровались дети.

— Здравствуйте! — Усмехнулся тот этому приветствию. — Я был почти уверен, что найду тебя здесь, Александр. — Тренер повернулся к ее другу. — Давайте, ребятки, заходите сюда, тут с тобой поговорить хотят.

Эдуард Альфредович немного отошел, освобождая им проход, и Саша, а следом и Настя, покинули лед.

— Это Альберт Романович, — тренер указал на пожилого мужчину, сидящего на скамейке. Тот кивнул детям.

Они с любопытством поздоровались в ответ.

— А это — Дмитрий Валерьевич. — Тренер указал на того мужчину, который был, кажется, моложе, на взгляд Насти.

Определенно, не такой старый, как другие. И красивый.

— Альберт Романович — мой старинный друг, — продолжал рассказывать Эдуард Альфредович. — Когда-то мы вместе играли. Да так и продолжаем дружить. А Дмитрий Валерьевич — работает вместе с ним. Они приехали из Санкт-Петербурга, Саша. Там они работают в хорошей команде. Отбирают ребят и тренируют подрастающую смену состава. Сейчас они приехали и у меня погостить, и посмотреть на вас, моих

ребят. Вот я и привел их сюда. Давно хотел показать знающим людям, как ты играешь.

— Привет, — поздоровался Дмитрий Валерьевич. — Как тебя зовут, полностью? —

Спросил он у ее друга.

И только когда и через минуту Сашка не ответил, Настя удивленно повернулась, перестав разглядывать мужчин. Одного взгляда на друга хватило, чтобы понять — он в панике. И, наверняка, боится даже рот открыть, чтобы не начать путаться. И чтобы его не посчитали идиотом. Она очень хорошо знала его страхи.

Именно в этот момент Настя осознала, что произошло. То, самое! То, чего они с Сашей и тетей Наташей так ждали! Оно!

— Верецагин Александр Анатольевич. — Выпала она вместо Сашки, поняв, что друга надо срочно спасать. — Играет с восьми лет. В этом году ему исполнится четырнадцать.

Все на одном дыхании, но совершенно бесстрашно. За Сашку она готова была на что угодно. Хоть сама вытолкать его на лед для демонстрации, если понадобится.

Тренера удивленно перевели глаза на нее. Эдуард Альфредович улыбнулся, а Дмитрий Валерьевич даже рассмеялся.

— Ты, смотри какая бойкая у тебя сестра, — покачал он головой. — С такой не пропадешь. Младшая? — Спросил он, видно, поняв, что парень растерялся от их неожиданного появления.

— Она не сестра, — вдруг серьезно возразил Саша. Совсем забыв о своем запинании, кстати. И это Настю очень порадовало. — Она мой друг. Лучший. — И он так глянул на тренеров, словно собирался драться, если кто-то попробует хоть что-то возразить или сказать по этому поводу.

— Друг? — очень серьезно переспросил Дмитрий Валерьевич. — Хороший друг, вон, сама на нас с кулаками готова броситься, если мы тебя обидим, — он усмехнулся.

А Настя смутилась, поняв, что и правда, стоит, сжав кулаки, и даже прищурилась немного, следя за этими мужчинами, которые настолько выбили из колеи Сашку.

— Я... Нет! Что вы?! — она вдруг отчаянно испугалась, что эти люди могут уйти из-за нее.

Уйти, и не увидеть, как замечательно играет Саша. Какой из него может выйти великолепный хоккеист. Испугалась, что подведет друга.

— Я, наверное, лучше уйду. А вы обязательно посмотрите, как он играет. Он очень хорошо...

Саша, похоже, поняв ее испуг, взял ладошку Насти и крепко сжал, словно ободрял.

— Никуда ты не пойдешь, — буркнул он, продолжая с вызовом смотреть на тренеров. — Только со мной. Домой. Мама обещала печенья испечь, ты что, забыла?

Взрослые рассмеялись.

— Да, правильно. Такого друга прогонять и терять нельзя, — кивнул Дмитрий Валерьевич. — Ты ее крепко держи, Саша, — подмигнул он парню. — А на игру мы его уже смотрели и на то, как ты его гоняла, заставляя отрабатывать удар. — Теперь уже Дмитрий Валерьевич улыбался Насте. Чем смутил ее донельзя. — Еще на общую тренировку придем — опять посмотрим. — Мужчина подмигнул.

Настя почувствовала, что совсем растерялась и покраснела. Она совсем не привыкла, чтобы кто-то из взрослых, ну, кроме тети Наташи или воспитателей, обращал на нее столько внимания. Особенно мужчины. Сашка вдруг, сердито хмыкнул и дернул ее за руку, так, что Настя немного покачнулась на коньках. Пришлось переступить с ноги на ногу.

Она удивленно и непонимающе посмотрела на друга. Чего это с ним? Но Сашка только

хмуρο глянул на нее, и вышел немного вперед, так, что Настя оказалась за его спиной.

— Вот что, Саш, — все еще с усмешкой поглядывая на них, решил Эдуард Альфредович. — Давай-ка, и мы с вами, к тебе домой заглянем. С мамой твоей поговорим. Ты не против?

Саша еще раз внимательно осмотрел всех троих, словно, вдруг, перестал доверять своему тренеру.

Но Настя видела, что ему очень хочется. И что страшно. И что не верится. И что ее друг очень-очень, ну вот очень сильно надеется! И молчит. Эх, надо спасать ситуацию.

— Конечно! — Она даже подпрыгнула в своих коньках, чтобы выглянуть из-за Сашкиного плеча. Друг был гораздо выше. — Конечно, пойдете. Он совсем не против. Он очень рад, Эдуард Альфредович!

Она толкнула Сашку в спину.

— Да. — Буркнул друг. — Очень.

— Спасибо за приглашение, — посмеиваясь, «поблагодарил» Дмитрий Валерьевич. Подталкиваемые Эдуардом Альфредовичем, ребята быстро переоделись и, в сопровождении тренеров, пошли к Сашке домой.

— Ты что, сбрендил? — Настя возмущенно смотрела на друга. — Ты чего себя так вел? Это же... Это же...

Она развела руками, не зная, как высказать одним словом все, что хотела.

Они сидели в комнате Сашки, куда их отправили после обеда и обещанного печенья. Тетя Наташа осталась на кухне стремя тренерами. Они уже минут сорок о чем-то там разговаривали. Дети все это время сидели тихо-тихо, как мышки, в надежде разобрать хоть что-то из разговора. У них получалось плохо и, наконец, не выдержав, Настя решила потребовать у Сашки объяснений. Правда сделала она это шипящим шепотом.

Друг одарил ее хмурым взглядом и отвернулся.

Так. Эту гримасу она знала. Будет в молчанку играть.

— Саш, ну ты чего? Ты же так этого ждал? — растерявшись, спросила Настя. И перелезла по кровати так, чтоб видеть его лицо. — Это же шанс! Тот самый! Тебя заметили! Тебя в команду возьмут!

Она так сильно хотела, чтобы это было правдой. Внутри все просто горело и танцевало при одной только мысли, что Сашка сможет стать настоящим хоккеистом. Самым настоящим! И самым лучшим из всех-всех!

— А я, может, уже этого и не хочу, — буркнул Сашка вдруг, и снова отвернулся.

Настя обалдело уставилась на его затылок. Моргнула. Решила, что ослышалась, и опять полезла заглядывать ему в глаза.

— Ты — точно сбрендил! — заключила она, рассматривая поджатые губы друга. — Как это — не хочешь? Ты же всегда мечтал стать хоккеистом. И вот...

— Что «вот»?! — Сашка вдруг вскочил на ноги. — Что? Ты — что, маленькая? Не понимаешь, что ли? — он посмотрел на нее почти зло.

— А ты у нас взрослый, что ли? — Ничуть не испугавшись, хмыкнула Настя и растянулась на кровати во весь рост. Не очень большой, правда. — Саш, ну ты что? Что я не понимаю?

Она внимательно-внимательно смотрела на его грустные глаза и на решительно выдвинутую вперед нижнюю челюсть.

— Ничего, — опять проворчал друг и отошел к окну.

«Ну и?», хотелось спросить Насте.

Вместо этого она вздохнула и, закрыв глаза, сделала вид, что задремала. И никакие-такие мальчишки- грубияны на нее тут не кричали. И, вообще...

— Ты чего так на этого Дмитрий Валерьевича тогда уставилась? — голос Сашки был подозрительным и недовольным.

Настя удивилась и раскрыла глаза, посмотрела на друга.

— Ничего. — Она пожала плечами. — Он просто такой... Я не знаю, даже. Не как все что ли. Кажется, как актер или еще какая звезда. Странно смотреть на такого человека среди нас. словно он не такой, не обычный. — Она перевернулась на живот и посмотрела на друга. Но тот глядел в окно, и нельзя было понять, что он думает. — Да и мама твоя, видел, как на него смотрела, — хихикнула Настя, вспомнив, как они вернулись домой. — И он на нее. Как две статуи застыли, и глядели, глядели. Даже Эдуард Альфредович засмеялся.

Настя улыбнулась смешной заминке, которая случилась, когда все стали знакомиться.

— Ста?туи, — поправил друг. Казалось, он разозлился еще больше. — И, вообще, причем здесь мама? Она взрослый человек! И свободная.

— А я, что, занятая? — удивилась Настя, не поняв логики. По поводу возраста спорить было нечего, что против правды скажешь?

— А ты — моя! — вдруг огрызнулся Сашка. — Мой... Друг. Лучший, — пояснил он, видя, что Настя растерянно хлопает ресницами и с удивление смотрит на него.

— Саш, так я же не перестану быть твоим другом, если посмотрю на кого-то минуту, — совсем растерялась она.

Села назад на кровать и запустила пальцы в волосы. Те, конечно же, были короткими, чтобы, не дай Бог, вши не завелись. И от того, что их вечно стригли, от природы кудрявые, они торчали в разные стороны, как смешная шапка.

— Ты что, из-за этого сердиться? — Настя посмотрела на Сашку. — Ты что. Я же для тебя... За тебя... Я же... — она не могла подобрать слов, чтоб рассказать, передать, что на все-все для него готова. И не нужен ей никто больше. Разве он не знает? — Мне же больше и не нужен никто, Саш. Ты же и мой лучший друг. Вот, хочешь, я тебе поклянусь? Хоть на крови? — Настя вскочила, вдруг придя в восторг от такой идеи.

В книжках же так и делали! Тогда он точно поверит, и больше не будет сердиться!

Но Саша только усмехнулся, отчего-то грустно, и покачал головой.

— Не надо, Насть, ты чего? Мелкая ты еще, с кровью связываться. Еще в обморок грохнешься, — поддел он ее.

Теперь уже Настя обиделась и сдвинула брови. Отвернулась.

«Дите-дите». Он смотрел на нее, и не мог успокоить всего того, что вдруг закрутилось, завертелось, сжалось внутри, когда он понял, что может случиться. А она обижается. До сих пор не поняла. Двенадцать лет через месяц, а, и правда, два плюс два сложить не может, как ребенок. И так за его интересы, за его удачу радуется. Не понимая, что все сразу он получить не может.

А вот Саша понял. Сразу как-то. Едва увидел этих мужчин за спиной тренера — так и дошло. Его мечта, и правда, может стать реальностью. Только, он уже действительно не был уверен, что хочет этого.

То есть, хочет, конечно. Тут и вопросов нет. Очень хочет. Одна проблема — если все будет так, как видится сейчас ему и Насте, то Саша уедет. Не просто далеко. Не в чужой город. В другую страну. На долго. Может, и навсегда. А Настя? Кто ее с ними пустит?

Никто. Им не отдадут девочку из приюта. Он уже просил маму узнать об этом. И она призналась, что разговаривала с директрисой, нота объяснила, что это просто невозможно. У них не полная семья. Вот так вот. Кто-то так решил, что лучше них знает, какие семьи могут воспитывать детей, а какие не могут. Да у него — самая лучшая мама на свете! Она бы прекрасно воспитала Настю, и та была бы с ними очень счастлива! Но нет, им не дадут так сделать.

Сашка сердился, когда узнал об этом. Но, поскольку, никто и не запрещал им дружить, а Настя практически все свое время проводила у них, то и разницы особой не было.

Однако теперь, теперь все может поменяться. А он не хотел этого! Не хотел уезжать и оставлять ее здесь! Так же нельзя, просто! Она же, и правда, его! Самый лучший и настоящий, единственный друг! И другого такого никогда не будет, Саша точно знал! Как же он может уехать, пусть и заниматься хоккеем, а ее оставить? У него в голове это сейчас не укладывалось.

Даже то, что Дмитрий Валерьевич, как верно заметила Настя, как-то подозрительно долго глазел на его мать по приходу, Сашу так не разозлило. Нет непонятно, конечно, чего он пялится. Но мама-то, Саша точно знал, всегда будет с ним. А Настя... Ее он может потерять. И уже так скоро.

Как? Как можно выбрать между мечтой и лучшим другом? Как!? Саша не понимал и приходил в ужас от мысли, что вот-вот может очутиться перед таким выбором.

Она говорит, что готова для него все-все сделать. Так и он, ведь, готов! Все. Что ни понадобится. И, кажется, даже остаться. Мечту, в конце концов, можно и другую завести, а настоящего друга — нет. Это же очень серьезно. Тем более, такого друга, как Настя.

У нее же, кроме него и его мамы, больше никого на целом свете нет! Она даже дня рождения своего не знает! И не праздновала никогда! Это он, Саша, предложил, чтобы они его первого июня отметили. В день защиты детей. Ему мама рассказывала, что такой праздник есть.

А Насте нужна защита. Как никому нужна. Это она с виду колючая и боевая. А на самом деле, он-то уже знает, что она очень впечатлительная. И ранимая. Ее ничего не стоит задеть, а она потом спрячется и целый день будет ногти грызть. Под самый корень. Но ничего не скажет. Ни словом не выдаст. Ее пытаться надо, чтобы узнать, что же произошло. Как тогда, когда Леха со своими парнями стали ее «подкидывать» звать. Тайком. Когда он не слышал. Издевались над ней, говорили, что Саша с ней из жалости дружит. И мама его тоже. Сашка, когда выяснил, спокойно отвел ее в приют. А потом — нашел этих идиотов, и хорошо им врезал. Ему, конечно, тоже досталось. Все-таки, ничего не изменилось, и расклад был: трое на одного. Но он подрос за эти месяц. Да и регулярные тренировки делали его сильнее. Тем более что Леха, Клим и Балка, в последнее время, больше пиво пили, да сигареты где-то тягали, чем о здоровье или каких-то тренировках думали. Они врагов брали массой и страхом. А Саша уже научился их не бояться.

Мама, конечно, расстроилась, увидев новые синяки. Но Саша, как мог, объяснил, что у него не было выбора. Друзей надо защищать. Всегда. Она же сама его такому учила. И мама согласилась, хоть и вздыхала грустно весь вечер. А вот Настя начала на него кричать на следующее утро. И плакать. С чего, спрашивается? Он ей все постарался объяснить. Но она не поверила в то, что он споткнулся на лестнице. Умная, хоть и мелкая. И начала говорить, что зря. И он не должен был.

Глупая. Да за нее он и с десятью биться бы пошел. Не то, что с Лехой и его пацанами.

Он же и сам для нее все-все готов сделать. И на крови клясться не надо. Зачем? Разве это что-то изменит, или сделает их дружбу еще крепче? Нет. Крепче и сильнее, уже просто некуда.

О чем разговаривали взрослые на кухне, они узнали только вечером. Когда все мужчины, разу по третьему, выпив чаю, и съев все печенье, наконец-то, ушли. Тетя Наташа еще какое-то время следила за ними из окна кухни, и выглядела при этом, как показалось Насте, очень даже мечтательно. Даже вздохнула раз, другой. И почему-то, Настя могла бы поспорить, что вздыхает Сашкина мама не вслед Эдуарду Альфредовичу или Альберту Романовичу.

Ага, как же!

Сегодня, впервые, наверное, там, на льду, глядя на Дмитрия Валерьевича она поняла, кто она. Она девушка. Ну, или станет ею вскоре. И теперь, глядя на спину мамы Сашки, Настя ощущала некую сопричастность с ней. Не такую, как раньше. Не как к матери друга. А как к женщине. Она почти понимала, что заставляет тетю Наташу так смущенно улыбаться, а ее щеки краснеть. И почему пальцы тети Наташи теперь все время за что-то хватаются и стараются переставить то тарелку, то чашку, то скатерть поправить.

Ей понравился этот мужчина. Настя точно знала. Вот этим новым, открывшимся ей чувством сопричастности. Каким-то внутренним знанием. И совсем не потому, что и ей понравился Дмитрий Валерьевич. Зря Сашка злился. Она просто никогда еще не видела таких мужчин, вот и смотрела тогда.

Но Настя точно знала, что и у нее, наверное, начали бы вот так дрожать пальцы, если бы Сашка посмотрел на нее так, как этот тренер смотрел на тетю Наташу.

Настя, правда, пока не очень поняла, что это значит. Но точно знала, что не ошиблась.

— Они еще несколько раз будут приходить на тренировки, — рассказывала тетя Наташа, вертя в руках чашку и, кажется, находясь мыслями совсем в другом месте. — Посмотрят на твою игру. Запишут на камеру, покажут потом основным тренерам клуба. Если их устроит твоя игра — нас пригласят на смотрины в Санкт-Петербург.

Тетя Наташа замолчала. Через пару секунд улыбнулась чему-то своему. Да так и осталась сидеть: молча и улыбаясь.

А Сашка, вот, напротив, стал еще мрачнее.

— Я не уверен, что хочу этого, мам, — хмуро заметил ее друг.

Тетя Наташа удивленно подняла голову. Но Настя уже перестала следить за ее настроением.

Она вдруг поняла. Только сейчас. Когда вот так сказали, прямо и четко. Ясно.

Саша может уехать. Уедет, скорее всего. В совсем другую страну.

Навсегда.

А она... Она никуда не сможет уехать. Так и останется в своем приюте. Но уже без своего лучшего друга.

Что-то сдавило внутри. Так сильно, что и вздохнуть не получалось. Аж до боли. И сильно-сильно захотелось плакать. Настя уставилась в стол перед собой и прикусила большой палец.

Она не должна показать, что ей больно. Не имеет права. Это же его мечта. Он так много старался, чтобы его заметила. Она не должна...

Настя даже не заметила, как принялась грызть ноготь.

ГЛАВА 5

Тем вечером Настю так и не отвели в приют. Тетя Наташа позвонила Вере Семеновне, предупредив, что девочка останется ночевать у них. А после — они еще долго сидели на кухне. Саша упрямо заявлял, что не хочет больше уезжать в Россию и становится хоккеистом, тетя Наташа пыталась добиться от него вразумительных ответов почему, а Настя... Настя молчала. Она не считала, что имеет право что-то говорить.

Наконец когда все устали до предела, тетя Наташа подвела итог. Она предложила сыну не торопиться ни с одним вариантом решения. Все равно, поездка еще «вилами по воде писана». Пусть Шурка подумает, взвесит, посмотрит. И, если, в итоге, когда их пригласят, он не захочет — они никуда не поедут.

Саша согласился с матерью, и крепко ее обнял. Настя продолжала молчать, и только покорно улеглась спать, когда их отправили в комнату. Но уснуть смогла значительно позже. Она лежала у самого края кровати и во все глаза смотрела на спокойно спящего Сашку. Ее друг, похоже, полностью успокоенный заверениями матери, мирно спал. А Настя — не могла уснуть. Ей очень хотелось навсегда запомнить его. Хотелось поверить, что Сашка, и правда, никуда не уедет. Только, она же понимала, что так просто нельзя. Несправедливо по отношению к нему. А что делать, и как решить — не могла придумать. Ее с ними никто не отпустит. Да и, вообще...

Потому, мучаясь нелегкими думами, Настя лежала, и смотрела, смотрела, смотрела, еще не зная тогда, что жизнь все решит и за нее, и за Сашку.

С момента первого появления Дмитрия Валерьевича и Альберта Романовича в его жизни, прошло три недели. Саша почти свыкся с тем, что первый из них, Дмитрий, зачастил к ним в гости. Правда, не к самому Саше. Да и не о хоккее он говорил. Этот мужчина приходил к его маме.

Сначала Сашка был против и настороженно следил за тем, как эти двое сидели часами на кухне или на лавочке у их подъезда, и о чем-то разговаривали. Он не знал о чем, не подслушивал. Однако не мог не видеть, как радуется его мама этим визитам, и как «расцветает» от одного взгляда Дмитрия Валерьевича. Да и тот — смотрел на его маму так, словно никогда не видел такой женщины.

Нет, Сашка, разумеется, знал, что его мама самая лучшая и красивая на свете. Но все же испытывал закономерные сомнения, что и Дмитрий Валерьевич может так считать. Он-то, не ее сын, и может не понимать, насколько мама классная. И из-за этих сомнений, Саша продолжал приглядываться к мужчине, сомневаясь в «чистоте» его намерений. Но, постепенно, тому все больше удавалось убедить Сашу, что настроен серьезно. Даже сложно было сказать почему, то ли оттого, с каким уважением Дмитрий Валерьевич относился к его маме, то ли потому, что тренер и его мнение, самого Саша, всегда учитывал, и серьезно, без смеха или шутки, спрашивал разрешения на то, чтобы куда-то ту пригласить. Даже их с Настей часто с собой звал. И если они соглашались — уделял им внимание не вынужденно, что ощущалось бы, а с настоящим интересом. В общем, Саша начинал по чуть-чуть доверять этому человеку. И даже радовался, что его мама выглядела куда веселее и счастливее в эти недели.

Так же, Дмитрий Валерьевич и Альфред Романович продолжали приходиться на тренировки. Они ни с кем из ребят не разговаривали, да и ему самому никак не давали понять, что выделяют Сашу из всех занимающихся в секции. Мужчины сидели, наблюдая за

игрой, что-то обсуждали между собой и с Эдуардом Альбертовичем, записывали какие-то моменты на видеокамеру. Та, кстати, вызвала настоящий переполох среди мальчишек, никто из них еще не видел такой вблизи. И потому, каждый, старался под любым предлогом подойти ближе и лучше рассмотреть это «чудо».

Саша тоже ходил и смотрел. А еще — играл. Играл хорошо, замечательно, наверное. Потому что все больше убеждался, что никуда не поедет. Не мог он Настю оставить. Не мог. А потому, старался наиграться в хоккей, понимая, что его решение не позволит ему пойти куда-то дальше этой секции. Разве что в их стране случится чудо и государство резко бросится спасать этот вид спорта.

Чего пока, к огромному сожалению, не наблюдалось.

А еще, они с мамой тщательно готовили праздник для Насти, чтобы этот «день рождения» вышел самым-самым лучшим, каким только мог быть. Правда, к своему огорчению, Саша никак не мог выбрать подарок. Осталось меньше недели, а он еще не определился, что же подарить подруге и размышлял об этом все время.

Сегодня, как и всегда после школы, он отправлялся на тренировку. Сейчас он зайдет в приют за Настей, и они вместе отправятся на лед. Саша как раз одевался, слушая тихие разговоры мамы и Анны Трофимовны на кухне, когда кто-то позвонил в дверь. Странно, к ним редко кто-то приходил. Разве что бабушка Аня. Так она и сейчас у них. Или это Дмитрий Валерьевич, который теперь приходил едва ли ни ежедневно? Хотя, тот, обычно, заглядывал в гости вечером.

— Я открою! — крикнул Саша маме, решив не гадать, а проверить, кто пришел.

Выйдя в коридор, он глянул в глазок и с удивлением распахнул входные двери перед Верой Семеновной, директором Настиного приюта. Женщина казалось очень грустной и, сейчас, стоя у них под дверью, она плакала.

— Здравствуйте. — Немного растерянно произнес Саша. — А я к вам собирался...

Даже кивнул и отступил, пропуская женщину внутрь. А у самого внутри что-то сжалось, сдавило. Сашка не то, что умом, чем-то другим, примитивным и диким понял, что случилось что-то. С Настей. И это было плохо. Очень плохо.

И он до рези в глазах сейчас всматривался в директрису, отчаянно желая понять, что произошло, и до дрожи в коленях боясь этого.

— Шурка, кто там? — Мама и Анна Трофимовна выглянули из кухни.

Но ни Саша, ни Вера Семеновна не обернулись. Директриса смотрела только на него, и он не мог глаза отвести.

— Саша... — Вера Семеновна глубоко вздохнула. — Тебе уже не за чем к нам приходиться. Настя... ее нет. Ее забрали сегодня.

Женщина принялась утирать слезы. А Саша... Он просто не мог понять, что она имеет в виду.

— Как это — нет? — Переспросил он, удивившись, отчего это голос стал таким хриплым и ломанным. — Куда забрали? Кто?

— Социальная служба. Ее документы восстановили. И за ней сегодня приехали, чтобы перевести в детский дом для старших детей. — Прерывисто, все еще всхлипывая, объяснила Вера Семеновна.

— Нет. — Саша покачал головой. — НЕТ! — Крикнул он. — Она бы не уехала, не рассказав мне. Не попрощавшись. Я сейчас пойду. Скажу, что ее нельзя забирать...

— Саша. — Вера Семеновна ухватила его за руку. А он и не заметил, что рванул к

дверям. — Ей не дали, Сашенька. Настя очень просила отпустить ее попрощаться. Рассказать. И я просила, объясняла. Мы плакали. Но, понимаешь, у них и другие дети были. Беспризорники, которых милиция передала. А ехать далеко. В нашем городе сейчас нет детского дома для старших детей. Объединили с соседней областью. И социальный работник не захотела ждать, не разрешила. Мы так просили... А они уехали, Сашенька. Уже уехали. А я к вам сразу... — Вера Семеновна опять заплакала. — Они мне даже не сказали, куда ее переведут. В соседнюю область, или в другое место. «Еще не решено», вот и все что мне ответили.

Саша ощущал себя потерянно. Оглушено. Так, как когда с размаху получал в живот. Еще не осознав, не поняв, он оглянулся, словно надеялся, что мама сейчас улыбнется и все решит. Так, как всегда это делала. Все уладит. Она же все может...

Но мама, глядя на него печальными, полными слез глазами, зажимала ладонью рот. А бабушка Аня в открытую плакала.

Это окончательно добило его.

— Нет! — вдруг закричал Саша. — Нет! — Он замотал головой, будто пытался оттолкнуть, стряхнуть с себя правду. — Нет!

Не понимая зачем, для чего, куда, он рванул с места, и выбежал из квартиры.

— Сашенька! — Несся за ним вслед объединенный крик испуганных женщин. — Сынок!

Но он не оборачивался. Просто не мог. Ему надо было.

Что именно надо — Саша не знал. Но остановиться не мог. Казалось, что если он хоть на секундочку остановится — станет так больно, что он просто не вынесет, не выдержит. И Саша бежал куда-то, не замечая никого на своем пути, не разбирая самой дороги.

Он не мог поверить, что Настю забрали. Не мог! И это тогда, когда он сам решил отказаться от хоккея, лишь бы остаться здесь, с ней!

Как они могли? Как!? Даже не пустить ее попрощаться, не дать рассказать, не сообщить, куда...

Сашке так сильно хотелось кого-нибудь поколотить. Чтоб больно-больно. Чтоб до крови. Не за что-то конкретное, а потому, что ему сейчас было так больно внутри. Потому что, казалось, в животе завязали все тугим узлом, а потом порвали. Настолько больно было. Но он не останавливался, все бежал и бежал, пока не понял, что добрался до дворца спорта и катка.

Сашка стоял посреди темного зала и тяжело дышал. Пот градом катился по лицу и телу, щипал глаза и губы. Надрывные вдохи громко, хрипло разносились по пустому пока еще помещению.

Рано. Он рано пришел. Ведь собирался же еще зайти за Настей...

Эта мысль окатила его новой болью. Словно он не остановился, а с размаху врезался в стену. Так больно, просто невыносимо. Он сжал веки. Сильно-сильно. Глаза пекло не только от пота. Хотелось плакать, выть в голос. Но он же мальчик. А мальчики не плачут. Они сильные. Они должны защищать девочек, это тем позволено плакать.

Сашка вспомнил, что Вера Семеновна сказала — Настя плакала. От этой мысли и дышать стало трудно. Он пошел. Опять попытался отвлечься движением. Добрал до катка. Несколько мгновений смотрел на сверкающий лед, убеждая себя, что этого от его сияния глаза режет.

А потом, словно наяву, услышал ее голос. Вспомнил, как она «болела» за него во время

тренировок, как заставляла отрабатывать удары. И как ругалась, если Сашка, ненароком, бормотал ругательства, когда у него не получалось. Совсем, как Эдуард Альфредович. Мелюзга же, а его учила...

Он не выдержал. Вышел на лед в сандалиях, сел на корточки, упершись спиной в ограждение. И заплакал. Заплакал так, что не мог остановиться. Тер глаза, прижимал те кулаками, но слезы все равно лились, будто сами по себе. А он не мог те остановить. Так же, как не мог теперь пойти и забрать Настю.

Сашка ревел, как дите в песочнице, но не мог иначе. Всхлипывал, закусывал губу. И плакал. Все равно плакал. Он не знал, что теперь делать и как быть дальше. Просто не знал. Даже встать не мог. Хоть уже было холодно, и он дрожал, обхватывая себя руками. И надо было уйти, до того, как соберутся парни на тренировку. Но не выходило. Не получалось. Только эти дурацкие слезы, которые никак не желали заканчиваться, все лились, и лились. И нос сопел, и вот-вот, кажется, икота могла начаться.

— Саша?

Он даже не сразу услышал, что его зовут. Только когда Дмитрий Валерьевич опустился на корточки прямо перед ним и напряженно заглянул в глаза, понял, что уже не один здесь. Может, и еще кто-то пришел. И видел, как он позорно ревет, словно малолетка. Только и стыдно не было. Кроме боли и отчаяния Сашка сейчас ничего не ощущал.

— Саша, что случилось? Что-то с мамой? — Тренер опустил ему руку на плечо, стараясь привлечь внимание. — Что с тобой?

Он не мог внятно ответить. Только затряс головой, так, что зубы клацнули.

— Мама... Мама... Хорошо. С ней... хорошо. Все. — Заикаясь, с трудом, с мукой, о которой уже позабыл за эти месяцы, принялся он выталкивать из себя слова. Забывая и пугая, что и как говорить. — Настя...

Сашка не держался, опять всхлипнул. Тут же зажал рот кулаком.

Дмитрий Валерьевич помрачнел и крепче сжал его плечо. Осмотрелся.

— Где она? С ней что-то случилось, Саш? Что? Да, не молчи же, Сашка?!

Уж этот мужчина, столько времени проводя с ними за последние недели, точно знал, что Настя никогда не пропускает тренировок Саши.

— Ее забрали. — Выдохнул Саша. — Все. Увез... ли. Кто-то. Не знаю. Не пустили ко мне. Даже не прощались. И куда — не знаю. — Сбивчиво попытался объяснить он, как мог. — Все. Забрали.

Саша уставился глазами в лед. Голова казалась чужой, тяжелой, и язык не слушался. И в животе болело все так же сильно. И в груди пекло.

Дмитрий Валерьевич помолчал несколько минут, после чего надавил ему на плечо.

— Саш, давай, поднимайся, парень. Знаю, верю, что тяжело. И больно. Но если ты сейчас еще и заболеешь — никому легче не станет. Мать знает, где ты?

Саша покачал головой, но поднялся, опираясь одной рукой на ограждение.

— Давай-ка, я тебя домой отведу. На тренировке тебе нечего сегодня делать. — Решил Дмитрий Валерьевич. — Эдуарду Альфредовичу я все потом объясню. А ты дома нужнее Маме твоей, тоже, нелегко сейчас, наверное. Она же Настю, не меньше тебя любила. Как родную

Сашке захотелось закричать, топнуть ногой, поспорить.

Никто не любил Настю, как он! Даже его мама. Никто! И она никого так не любила, как его. Она же его лучший друг! И была, и будет! Его!

Но он не стал этого говорить вслух. Понимал, что Дмитрий Валерьевич прав, может и не во всем, но во многом. И он своей маме сейчас нужен. И она ему — тоже. Потому Саше послушно пошел следом за тренером.

— Прорвешься, парень. — Негромко заметил тот. — Ты прорвешься. Сильный. И Настя твоя — сильная. Не грусти раньше времени. Постараемся узнать, куда ее перевели. Съездим, поговорите. Переписываться, хотя бы, сможете.

И он поверил. Как-то легче стало. И отпустило внутри что-то. Он ее найдет, обязательно. А там — там они еще что-то придумают.

Однако им так ничего и не удалось узнать. Сколько не звонила начальству Вера Семеновна, сколько не писала обращений в социальную службу его мама — никто не сказал им, где Настя. Недели шли, превращаясь в месяцы. Началось лето. Он сам, в одиночестве, даже от мамы тайком, отметил ее день рождения. С горечью, и слезами, которым уже не дал пролиться из глаз.

Саша повзрослел после того дня. Понял вдруг, что есть вещи, на которые даже его мама не в силах повлиять. Никто не может. И что, как бы сильно ты не любил кого-то, у тебя могут отнять этого человека, не спросив, и даже не дав попрощаться.

Он стал взрослым. Не столько физически. В душе.

приносит радость.

Дмитрий Валерьевич с Альбертом Романовичем уехали в свою страну, и теперь первый регулярно звонил его маме. Саша продолжал ходить в секцию и надеяться, надеяться...

Но ничего не менялось. За три месяца они не узнали о Насе ничего. А потом — в августе, его с мамой пригласили на «смотрины» в команду. Мама не заставляла, говорила, что они могут остаться и продолжать искать. Но он по ее глазам видел, что веры в успех у мамы уже не осталось. И Саша так не хотел, чтобы мама снова была несчастна как тогда, когда они ушли от папы. И не только потому, что он может упустить такой шанс. Но и из-за Дмитрия Валерьевича, который, похоже, настолько сильно ей нравился.

Он не смог отказаться. Не смог. На их семью и одного несчастного хватит. Маме страдать необязательно. И двадцатого августа они уехали в Россию, понимая, что, вероятнее всего, не вернутся. По словам и Дмитрия Валерьевича, который приехал им помогать, и Альберта Романовича, который и звонил им, приглашая — тренера основной команды очень заинтересовались подрастающим игроком. И если только сам Сашка не подведет — его готовы тренировать и «растить» для основного состава команды.

И он уехал, настроенный работать столько, сколько понадобится. Но с пониманием, что иногда даже осуществление самой заветной мечты не

Ночи становились все холоднее и легкая курточка, которая сильно изнашивалась за эти месяцы, уже не согревала, не спасала от пробирающей дрожи. Когда она находила какой-то подвал или чердак, где можно было поспать ночью, это не имело значения. Но сегодня Настя брела по улице, и холод заставлял ее зябко обнимать себя руками, а кожу покрываться противными мурашками. Она старалась не обращать на это внимание. Просто брела вперед, переставляя уставшие ноги, и убеждая себя, что осталось совсем немного. Она так долго шла. Так долго...

Но теперь, уже немного осталось. Совсем чуть-чуть, и Настя найдет то, что ищет. Главное, что удалось вернуться в свой город.

Так странно, тогда, весной, когда ее забрали, дорога до приюта заняла пять часов на

микровавтобусе, в котором, кроме Насти, ехало еще четыре ребенка. Назад же она добирается уже четвертый месяц. Почему? Почему она такая маленькая? Почему такая глупая? Почему столько раз умудрялась теряться и идти не в ту сторону? Ведь, чего проще, иди себе вдоль трассы... Но, на самом деле, все было совсем не так просто.

Рука болела. Не осознавая, Настя потерла плечо ладонью и поморщилась от ноющей боли. Почему-то рана никак не заживала полностью. Покрывалась коркой, вроде бы. Но из-под той, то и дело, начинал сочиться гной, а кожа вокруг давно стала одутловатой и синюшной. Впрочем, Настя уже настолько привыкла к этой боли, что, чаще всего, и внимания не обращала. А ведь именно после того, как она получила эту рану, и решила сбежать.

Вот так, волей-неволей, но ее мысли постоянно возвращались туда, к тому моменту, как ее увезли. Неожиданно. Ни о чем не предупредив. Кода-то Настя мечтала о том, что ее документы, наконец, восстановят и она сможет общаться со сверстниками. Но то было до того, как она познакомилась с Сашкой.

Саша... При любой мысли о нем ей так хотелось плакать, что дыхание пропадало, а в груди все, словно горело. Ей так хотелось домой, к нему, к тете Наташе. А эти люди даже не позволили им тогда попроситься. Она плакала всю дорогу в автобусе. Тайком, чтобы никто не видел. Уставилась в окно и ни на кого не обращала внимания. Настя даже не представляла, что ждет ее впереди и, если судить о тех, кого вместе с ней везли в приют — хорошего в этом будущем было мало. А она могла думать только о тех, кто уже остался позади.

Почему?! Почему кто-то дал право чужим, незнакомым ей людям решать, как поступать с ее жизнью? Почему? Они же ничего не знают о ней, не интересуются тем, чего она хочет и о чем мечтает. По какому праву они забирают и увозят Настю от людей, которые ее любят? Которых так сильно любит Настя? От Саши...

Но ее мнения не собирались спрашивать. И слишком скоро Настя поняла, что совершенно зря мечтала покинуть свой детский дом «Солнышко». Приют, куда ее перевели, был переполнен. Государство не имело возможности выделять много денег на сирот, и с каждым годом детских домов становилось все меньше. Здесь под одной крышей собрали и тех, кто с детства воспитывался в приютах, подобно самой Насте, и тех, кто слонялся по улицам, попрошайничая или воруя из-за того, что их родители вели не самый законопослушный или образцовый способ жизни. Было тяжело, очень. Эти дети... Они и детьми, кажется, не были. Насте они казались взрослыми, даже те, кто был младше ее самой. И не сразу она поняла, что это последний год, полный любви и внимания Саши и его мамы, сделали ее такой. Других же воспитанников этого приюта жизнь так не баловала. И они стали жестокими, злыми. Настолько, что Настя пришла в ужас от того, куда попала.

В первый же вечер ей устроили «темную» в туалете. И только своевременное появление воспитателя, спасло Настю и еще двух девочек из новеньких, от серьезных травм, хоть они и отчаянно дрались, защищаясь от тех, кто давно жил здесь.

Тогда она отделалась несколькими синяками и царапинами от ногтей.

Но чем дальше, тем злее становились дети. А воспитатели, по большей части, закрывали глаза на мелки драки и ссоры, их было мало и они просто не успевали уследить за всем. Наверное, именно из-за этого Настя попал в медпункт спустя две недели, когда изо всех старалась отстоять свое право на владение своей же вещью. Одна из девчонок заметила у нее брелок, подаренный Сашкой. Раньше Настя проявляла большую осторожность, старательно

скрывая тот от посторонних глаз, а в тот день — зазевалась, о чем-то не подумала. И одна из младших девчонок, желая выслужиться перед местной главной — тут же доложила о сокровище. На нее опять напали толпой, девчонок пять, дрались молча, пуская в ход и зубы, и ногти, и даже поправшюся под руку половую тряпку. И, наверное, осталась бы Настя без своего брелока, если бы кто-то не ударил ее по плечу шваброй. Та была старой, потертой, с сучковатой ручкой местами. Один из этих выступов и порвал кожу, оставив длинную неровную царапину. Крови хлынуло столько, что девчонки просто испугались и смылись из туалета, словно и духу их там не было. А Настя, стиснув зубы и ощущая боль в каждой мышце, поплелась к медсестре, сжимая в кулаке бесценный брелок с фотографией Харламова.

Рану ей промыли и перевязали, и даже, пожалев, оставили на ночь в медпункте. И именно оттуда Настя сбежала не взяв с собой ничего, кроме одетой на ней одежды и того самого брелока. Правда, решение это пришло спонтанно, когда проснувшись от шума и суматохи, подслушав разговоры воспитателей в коридоре, она поняла, что несколько воспитанников убежали. Именно тогда к ней и пришла идея последовать их примеру, в надежде на то, что все будут искать первых беглецов, и ее пропажу не сразу обнаружат. Настя тихонько выбралась из окна медпункта, расположенного на первом этаже, перелезла через забор, не обращая внимания на сильную боль в плече, и побежала, куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого приюта.

Ей было страшно, очень. С той самой ночи страх стал ее постоянным спутником. Она боялась патрулей милиции, и обычных прохожих, которые могли сдать ее тем самым патрулям. А те, в свою очередь, вернули бы Настю в приют. Она боялась бродяг и таких же бездомных, которой стала сама. Но и, несмотря на страх, Настя поставила себе цель — вернуться домой, к Саше и тете Наташе, и упорно к этой цели шла. Она старалась стать незаметной, как можно меньше привлекать к себе внимания. Научилась жить впроголодь и не обращать внимания на боль, жару, холод. Часто Насте не удавалось поесть ничего, кроме диких абрикос, или кукурузы и помидор, сорванных на полях вдоль трассы, но тогда она еще радовалась. А бывали дни, когда ей не удавалось добыть и такого. Однажды голод был настолько силен, что вопреки всему, чему учили ее воспитатели и тетя Наташа с Анной Трофимовной, она стащила пирожок у уличной торговки на автовокзале какого-то городка. И, забившись между двумя киосками, не обращая внимания на грязь и вонь, идущую от этого угла, жадно съела тот пирожок до последней крошки, облизав грязные пальцы. Настя, вообще, уже забыла о том, что значит быть чистой. Она старалась купаться, если на ее пути встречались речки или ставки, но мыла у нее не было, и хорошо отмыться или хоть как-то отстирать вещи не получалось. Да и страх быть пойманной, часто гнал ее прочь, позволяя потратить на купание совсем немного времени.

Тот раз на вокзале был единственным, когда Настя украла еду. Но к своему стыду, она не могла не признать, что не делала этого больше из-за страха попасться на глаза милиции, а не оттого, что так поступать было нечестно или плохо. Теперь Настя знала очень хорошо — когда живот подводит от голода, а голова кружится оттого, что ты не ела два или три дня, становится не до норм поведения или воспитания.

Однажды она прибилась к ватаге таких же бездомных ребят, как и она сама. Насте показалось, что вместе с кем-то будет легче найти что-то поесть. Но у тех детей еды не было. Зато имелся клей и пакеты, и она, даже после всего, испугавшись до боли в животе, убежала из того канализационного канала. Вид остекленевших глаз тех детей и их непонятные

смешки, судороги после того, как они дышали парами, скопившимися в полиэтиленовых пакетах, внушил Насте непередаваемый ужас.

Потом она сумела забраться в один из вагонов товарного поезда. И ей показалось, что вот он — конец ее злоключений! Однако то ли Настя проспала родной город, то ли этот поезд, вообще, не останавливался там, но вышло так, что она заблудилась еще больше, и совсем потерялась в стране. В тот момент, когда Настя это поняла, она разрыдалась так горько и зло, что ей хотелось кого-нибудь ударить или что-то сломать, лишь бы хоть как-то дать выход этим эмоциям и собственному разочарованию. А еще — ей очень хотелось к Саше. Каждый день, каждую минуту. Но она уже начала терять надежду, что сумеет до него добраться. Тем более что Настя понятия не имела, не вызвали ли его уже в Россию.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

На том вокзале Настя провела три дня, почти не отдыхая и не имея, что поесть, кроме того, что другие люди выбрасывали в мусорку.

Зато разобралась, куда же заехала, и как теперь добраться до своего города. В главном зале вокзала висела огромная карта страны, а название города большими буквами было написано на здании. Настя рассматривала эту карту через окно, боясь заходить внутрь. А потом долго ждала возможности спрятаться в поезде, который шел туда, куда ей было нужно. Но, в конце концов, Настя справилась и с этим.

И вот теперь она, наконец, добралась, и осталось только дойти до дома Саши. С пасмурного осеннего неба начал накрапывать противный мелкий дождь, но Настя не обращала на тот внимания. Втянув голову в плечи, она заставляла себя делать новый шаг, пока, почти не веря, что сделала это, Настя не повернула в такой знакомый двор.

Откуда взялись сил? Кто смог бы объяснить это ей? Но Настя побежала, забыв про боль в плече и ногах, про усталость и голод, про то, как сильно болела голова. Она буквально взлетела на нужный этаж и, подбежав к двери, начала терзать кнопку звонка.

Прошло, наверное, минут десять, прежде чем она осознала, что дома никого нет. И это понимание обрушилось на нее, сбив с ног и забрав дыхание. Настя медленно сползла на пол, опираясь спиной о стену, и уселась под дверь. Ее глаза бессмысленно рассматривали узор из коричневой и рыжей плитки, которой был выложен пол. Сколько она так сидела — Настя не знала. Она просто не понимала, что делать, куда идти. И решила ждать, пока не вернется Саша или тетя Наташа. О том, что они могли уже просто уехать, Настя старалась не вспоминать.

И неизвестно, сколько бы ей пришлось сидеть под этой дверью, если бы, поднимаясь на свой этаж, ее не увидела бы бабушка Аня.

— Настя?! — Пожилая женщина, видимо, настолько удивилась, что выронила сумку и прижала руки к сердцу. — Девочка моя. Это ты?! — Она бросилась к Насте.

— Я.

Настя даже не подняла глаз. У нее не было сил ни на радость, ни на вежливость. Все, чего ей сейчас хотелось — свернуться клубочком и уснуть прямо здесь, на сухой тряпке, которую тетя Наташа всегда использовала вместо коврика для вытирания ног.

— Что же ты тут делаешь? Тебя же забрали. Как же... — бабушка Аня тяжело опустилась на колени напротив Насти. — Они тебя так искали. Так искали. А никто ничего не мог сказать. Сашка просто с ума сходил.

— Я сбежала, бабушка Аня. Из приюта, — прошептала Настя. — И заблудилась. А где они? Почему никто не открывает?

— Они? — пожилая женщина грустно посмотрела на Настю. — Они уехали, доченька. Уже месяц, как. В Россию.

Уехали. Месяц. Она опоздала на целый месяц...

Настя ощутила, как головная боль сменилась головокружением.

Что же ей теперь делать? Куда идти? Сашка...

— Я не хочу назад. Не вернусь! — отчаянно замотала головой Настя, ощущая ужас и почти физическую боль от того, что рядом нет друга.

Стены подъезда как-то странно закружились вокруг нее, бабушка Аня что-то говорила, но Настя не слышала уже слов. Ей вдруг стало спокойно, ушла боль и чувство голода. Все ушло, кроме отчаяния. А потом в голове стало как-то пусто и темно, и она перестала понимать, что происходит.

Наше время

Он не помнил, боялся ли так хоть раз в жизни. Нет, наверное, нет. Все его страхи и опасения, чаще всего, были связаны с результатами игр, с возможными итогами трансферов и переговорами между его агентом и владельцами клубов. Страх перед игрой всегда был бурным. Даже не страх, а предвкушение, ожидание и опасения, уверенность в том, что сделаешь все возможное, хоть зубами, но вырвешь победу у противника. Любой ценой будешь добиваться ее.

Это, скорее, было предвкушение игры, пусть и с разумными, допускаемыми сомнениями, а порой, и с вовсе неразумными суеверными приметам. С бешеным бурлением адреналина в крови, и с хладнокровным просчетом вероятных ходов и тактики соперников. Но там, как и почти в любой ситуации в его жизни, все зависело от самого Александра. Его поступки и решения влияли на исход, и он мог управлять своей жизнью.

Сейчас же от него ничего не зависело. Словно бы Александр вновь стал тем тринадцатилетним пацаном, у которого забрали лучшего друга, человечка, который был ему бесценно дорог и жизненно необходим. И теперь, как и тогда Александр не мог ничего сделать, чтобы что-то изменить. Только ждать.

Но тогда он хоть мог искать, хоть к чему-то стремиться и двигаться, а сейчас — лишь сидеть на колченогом стуле у кровати и смотреть на непонятный монитор, писк которого в этот момент, похоже, оставался его единственной связью со Стасей.

— Саша...

Он с удивлением обернулся на тихий и неуверенный голос матери, не понимая, откуда она здесь взялась? Они с отчимом сейчас, вообще, должны были находиться у себя дома, в Канаде. А вместо этого — она стояла в дверях палаты и немного неуверенно, но с любовью и состраданием смотрела на сына. И даже виновато, что странно, словно бы хоть в чем-то здесь была ее вина.

— Мам, ты откуда? — хрипло прошептал он, пытаясь сбросить с себя ощущение безнадежной усталости.

Оглянулся. Только сейчас понял, что один в палате, и нет другого "ожидającego" хоть какого-то изменения в состоянии Насти. Встал с этого дурацкого стула, растирая заросшее щетиной лицо.

И ничего не дрогнуло, даже стыдно не стало, что не брит. Хоть и дал себе слово, когда понял, что уже не восстановится после травмы, что больше никогда не будет ходить

«пещерным человеком». Теперь же ему не надо думать о всяких глупых приметах, которыми успели забить голову тренера и партнеры по командам, пока Сашка метался по свету.

— Ты что тут делаешь? — растерянно спросил Александр, потеряв затылок. Взбодриться не выходило.

— Мне Вероника позвонила, — так же тихо, как и он, ответила мать. Александр скривился при одном имени бывшей невесты.

— Она пыталась попросить, чтобы я на тебя повлияла. Но я отказалась об этом даже заикаться. А когда поняла, что случилось и с кем... — его мама посмотрела на Александра с искренней тревогой и сочувствием. — Мы с Димой сразу же взяли билеты и вылетели первым же рейсом.

— Не стоило... — Александр тяжело вздохнул, стараясь собраться с мыслями. — Все равно помочь не сможете, а столько хлопот и... Спасибо, мам. — Он вдруг, совсем как в детстве, крепко ее обнял.

Только вот теперь, не он, а она прижимала к его груди свою голову с первыми седыми прядями. Теперь уже мама едва доставала ему щекой до плеча, но в этот момент, от навалившегося отчаяния и неизвестности, от незнания, как еще помочь Насте, он вновь ощутил себя мальчишкой, которому так нужна поддержка матери. Ее ободрение и непоколебимое заявление, что все обязательно наладится и будет хорошо. Только так, и никак иначе.

Правда, как взрослый и немало повидавший человек, Александр прекрасно понимал, что так редко бывает.

— Ну что ты, сынок, — мама и сама его крепко обняла. — Я же знаю, что тебе нужна наша поддержка. И Насте... — он удивился, заметив, с какой осторожностью мама перевела глаза на кровать.

Словно боялась чего-то. Чего? Лицо Насти не пострадало. Так, пара ссадин. Да и вообще, вот так глядя на нее, неподвижно лежащую на кровати, сложно было поверить, что эта женщина находится сейчас между жизнью и смертью. Разве что бледность, даже какая-то желтизна кожи, наталкивали на мысль о болезни. И еще тишина в палате, нарушаемая лишь этим треклятым попискиванием аппарата.

А казалось, что она просто спала.

Будь оно все проклято!

У Александра был когда-то друг, который вот так же «уснул», приложившись головой о лед в очередной драке во время игры. И больше не «проснулся». Его просто отключили от аппаратов в итоге. Так-то мужик, тренированный спортсмен, сильный и накачанный. А это — Настя. В ней же, наверное, и шестидесяти килограмм нет, а Вероника вытолкнула ее на дорогу. Его Настя против машины, весом в тонну...

Александр зажмурился, пытаясь прогнать из памяти картину, которая преследовала его эти два дня и ночи.

— Мам...

В этом коротком слове было столько всего, что и не расшифруешь, и не разберешься. И горе, и боль, и страх, и дикая, отчаянная нужда, мольба о поддержке.

Мама ничего не спрашивала, просто обняла его крепче.

Они так простояли какое-то время, пока Александр, сумев-таки сглотнуть комок в горле и прогнать подальше страх, не нашел в себе силы отстраниться. Со страхом и отчаянием у кровати Стаей ему делать нечего, ей нужна вся его сила. И не только его.

Слабо улыбнувшись матери, он вернулся к своему стулу.

— Сашенька, — мать подошла к подоконнику и поставила туда свою сумку. Говорила она все так же шепотом, словно боялась разбудить Настю. — Почему ты нам не рассказал? Не позвонил? Не сообщил, что вы встретились?

Александр криво улыбнулся, с опаской откинулся на спинку своего стула.

— Не знаю, мам. Честно. Все так закрутилось, завертелось. Я просто не успел. И эта проклятая Ника... — он придушил ругательство, из уважения к матери. — Своими руками ее прибил бы. Честно.

Мама кивнула. Помолчала.

— Вы давно встретились? — так же тихо и как-то очень осторожно спросила она.

— Нет, — Александр покачал головой. И даже усмехнулся, несмотря ни на что. — Еще и неделя не закончилась, кажется.

Ему самому не верилось, что прошло так мало времени. А без Насти уже не мог дня представить...

Он очень осторожно обхватил пальцами неподвижную и холодную руку.

— Она тебе рассказала?

Саша обернулся к матери.

— Что именно? — не поняв вопроса, переспросил он.

Мама смотрела на него напряженно.

— Вы с ней говорили о прошлом? О том...

Александр скривился.

— Нет. Честно, не до того, как-то было. Хоть я хотел... Но не сложилось, не было времени, толком, — ответил, не поворачиваясь к матери, все всматриваясь в неподвижное лицо.

— Саша...

Мать тяжело вздохнула. Посмотрела на Настю, словно в чем-то сомневаясь. А потом — вновь перевела глаза на него.

— Саша, — уже иначе, решительней и громче проговорила она. — Думаю, я давно должна была тебе признаться. Но все боялась, считала, что дело давнее, и не имеет уже значения. Надеялась, трусливо, конечно, что это уже не важно. Но сейчас...

Александр пока ничего не понял и понятия не имел, о чем это решила говорить мать. Но постарался не перебивать, прекрасно зная, что мама просто собирается с мыслями. И он ждал, продолжая согреть своими руками ладошку Насти.

— Это я попросила ее уйти, — вдруг, одним махом выпалила мама, опустив глаза. — Я знала, что она мне не откажет, после всего. И пришла к ней. Объяснила. И Настя послушала.

Александр нахмурился, ощущая внутри неприятную горечь и холод:

— Мам. Ты о чем? О чем ты ее просила? Когда?

— Тогда, — мама неуверенно облизнула губы. — Когда мы вернулись на лето, чтобы квартиру продать. Когда ты ей предложение сделал. Настя никогда бы от тебя не ушла. Это я ее попросила.

— ЗАЧЕМ?! — он и сам не понял, как начал орать. — Зачем, мама? — переспросил Александр тише, стараясь взять себя в руки. — Ты знаешь, как я злился тогда на нее? Как обвинял? Господи! Да ты же лучше всех это знаешь? Ты же утешала меня! ЗАЧЕМ?

Мать посмотрела на него с грустью и тихой болью:

— Я твоя мать. И мне казалось, что я лучше знаю, что тебе нужно. Понимаешь, Дима

говорил, что ничего толкового не выйдет, и все спортсмены, которые женились так рано — сходили с дистанции. В большинстве случаев, на их карьере можно было ставить крест. А ты так хотел всегда стать хоккеистом. Кто из нас не влюблялся в молодости? Я прекрасно знаю, как голову кружит, но потом все проходит. И я хотела уберечь тебя от ошибки. Ты мой ребенок. Я хотела тебя защитить, не дать совершить глупость.

Александр не мог поверить в то, что слышал. Его мама. Женщина, которая, казалось, всегда понимала его, как никто. Человек, которому он верил безоговорочно. Она решила за него. Сделала выбор за него и за Настю.

— Как ты могла? — недоверчиво переспросил он, все еще не до конца это осмыслив. — КАК ты посмела решить за меня?

— Тебе был восемнадцать, Саша! Перед тобой была вся жизнь и тысячи шансов! — мать вскинула голову и посмотрела на него с вызовом. — Я не хотела и не могла допустить, чтоб ты загубил это все только потому, что влюбился в первую девчонку, с которой переспал. Даже если это и Настя!

— И ты решила за нас? Не дала нам ни одного шанса, чтобы попробовать?! — он аккуратно отпустил руку Насти, и сжал кулаки, стараясь овладеть вспыхнувшим гневом. — Ты говоришь, что я мечтал о хоккее?! О ней, — Александр указал рукой на Настю. — О ней я всегда мечтал гораздо больше! Господи! Я шестнадцать лет ее не видел, иногда, даже месяцами не вспоминал, а увидел — и все, как со всего размаху об лед приложился, понимаешь? Я вдохнуть не мог, когда ее увидел. Придумал какой-то дурацкий предлог, чтобы приехать, выведал ее адрес окольными путями. Думал, спрошу, почему все так вышло тогда, и уйду, — Александр хрипло и насмешливо рассмеялся, вспоминая свои наивные планы. — И не смог! Понимаешь?! Я даже разозлиться не смог за то, что она меня когда-то бросила. Хотелось перед ней на колени встать и попросить прощения за то, что так долго где-то шлялся.

Он яростно посмотрел на мать, которая молча глядела на него, слушая это все:

— Ты не знала, что и как будет. Просто решила за нас, не оставив выбора и шанса. Воспользовалась тем, что Настя тебя безумно уважала и любила. Как ты могла? Господи, мама, как?

— Я беспокоилась о твоих интересах, и о твоей жизни. Будут у тебя дети — ты меня поймешь, — она грустно улыбнулась. — Сейчас я не знаю, поступила ли тогда верно. Но я думала о тебе. Только о тебе в первую очередь. Всегда.

Александр зажмурился, стараясь совладать со всеми чувствами. С обидой, с гневом, злостью. И с облегчением. Облегчением от того, что ушла злость, мучившая его двенадцать лет. Настя не бросала его. Она не по своей воле ушла!

Правда, в настоящем от этого было не легче.

— Саша...

— Не надо, мам. Не сейчас, — Александр отвернулся и заставил себя вновь сесть рядом с кроватью Насти. — Я очень тебя люблю, мам. Но... Ты лучше пока уйди, ладно? Мне сейчас сложно понять тебя. Слишком больно от того, сколько всего потерянно из-за этого твоего решения.

Александр взял руку Насти и прижал к своим губам, стараясь унять ураган эмоций. Пытаясь, хоть мысленно, попросить у нее прощения за всю ту обиду, что столько лет таил на нее в душе.

Он не хотел причинять боль матери. Ни за что на свете. Но и просто пожать плечами и

забыть о том, что только что узнал — не мог. Ему требовалось время. Потому Александр и не обернулся, когда за его спиной тихо прошелестели ее осторожные шаги.

— Я люблю тебя, сынок. Когда сможешь — позвони. Мы с Димой рядом, — тихо прошептала мать, и закрыла за собой дверь.

Александр не обернулся, продолжая смотреть в неподвижное и безучастное лицо Насти, и понимал, что глаза жжет от слез, которым он никогда не даст пролиться. Не мальчик уже. А мужчины не плачут, как бы больно не было.

— Что же мне делать, а, Стася? — тихо спросил он у неподвижной женщины. — Что делать с этим всем? Как тебя спасти? Как ее простить?

Настя не отвечала. Прибор продолжал тихо пищать. Александр не выдержал и уткнулся лицом в ее одеяло, продолжая прижимать безвольную руку Насти к своим губам. Он не плакал. Нет. Он молился и отчаянно пытался не потерять надежду.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ — Юность. Через четыре года.

ГЛАВА 6

Он и забыл, что май может быть таким. Выгоревшим, почти желтым и невероятно жарким. В Питере, когда они уезжали, лил дождь, и все еще кутались в плащи и ветровки. А здесь — трава уже выгорела от солнца, а зелень на деревьях была не прозрачно-салатной, а темной, почти болотного оттенка.

— Ну что, дом, милый дом? — усмехнулся Дима, выбравшись из такси следом за Сашкой.

— Да, пожалуй, — согласился он, с удовольствием потягиваясь. — Господи! Какая жара. Я забыл о том, что так может быть. Реально, забыл.

— «Реально»? — тут же одернула его мать, так же выходя из такси. — Саш, прекрати, перестань по поводу и без употреблять это слово.

— Прости, — Откликнулся Сашка, осматривая окрестности.

Впрочем, все знали, что это внушение подействует недолго. Но, так как, не в пример своим друзьям и ровесникам, Саша употреблял очень мало жаргона в речи, и совсем не ругался, мать и отчим сильно не сердились.

Впрочем, это мама считала, что он не ругался. Они-то с Димой знали, как дела обстоят в реальности. Но, не сговариваясь, а без слов прекрасно понимая друг друга, как мужчина мужчину, решили не сообщать ей о таком нюансе. Ну, невозможно не ругаться при такой жизни, как у него. Когда, нет-нет, а вырвется некрасивое слово и у тренера, и у партнера по команде. И неудивительно, что вырывается.

Так и хочется ругнуться, когда эта св... своенравная шайба летит совсем не туда, куда ты ее посылаешь, а соперник впечатывает тебя мор... извините, лицом в перегородку. И на уроках ты не бываешь, потому как, и дураку ясно, что тренировки важнее. А после двух-трех тренировок в день до учебников и под палкой не долезешь. Да и учителя все понимают, свои люди. Не трогают особо ребят из команды, ставят оценки так.

Но для мамы он старался. Так что она не имела полного представления о плачевно-богатом словарном запасе сына.

Поймав смеющийся взгляд отчима, Сашка подмигнул в ответ и достал их чемоданы из багажника, пока Дмитрий расплачивался. Поставил те на раскаленный асфальт и еще раз осмотрелся, только уже вдумчивей, внимательней, присматриваясь к мелочам и деталям.

Странно, прошло четыре года, а ничего и не поменялось. Так, может, по мелочи. Старые качели все те же, только проржавели еще больше. И тополь с огромным дуплом под окнами соседнего дома никуда не делся.

Только вот, двор меньше стал, что ли? Или это так только кажется? Все такое знакомое и такое непривычное, одновременно. Вроде бы знаешь каждую мелочь, каждый камешек в асфальте. Но что-то и не так. Словно достал из шкафа старую, поношенную и забытую на верхней полке рубашку. Любимая и родная вещь, вроде, а понимаешь, что не оденешь больше. Не влезешь, просто. Вот и с двором так. Да, что там, со всем городом. Вырос Сашка из него. Привык уже совсем к другому ритму большого и шумного мегаполиса.

Только вот, от знакомых картин защемило в сердце. Привычно, но от этого не менее горько. Вроде и вырос он, и друзей нашел достаточно, а все не мог забыть колючую и бойкую девчонку, с кучерявой шапкой волос. Так и не перестал вспоминать о Насте, своем первом и самом лучшем друге. Он давно прекратил донимать мать разговорами о ней, делал вид, что не думает. Но так и не снял со стены не очень умелый рисунок двенадцатилетней девчонки. И слишком часто пытался угадать, где она сейчас? Что с ней? Как Настя живет? О чем она думает? Вспоминает ли о нем? Бесполезные мысли при том, насколько загруженным был каждый его день, но они не оставляли голову Сашки. А здесь, в этом дворе, накинудись на него с новой силой.

Вот, реально, казалось, обернешься — и увидишь ее. Он, даже, почти наяву, услышал ее голос, почти вспомнил, как тот звучал, хотя в последнее время мог уловить тот только в своих снах. А сейчас, почти досконально вспомнил, как она на него кричала во время тренировок и...

— Убери руки, Леха! Переломаю и плакать не буду! — громкий, явно девчачий крик, привлек всеобщее внимание и заставил их обернуться.

У Сашки сердце похолодело, несмотря на жару. Да, нет. Быть не может. Это от ностальгии и оживших воспоминаний померещилось.

— Ну, Настасья, чего ломаешься? Я ж не обижу, у Маринки спроси, — вслед за этой фразой из-за детского павильона раздался мужской хохот.

— Вот к Марине и цепляйся, а от меня отстань. Серьезно говорю, Леха. Мне на занятия надо. Пропусти!

Еще не до конца поняв, что происходит, Сашка дернулся и рванул с места, не обратив внимания на удивленный окрик матери.

Быть такого не может, конечно. Но этот голос и имя...

Он добежал до павильона за минуту, но там никого не оказалось, зато голоса продолжали долетать сбоку. Саша свернул за угол и оторопел. Словно на четыре года назад вернулся, е-мое.

Три п... придурка, в которых он не без удивления узнал Леху, Клима и Балку, окружили девушку, и явно не давали той прохода. Хоть до драки пока не дошло. Вот только, вместо коротко стриженных волос, по плечам девушки рассыпались густые темные пряди. Совсем такие же, кудрявые-кудрявые.

Он глазам своим не верил. Смотрел, видел, понимал, и не верил. Настя. Его Настя. Только такая... такая... до невозможного красивая. До жути просто. Он и представить не мог, что она такой станет. И к ней тянет руки эта падла!

— Руки убрал. Или глухой стал, Леха? — негромко, но с явной угрозой, медленно протянул Сашка.

Чего-чего, а опыта драк, причем, с куда более серьезными противниками, у него теперь было немеряно.

На льду по-другому не выходит. И эти трое его совсем не пугали, они явно не смогут долго продержаться, даже кучей. Он быстро оценил свои шансы, пока компания, куда он вмешался, удивленно оглядывалась и пыталась понять, кто он такой. Леха с подручными, явно, не справлялись с этой задачей. А вот Настя...

Сашка не смог сдержать улыбку, видя, как округляются ее глаза. И рот тоже, за компанию. Она, определенно, его узнала. И дар речи потеряла, видимо.

— На роду мне написано тебя от них спасать, что ли? — усмехнулся Саша, с удовольствием наблюдая за подругой. — Ну, что стоишь? Иди сюда, — велел он, и протянул Насте руку.

Ее оторопь прошла в секунду. Завизжав, натурально завизжав от радости, Настя скинула со своего плеча руку ошалевшего Лехи и бросилась к нему.

— Сашка! Боже мой! Саша! Это ты?! Правда, ты?!

Она замерла в шаге от него и с искренним восторгом, почти благоговением, уставилась на Сашу.

— А что, не узнаешь? — он не мог сдержаться, улыбка сама собой растягивала рот так, что щеки свело. — Так поменялся?

— Сашка! — снова радостно закричала Настя и, преодолев последний шаг, неожиданно крепко ухватила за его пояс, обнимая. — Сашка! Как же я скучала!

— А я как, — испытывая какое-то непередаваемо светлое и легкое счастье, признал он, обняв Настю в ответ.

И вот тут светлая, искренняя и детская радость от того, что он ее наконец-то нашел, сменилась иным, однако, не менее искренним чувством...

У Насти, оказывается, появилась грудь. И бедра. И губы, на запрокинутом к нему лице вдруг показались такими пухлыми и манящими.

Мама дорогая!

Сашку будто током шибануло. И центр радости, кажется, сместился из груди, куда-то пониже. Его подруга стала девушкой. Причем, не просто красивой, а очень даже... фигуристой такой красавицей. То есть, не то, чтобы у нее что-то чересчур выпирало, но все было так... ладненько, просто зашибись. И запах! Душистый, горячий, обалденный запах ее кожи, дурманящий, как аромат сирени, отцветающей во дворе.

Его тело моментально отреагировало на всю эту красоту, прижатую к нему. Но это же его Настька! Малявка, которая заставляла Сашку отрабатывать удары до седьмого пота, и похлеще Эдуарда Альфредовича ругала за случайно оброненное матерное слово. Саша постарался взять себя в руки и призвать к порядку заколотившееся сердце и вострепнувшееся тело. Осторожно отодвинулся, чтобы она ничего не заметила.

— Ты гляди, немой явился, не запылится! — вслед за этой фразой раздались неуверенные, тихие смешки.

Он отвел глаза от Насти и глянул на Леху и его парней, которые, как-то неопределенно мялись неподалеку. Вроде и понимали, что не того поля ягоды, чтобы теперь с ним связываться, но и просто так уйти, спустив Саше то, что прервал их развлечения, не могли по положению.

И вот тут он вспомнил, чему именно помешал. Намерения Лехи, однозначно, не были светлыми и добрыми, и сам Сашка сейчас, как никто, наверное, во всей полноте понимал,

что испытывает парень, глядя и касаясь Насти. К итак не легкому коктейлю из радости, эйфории и сексуального возбуждения тут же добавилась еще и жгучая ярость. Захотелось тут же врезать Лехе по носу, причем так, основательно врезать, чтоб больше неповадно было лезть к его Насте грязными лапами.

— Еще раз полезешь — не то, что руки, а все конечности переломаю, — проигнорировав робкое оскорбление в свою сторону, с угрозой в голосе уведомил он Леху.

Парни попытались выражением лиц показать степень своей оскорбленности, но Сашке было уже не до этих идиотов. Он опять посмотрел на Настю. Подруга, кажется, не заметила всего того бардака, что с ним творился, только с выражением неопишуемого счастья на лице, продолжала держать своими ладошками Сашку за руки.

— Пошли, там мама с Димой, — Сашка отвернулся от пацанов и потянул Настю в сторону, откуда прибежал. — Они, знаешь, как тебе обрадуются! И... — и вот тут его осенило. — А ты что тут делаешь, Настя? — вдруг встал он посреди дороги. — Тебя же, того, в приют забрали же. Я... Мы искали.

От этого непонятного осознания, он растерялся так, что совсем слова растерял. А вот Настя, до этого покорно идущая за ним следом все с тем же счастьем в глазах, как-то грустно и смущенно улыбнулась.

— Я сбежала, — шепотом произнесла она, потеряв плечо через рукав тонкого платья. — Из приюта того сбежала. Несколько месяцев пыталась сюда добраться, — Настя отвела глаза. — Только, опоздала. Вы уже уехали. А меня бабушка Аня к себе взяла. Она мне рассказывала, что вы искали. Спасибо, Саша, — Настя вдруг снова бросилась его обнимать. Ее тонкие руки обвили его шею.

Ох-хо-хо.

Ему это безумно нравилось, что лукавить. Но в целях конспирации своих безбашенных гормонов, приходилось несколько приглушать ее пыл, все время отстраняясь. Да и то, что она рассказывала, не на шутку его встревожило.

— Как это — сбежала? Что значит — сюда добиралась? Как? — ощущая нехорошее предчувствие, Саша ухватил подругу за плечи и немного отодвинул от себя, стараясь заглянуть Насте в глаза.

Но она прятала взгляд.

— Неважно уже, — улыбнулась Настя, глядя ему за спину.

— Главное, что добралась. А ты что тут делаешь? Ты же в Питер уехал? Тебя приняли, да? Взяли в команду? — она, наконец-то посмотрела на Сашку. — Я знала! Всегда знала, что тебе возьмут, что у тебя получится!

— голос Насти был полон восторга, да и сама она, казалось, едва не подпрыгивала на месте.

Однако это не отвлекло Сашку от предыдущей темы.

— Мы квартиру продавать приехали, — отмахнулся он от ее интереса. — Но это потом, не важно. Ты мне нормально объясни, как это ты сбежала?

Он легонько встряхнул ее. Но и Настя, похоже, отступить не собиралась.

— Ой, Саша, мне бежать надо, — словно бы только спохватилась она, глянув на часы на его запястье. — До конца учебного года три дня осталось, конечно, но прогуливать не стоит. Еще экзамены, — Настя глянула на него с каким-то страхом. — Ты когда уезжаешь?

Он ощутил, как ее пальцы ухватились за его футболку. И не смог не улыбнуться. Почему-то ее беспокойство вызвало глупую радость. словно бы и так не было понятно, что

Настя очень скучала.

— До конца лета, вероятней всего. У меня отпуск, — ощущая себя как-то очень взросло, сообщил он.

А что, ведь звучит как — отпуск! Не каникулы, а именно отпуск, как и у всех работающих людей. И он работал, и зарплату уже получал, даже пару раз выходил играть в основной команде, пусть для пробы и в мало значимых матчах, но выходил же! А тренера остались довольны. И ему так хотелось рассказать об этом Насте! И еще о куче вещей, всем-всем поделиться.

— А тебе, точно, надо идти? — Сашка скривил жалостливую рожицу. — Может, ну ее, ту школу?

Предложил он, подумав, что сам, ну очень часто пропускал уроки. Собственно, последние два года перед окончанием почти и не посещал. Тренировался.

— Не могу, Саша, — по глазам Насти было видно, что ей хочется поддаться, но она не будет этого делать. — Я бабушке Ане обещала хорошо учиться и не прогуливать никогда. А она столько для меня сделала — не буду обманывать ее доверия. — Решительно проговорила Настя, но испортила все, тяжело и горестно вздохнув в конце.

Сашка ее понимал, самому подругу отпускать никуда не хотелось, и так, вон, сколько не видел. И вдруг, ему пришла в голову идея. Не такая классная, как прогул, конечно. Но все же. Сашка снова схватил Настю за руку и потащил.

— Саш! Саш! Мне не туда! — попыталась возмутиться Настя. — Я в двадцать первой учусь. Которая за парком.

— Я тебя провожу сейчас. Только родителям скажу, — объяснил Саша. — Mam! Я Настю провожу и вернусь. Туда и обратно! Потом все объясню! — издали крикнул Саша матери, которая так и стояла под подъездом вместе с Димой.

— Здравствуйте! — неловко крикнула Настя его удивленным матери и отчиму.

Те, не менее удивленно, кивнули ей в ответ.

— Я скоро! — не позволив им начать обмениваться вопросами, опять пообещал Саша, и не менее рьяно потянул Настю уже в другую сторону.

— Слушай! — Сашка вдруг резко затормозил минуты через две. — А как это тебя бабе Ане оставили? А нам не разрешили тебя усыновить. То есть, удочерить, — Саша даже нахмурился. — Мама точно узнавала, но попечительская служба сказала, что это невозможно.

Настя улыбнулась, теперь уже сама потянув его в сторону дороги к школе:

— А бабушка ни у кого не спрашивала, — с таким видом, словно ужасную тайну открывала, призналась Настя. — Она когда увидела меня после всего, когда выхо... Ну, не важно, — Настя замолчала, не договорив, но Сашка не успел вставить вопрос. Подруга тут же продолжила рассказ. — В общем, она соврала всем. У нее паспортистка наша, та, которая раньше работала в паспортном столе, подруга закадычная. И они с ней меня пожалели, придумали план. Бабушка Аня сказала, что я ее внучка. Что у нее дочь пила сильно и давным-давно уехала в село с каким-то загульным. И она о ней ничего не слышала. А потом, вроде как, дочь с сожителем своим, сгорели при пожаре в хате, и с ней соседи связались. Так она про меня узнала. А у меня, ни документов же, ни образования, ничего. В общем, они с Любовью Семеновной все на это давили, что дочь бабушки Ани пила сильно, и не занималась мной. А село глухое, вот никто и не сообщал никуда раньше. И вроде как при пожаре мое свидетельство о рождении сгорело. По их показаниям мне новое и выписали, и день

рождения — первого июня. — Настя вдруг смутилась и отвела глаза.

А Сашка ухмыльнулся. Он помнил, что сам этот день для нее выбрал. И так горячо в груди стало. И приятно до жути. Реально. Вот как она про него помнила!

— Ну, в общем, они меня и в школу устроили, правда, тяжело было по началу, я ж почти не занималась.

Но после легенды моих бабок никто этому и не удивлялся. Я и не ходила в школу по их рассказам, дико жила. — Настя улыбнулась — А потом, ничего, втянулась. Бабушка Аня меня у себя прописала. Так и жили, крутились.

Они как раз подошли к крыльцу школы, по ступенькам которого, торопясь успеть до звонка, взбегали ученики. Она все смотрела на него и никак не забирала руку. И говорить уже закончила, а казалось, что между ними звучат какие-то слова: и радость от такой неожиданной встречи, и вся тоска, что накопилась за эти годы, и еще что-то, такое легкое и веселое, и щекотное, что ли.

— Мне пора, Саш. — Напомнила Настя.

Но оба так и остались стоять перед школой.

— Ага. Иди. — Он продолжал держать ее за руку и смотреть в глаза.

И тут, разрывая это непонятное притяжение взглядов, из дверей школы донеслось звонкое, громкое и ясное звучание звонка.

— Ой! — Переполошилась Настя, дернувшись. — Все. Я вернусь домой к двенадцати.

— Хорошо. — Сашка неохотно отпустил ее руку, но, в непонятном ему порыве, протянул ладонь и погладил кучерявые пряди. — Я буду в нашей квартире. Заходи. Или я зайду, обязательно! — Уже крикнул он вдогонку подруге.

Она на ходу обернулась и с улыбкой кивнула, исчезая в дверях.

Наверное, зря она так рвалась на уроки. Стоило прислушаться к предложению Саши. Все равно, сидя сейчас за партой, Настя не видела и не слышала ничего вокруг. Все ее мысли и чувства были сосредоточены на том, что казалось невероятным, невозможным и просто, каким-то чудом. Сашка вернулся!

Ей хотелось визжать и прыгать от радости!

Ох, это было невероятно, нереально, и просто, просто, просто...

Настя не могла подобрать слов для своей радости, все, что приходило на ум, это радостное: «А-а-а- а!!!». И еще — «Ух!», потому что Сашка стал таким, что дух захватывало. Просто обалденным!

Стараясь не привлекать к себе внимание учительницы, как раз объясняющей сейчас тему, Настя обвела глазами класс. Одноклассники, в большинстве своем, занимались тем же, чем и Настя — то есть, не слушали урок, а думали о чем-то своем. Кто-то рисовал в тетрадях, кто-то шептался на задних партах, а кое-кто, явно прогуляв вчера большую часть ночи, дремал, прикрыв лицо ладонью и уперев локоть в парту, чтобы удержат на весу голову.

Разумеется, учительница это все видела, но не делала замечаний, пока кто-то из учеников не пресекал определенных границ. Конец учебного года, да и школы в целом, немного меняли правила и нормы. Им сейчас прощалось больше, чем ранее.

Но Настю интересовали не занятия бездельничающих одноклассников. Она рассматривала мальчишек. Именно мальчишек, потому как назвать их «парнями» у нее теперь язык не поворачивался.

Боже! Как же все они отличались от Сашки!

Да, конечно, справедливости ради, надо было вспомнить, что ее друг старше большей

части ее одноклассников, но все же. Эти нескладные, высокие и худые мальчишки, с тонкими руками и щуплыми телами, прячущимися под болтающейся на них одеждой, не шли ни в какое сравнение.

Ох, Насте было стыдно от того, чем она сейчас занимается. Она, вообще, никогда не «страдала» подобным. Ее не интересовали мальчишки, и Настю благополучно миновала эпидемия еженедельной влюбленности в кого-то нового, чем «переболели» едва ли все ее одноклассницы. Обычно роль Насти сводилась к безразличному наблюдению за душевными метаниями и терзаниями более любвеобильных подруг. Но сейчас, сейчас она, кажется, поняла, что заставляло тех вести себя так глупо и по-идиотски.

У нее горели щеки, и колотилось сердце, а в животе сладко замирало при одной мысли о том, как она смотрела на Сашку, о том, как он смотрел на нее. И хотелось смеяться не останавливаясь от того, что и друг, судя по всему, не забыл ее. В голове было горячо и легко одновременно, и никак не получалось стереть с лица глупую улыбку, которую приходилось прятать под ладонью от внимания учительницы.

До чего же Саша стал красивым! Он и поменялся, и остался все тем же, одновременно. Настя не знала, как объяснить точнее, просто ощущала так. Его внешность изменилась, однозначно. Лицо совершенно утратило округлость, которая ей помнилось, черты вытянулись и стали резче, чуть грубей. Но это только добавляло ему привлекательности на безыскусный взгляд Насти. А тело...

Ох, мамочки! Неужели она думает об этом?

Выходило, что да. И не могла избавиться от воспоминаний о том, как обняла его. И каким он оказался на ощупь.

Кошмар! Думает о Сашке, как об обивке дивана. На ощупь! Надо же, совсем сбрендила. И, тем не менее, она его щупала, пусть тайком и стесняясь, но не могла отказать себе в этом удовольствии, и перестать обнимать друга. Сашка всегда немного отличался от сверстников, сказывались ежедневные тренировки. В конце концов, хоккей никогда не считался забавой и легким видом спорта. И сама имея опыт катания на льду благодаря тому же Сашке, Настя прекрасно знает, насколько хорошо надо быть физически подготовленным, чтобы не просто откататься, а еще и бороться за свою команду с противником. Очевидно, что и за прошедшие четыре года, Саша не стал уделять спорту меньше времени. Даже больше, судя по тому, насколько крепким было его тело и сильными мышцы.

Ох. Охо-хо. Мамочки.

Насте пришлось крепко зажать рот ладонью, чтобы не захихикать совсем дурацким образом.

Право, стыдно так думать о лучшем друге, словно он всего лишь набор мышц, образующих потрясающее тело...

— Алтунина, с тобой все нормально?

Нет, а разве не заметно?

Ей пришлось прервать размышления, потому как учительница уже начала подозрительно коситься в ее сторону, видимо, заметив и подрагивающие плечи, и лихорадочный румянец Насти.

— Да, Татьяна Николаевна. — Не очень твердым голосом отчиталась Настя, принявшись усердно создавать впечатление, будто внимательно слушает. И игнорируя при этом любопытные взгляды приятельниц. — Жарко просто.

Хорошо, что погода, и правда стояла жаркая. Учительницу это объяснение

удовлетворило и, кивнув, Татьяна Николаевна вернулась к своим объяснениям.

А Настя, сделав вид, что не видит обращенного к ней интереса соседки по парте, вернулась к мыслям о Саше.

Конечно, конечно же, он был не только обалденно красивым парнем! Нет. Это был ее друг, и ей совсем не хотелось уходить от него, пусть и на уроки. Хотелось схватить Сашку за руку, утащить куда-нибудь, на первую попавшуюся скамейку, и расспросить, выспросить все-все о том, где он жил, как? Что с командой и тренировками? Что он делал, с кем дружил, как играл?

Настя нахмурилась, поняв, что у нее появился и еще один, неожиданно очень нервирующий вопрос — встречался ли он с девушками? Непонятное, ужасно противное и горькое чувство, возникшее от одной мысли о подобном, несколько притушило радость от встречи. И, рассердившись на себя за такие глупости, Настя погнала эту мысль прочь из разума. Что это она, серьезно? Какая разница?

Настя лукавила. Понимала это, но не хотела себе признаваться.

Оттого постаралась направить размышления в другую сторону.

Она все-все выспросит у Саши. И сама ему столько всего расскажет!

Не все, конечно, некоторые вещи просто не надо вспоминать и озвучивать. Например, не к чему ему знать о том, как и почему Настя сбежала из приюта. Зря она, вообще, затронула эту тему, хотя, как-то же надо было ответить на вопрос Саши. Но теперь Настя будет осторожней.

Конечно, особой тайны во всем этом не было. Просто ей не хотелось вспоминать те ужасные месяцы и то, какая она, на что, оказывается, способна. Уж тем более, ей не хотелось рассказывать Сашке о том, как она воровала, чтобы что-то съесть, или не мылась месяцами. Ну, уж нет. Об этом Настя не расскажет ни слова. Она не хочет потерять его дружбу, не желает, чтобы Саша стыдился ее. Лучше она будет спрашивать о нем, все, даже самые мелкие мелочи узнает и выспросит.

Радость от предвкушения их разговоров и новых встреч горячей волной прошла по ее телу, смывая всю горечь. А потом этот жар ударил в голову и обжег лицо, такой же горячей, соленой струйкой побежав на губы.

Зажав ладонью нос, Настя лихорадочно полезла в карман за платком. Носовые кровотечения начались у нее после тех месяцев скитаний и часто сопровождали сильные эмоции, и радостные, и печальные.

Обычно она расстраивалась и стеснялась, когда у нее начинала идти кровь. Не сегодня. В этот момент Настя даже обрадовалась. Ведь у нее появился законный повод уйти с урока.

— Татьяна Николаевна! — Настя подняла свободную руку, привлекая внимание учительницы.

Та, оторвавшись от объяснений, посмотрела на ученицу и тут же поняла, в чем дело.

— Можно мне выйти в медпункт?

Учительница вздохнула.

— Иди, Алтунина. И, знаешь, наверное, посиди там немного, и отправляйся домой. Все равно, ничего особенного не пропустишь. Я предупрежу остальных учителей. — Позволила она.

Настя поднялась из-за парты, не веря своему счастью. Но как-то умудрилась сохранить на лице подобающее выражение. Подхватив свою сумочку, в которой, как и у всех одиннадцатиклассников, имелась лишь одна тетрадь, да ручка, Настя покинула кабинет. И,

благополучно миновав медпункт, поспешила к выходу из школы. Слишком уж сильно ей хотелось увидеть друга и удостовериться, что его возвращение не было сном.

ГЛАВА 7

Как ни странно, Насте даже не пришлось терпеть до дома, чтобы увидеть Сашку. Они столкнулись на полдороге, в парке. И Настя так этому удивилась, что едва успела убрать платок от носа. Хорошо, что кровь уже остановилась.

— Ты что здесь делаешь?

Одновременно удивились они оба. И тут же рассмеялись своей слаженной реакцией.

Замолчали и уставились друг на друга. Она не знала, что ощущал он, а Настю медленно заполняло смущение, хоть и смешанное с радостью. И вдруг стало неловко, и даже руки начали мешать, а волосы, вообще, лезли и в нос, и в глаза, и рот, раздуваемые ветром. Полный бардак! И сердце заколотилось часто-часто из-за того, что он на нее смотрел, и даже не мигал, кажется.

Уф, кошмар, она никогда не ощущала ничего подобного ни в чьем присутствии, тем более Сашином. А он ничего не говорил, молча смотрел на нее, не отводя глаз, и широко улыбался.

Интересно, казалась ли она ему настолько же смешной, как Настя сама себя ощущала в этот момент?

— У тебя же три урока сегодня? — Вдруг спросил Саша, когда повисшее молчание затянулось.

— Три, — согласилась Настя, продолжая держать за спиной руку с испачканным платком. — То есть, должно было быть три. Но потом нас отпустили. Не всех, некоторых. Готовиться к экзаменам. — Лепетала она, пытаясь на ходу придумать объяснение. — А ты откуда знаешь, что три? — Постаралась Настя отвлечь внимание от себя.

— Спросил у бабушки Ани. — Пояснил Саша, прищурившись и как-то странно наклонив голову набок.

— А-а-а... Так, а сам ты, что тут делаешь? — Продолжала она держать разговор в этом направлении. — У тебя же дел должна куча быть. Только же приехал и...

— Это что? Кровь? — Прервал ее Саша, не обратив никакого внимания на вопросы и размышления Насти.

Подойдя почти вплотную, он ухватил ее подбородок ладонью и резко развернул лицо к солнцу.

— Ты что?! — Настя зажурилась, не ожидая такого обилия света.

— Тебя ударили?! — Гневно потребовал ответа друг, не обратив на это внимания.

— С чего ты взял? — Теперь она искренне удивилась.

Распахнула глаза, забыв о солнце. Тут же прищурилась и уставилась так на друга.

— Может с того, что у тебя кровь на губе? И вот с этого, — второй рукой Саша вытащил ее ладонь из-за спины, а потом повернул ее голову так, что она была вынуждена глянуть на платок. Ой, заметил, все-таки. — Хочешь сказать, что он не в крови?

— Ты не так понял, Саш! Ну, что ты...

— Кто тебя ударил? — Игнорируя ее бессвязные попытки объяснить, поинтересовался Сашка.

И так нахмурил брови.

Ох, все-таки, ее друг стал дико красивым. Нельзя быть таким, тем более, когда злишься. Это просто несправедливо по отношению к окружающим, быть таким красивым. И эта футболка и шорты, в которые он переоделся, сменив утреннюю рубашку с джинсами... Охо-хо.

Настя уставилась на него, ощущая, что начинает краснеть.

— Насть?! Настя, с тобой все в порядке? — Вдруг серьезно занервничал Александр. — Голова не кружится, не болит? — Он сильнее запрокинул ей голову и уставился прямо в глаза.

Божечки, какие же у него пальцы! И как приятно, когда они ее касаются. Почему Настя раньше этого не замечала?

Все, она совсем растерялась.

— Ммм... Что?

Настя моргнула.

— Не моргай, я пытаюсь понять, не заторможена ли у тебя реакция зрачков, так бывает после ударов по голове...

Приехали. Она им любитесь, а он решил, что Насте по голове заехали, и потому она «тормозит».

Она вдруг захихикала. И осторожно высвободилась из рук Саша, потому что эти прикосновения, наряду с удовольствием, приносили еще и массу смятаения.

— Саш, серьезно, меня никто не бил, и я даже не падала. У меня кровь пошла из носа. — Быстро добавила она, пока друг не перебил. — У меня такое часто бывает.

— Почему? — Искренне удивился и, кажется, обеспокоился Александр. — Ты чем-то больна?

— Нет. — Настя улыбнулась еще шире и, отступив на шаг, уселась на ближайшую к ним лавочку. — Врач, к которому меня бабушка Аня водила, говорит, что это нормально. Подростковое, и скоро пройдет.

— Них... ничего себе, нормальное. — Недоверчиво насупилась Сашка и сел рядом. — Нормально, это когда кровь из носа идет, если тебя им о лед шмякнули, или об стену, как вариант. А не просто так. Что в этом нормального?

— Ну, ему виднее. — Пожала плечами Настя.

Сашка фыркнул, но продолжал на нее смотреть.

Тема оказалась исчерпана, и между ними вновь повисло молчание. И смущение. Во всяком случае, со стороны Насти. Она принялась мять в руках грязный платок, не имея ни малейшего представления о том, что же теперь говорить.

Что-то, раньше было как-то проще. Или это тоже «подростковое» и потом пройдет?

— Ну...

Они опять начали говорить вдвоем. И так же синхронно нервно и растерянно хихикнули. Сашка взъерошил пятерней короткий ежик волос. Неудобное молчание затягивалось. И тут Настя вспомнила о чем собиралась с ним разговаривать!

— Саш! — Обрадовалась она. — Расскажи мне, как это — играть в настоящей команде. Интересно? Много тренировок? Сильно загружают, да? А Питер — как? А «белые ночи»?

Вопросы вдруг посыпались из нее, как из рога изобилия. Насте захотелось узнать все-все, и прямо сейчас.

И что он видел? И играл ли в чемпионате? Ну, хоть в запасе был? И какие перспективы? И почему с ними приехал Дмитрий Валерьевич?

Как женился? Правда? Супер! И об этом, во всех подробностях, она тоже хотела знать!

Друг сначала искренне рассмеялся, а потом поддался и сам заразился ее энтузиазмом, принявшись отвечать на все эти вопросы. А так же, на все новые и новые, которые появлялись у Насти после его ответов.

Саша говорил, а сам смотрел, и не мог насмотреться на Настю. Какая же она красивая! Как же он раньше этого не видел-то? А сейчас — отвести глаз не получалось.

Он не смог утерпеть дома. Родители легли отдохнуть после долгой дороги поездом, а Сашка, промаявшись час, рванул к школе, дежурить Настю под окнами. И так разозлился, когда увидел ее в крови. Сам не ожидал, что может прийти в такое бешенство. Ух, как его проняло! Жуть! Готов был идти морду бить тому, кто ее тронул. Но уже попустило, вроде.

А сейчас вот, отвечал на ее вопросы, а думать мог только о том, что хочется вытереть уже засохшую капельку крови над ее губой и поцеловать эти самые губы.

Не то, чтобы для Саши это было нормально. Ну, то есть, нет.... да, он фанател от девчонок. Они ему нравились, да еще как. Одна проблема, у него их еще не было. Своей девчонки, собственно. Ну, чтобы целовать там, и все такое. Две, а иногда и три тренировки в день, физическая усталость и постоянное желание стать лучшим, чтобы добиться места в основной команде — все это выматывало. Впрочем, не настолько, чтобы он не выворачивал голову вслед красивым девушкам, когда встречал тех на улице или в метро. Да и они проявляли к нему явный интерес.

Но вот тут, в те немногие свободные часы, когда можно было бы погулять и познакомиться с кем-то, сходить в клуб или на дискотеку, как все нормальные пацаны, у Саши начиналась большая проблема.

Причем, он никогда раньше не подумал бы, что такая проблема, в лице его мамы, возможна.

Она контролировала едва ли не каждый его шаг.

Это началось с самого их переезда в Питер, и продолжалось до сих пор. В связи с переездом, ясное дело, мать осталась без работы. А так как почти сразу она вышла замуж за Дмитрия, и тренер получал если и не очень много, то очень прилично, особенно после привычных им с матерью недостатков, искать работу в новой стране не торопилась. И всецело посвятила себя сыну и мужу.

Она следила за тем, когда Сашка вставал по утрам, когда шел на тренировки, и когда с тех возвращался. Первое время (два года, елки-палки!) она практически не разрешала выходить ему одному из дома. Мама боялась того, что Сашка заблудится и потеряется в незнакомом городе, и даже спустя несколько месяцев, Саша с боем отвоевывал право на каждый самостоятельный поход на тренировку. Она боялась террористов и бандитов, наркоманов и мошенников. Всех подряд, короче, часто доводя Сашку до отчаяния. Ему казалось, что это не у него начался переходной возраст, а у матери — настолько раздражительной и нервной она стала.

Потом все, вроде бы, немного устаканилось, наладилось. Дмитрий, видя и отчаяние пасынка, и трудности адаптации своей жены к новому месту и таким изменениям в жизни — сумел все как-то уладить и решить. Он много разговаривал с матерью Саши. О чем — парень не знал, и не подслушивал. Но главное, что результат был налицо, мать стала как-то проще ко всему относиться. Хотя, Сашка подозревал, что, если бы не здравомыслие Дмитрия, Сашка, наверное, крышанулся бы в четырех стенах.

Спасибо, отчим не дал погибнуть.

Однако, и немного расслабившись, мать не сняла контроль полностью. Она была категорически против любых вечеринок у друзей по команде или походов в клубы. И аргументировала это тренировками и серьезным отношением к карьере. Смешно, но на все вечеринки, где Сашка все же умудрился тайком побывать, он попадал под прикрытием Димы. Его отчим и тренер по совместительству, похоже, лучше матери понимал, что Сашка — парень, и жить должен так, как и все нормальные парни его возраста. Впрочем, и в поведении его матери отчим тоже что-то понимал, видимо, с высоты своего жизненного опыта, и умудрялся как-то еще и ее успокаивать.

И совсем недавно, на одной из таких вечеринок, кстати, у Саши был реальный шанс раздвинуть границы своего личного опыта общения с девушками. И объект подходящий нашелся. Нашлась, точнее.

В общем, все было просто замечательно, и они уже перешли к фазе поцелуев и продвижения в еще не занятую остальными «гостями» ванную, когда тот самый отчим, буквально выдернул Сашку с этой вечеринки звонком на домашний телефон друга. Никогда еще, наверное, Сашке не было так грустно, обидно, и стыдно. Однако он послушно рванул домой. И только на следующее утро узнал, что спустя час на ту же квартиру нагрянула «облава» их тренеров, включая старших. И все участники получили приличную взбучку. Двух даже выкинули из команды, за неадекватность поведения и невыполнение пунктов контракта, чтобы эта белиберда не значила.

Короче, Сашка понял, что мог крепко попасть, и Дмитрий, реально, спас его. За это он был так благодарен отчиму, что даже разочарования от так и не «склеившегося» первого сексуального опыта, немного стерлось.

Но сейчас он об этом вспомнил не потому, что решил наверстать здесь, упущенный там шанс. Нет. Вот он смотрел на Настю и понимал, что с той девчонкой, с которой едва не «переспал», такого не чувствовал. И не целовать ему ее тогда особо хотелось, а сразу к делу перейти. Но «ухаживал» же. А с Настей — хотелось.

Да, она его возбуждала. Еще как! Но, хотелось поцеловать. И говорить нравилось, рассказывать, отвечать, самому спрашивать. А у той девчонки он даже имя не спросил.

Или спросил и просто не запомнил? А, не важно. Уже не важно.

Короче, не так все было с ним сейчас. И Сашка сидел в парке на лавочке, нагретой ярким весенним солнцем, и кайфовал просто от мысли, что хочет ее поцеловать. От того, что представлял, как это возможно.

Она спохватилась только тогда, когда солнце стало бить в глаза, а ведь Настя с Сашкой устроились на скамейке под довольно большим кленом.

— Ой, который час? — Заволновалась Настя, прервав очередную историю друга.

Сашка моргнул, оглянулся вокруг, похоже, и сам утратив чувство времени, и посмотрел на часы.

— Начало третьего. — В голосе парня слышалось удивление. — Вот это мы разговорились. Сто лет столько ни с кем не болтал! — Сашка усмехнулся и подмигнул ей. — Четыре года, точно.

Настя даже покраснела. Вот, честное слово. Ей было очень приятно это слышать. Очень-очень. То, что он ни с кем не делился стольким, и не вел разговоров, которые всегда были у них. Когда никаких тайн и секретов не остается. И знаешь о друге все-все.

Но тут же подскочила, вспомнив о времени.

— Кошмар! Меня же бабушка Аня ждет! Нервничать будет.

Почему-то, не задумываясь, она схватила Сашку за руку и потащила в сторону дома. Словно и не было расставания, и все, как всегда, и они снова везде вместе, и всегда он, на правах старшего, крепко сжимает ее ладошку, чтобы подруга никуда не делась.

— Да не будет, успокойся. Я сказал ей, что тебя встречу. Что она, не поймет, что ли, что мы гуляем? — Попытался возразить Сашка. И совсем так, как она помнила, сжал ее руку, заставив Настю немного притормозить. — Слушай, а давай, и правда, походим, посмотрим все. Мне, жуть как любопытно, что тут поменялось, что нового? На дворец спорта глянуть охота. Эдуард Альфредович больше не тренирует, да? Мне Дима, вроде, говорил, что ему уже тяжело. Или ты не знаешь?

— Не тренирует, — кивнула Настя. — С сердцем у него плохо стало. Я сама его давно не видела, мне Виктор Федорович, рассказывал. Теперь он секцией занимается. Он сам когда-то у Эдуарда Альфредовича тренировался, но потом бросил спорт из-за травмы. Рано, лет в двадцать. Работать начал. И теперь его Эдуард Альфредович попросил секцию взять. — Рассказала она другу, но все же, не сбавляя скорости, продолжала тянуть Сашку в направлении дома. — Я хожу туда иногда.

Не так часто, как с тобой, конечно. Чего мне теперь там делать? Но Виктор Федорович иногда разрешает мне выходить на лед. Ему Эдуард Альфредович про меня рассказал, и про тебя тоже. — Настя через плечо улыбнулась другу. — Вот он и разрешает мне кататься. Правда, советовал записаться в кружок фигурного катания, я пробовала, но как-то, не то... — Настя скривила пренебрежительную гримасу.

Сашка кивнул и понимающе хмыкнул.

— Хоккей — это круто! — Авторитетно заявил он.

— Круто, — со вздохом согласилась Настя. — Жаль, девушек не пускают играть.

— Ты что! — Вдруг остановился друг, заставив ее замереть. — Это же реальная мясорубка. Тебе бы там все кости в миг переломали! Даже не думай! И правильно, что этот Виктор Федорович тебя не пускает!

Настя пораженно уставилась на друга.

— Раньше ты, что-то, был не против, когда я тебе помогала. — Даже немного обидевшись, заметила она.

— Так я бы тебя никогда не ударил, и не толкнул, лучше самому упасть! — Горячо возразил Сашка. — А другим-то, по... без разницы, лишь бы выиграть! А у тебя вон, какие косточки тонкие, и одного падения могут не выдержать.

Обхватив двумя пальцами ее руку в районе запястья, Сашка демонстративно покачал перед глазами Насти ее же рукой. Полностью игнорируя то, что она пыталась сопротивляться.

Эх, знал бы Сашка, что ей и этим самым косточкам уже доводилось вынести, и ничего не треснули. Может, умничал бы тогда меньше.

Но Настя, верная своему решению, ничего не сказала, только фыркнула.

— Ой, можно подумать! Ты просто достать меня никогда не мог, вот и все... Сашка!

Ее возмущенный визг разлетелся по парку, заставив обернуться нескольких прохожих. Впрочем, те тут же отворачивались с добрыми усмешками, и шли по своим делам дальше. А вот Насте стало не до смеха.

— Поставь меня! Немедленно!

— Это кто тут и кого достать не мог? — С ухмылкой спросил друг.

Видно, задетый ее словами, или просто, из чувства противоречия, Сашка ухватил ее и

вздернул в воздух на вытянутых руках. И теперь Настя позорно болталась в воздухе, как малый ребенок, а он смеялся над ее возмущением. Она даже упереться ему в плечи нормально не могла, друг не позволял, и достать, чтоб хоть пнуть или ущипнуть — не выходило.

— Отпусти! Ну, Сашка! — Ладно, она, пожалуй, преувеличила. Он и правда, мог достать ее, да и силой превосходил.

— Не-а. — Определенно, довольный ее беспомощностью, Сашка покачал головой. А потом наклонил ту к плечу, и глянул на Настю снизу вверх, весело прищурившись. — И не подумаю. Пока не признаешь, что прав — я.

Будто желая позлить ее еще больше, он, к тому же, взял и крутанулся на месте, так, что Настя судорожно вцепилась в его руки. Но и немного разозлившись, она не могла не рассмеяться. Ей стало весело и даже щекотно в животе, как на качелях.

— Ты — грубиян. — Смеясь, заметила Настя, покачав головой. — Кто бы мог подумать, что ты таким станешь. Прямо, весь такой, крутой из себя. Хуже Лехи. Но сильный, это правда. И ума, как говорится, уже не надо.

Сашка нахмурился и стусевался. В его глазах появилось явно видимое огорчение.

— Прости, Насть. Я не хотел тебя обидеть. Реально. — Друг резко прижал ее к себе и начал опускать. — Просто хотел... А, ладно. Проехали! Прости, придурка, а, Настя?

Он уставился ей в глаза, крепко-крепко прижав к себе, наверное, чтоб она не убежала, пока он не добьется прощения. И чего-то ждал.

Они оба застыли.

Сашка смотрел на нее. Смотрел так, что у Насти во рту пересохло, и уже даже не смешно было. И мысли все из головы, словно ветром выдуло. И стало все равно, что повисла глупая пауза, когда она должна бы ответить. Или хоть попробовать отойти.

Только ведь, не хотелось. Совсем не хотелось отходить. Наоборот. Простояла бы вот так весь остаток дня. И завтра, тоже.

— Ух, ты... — Вдруг тихо прошептал Сашка, непонятно для нее.

А потом друг медленно наклонил голову. Будто давал ей возможность отступить, отклониться. Только руки его, при этом, держали Настю за талию все так же сильно. А она все никак не могла понять, что же сейчас будет, и почему сердце колотится в самом горле.

И тут случилось это, то самое. То, чего, оказывается, ей всегда страшно хотелось, только Настя и сама не понимала.

Сашка вдруг легко коснулся ее рта своими губами, раз, еще раз, словно пробуя. Или ожидая реакции Насти.

— Ох...

Не вполне отдавая себе отчет в том, что делает, она сильнее запрокинула голову и подалась навстречу этому легкому прикосновению, от которого у нее по всему телу пошла дрожь. Словно только этого и ждав, Сашка прижал ее к себе еще сильнее, и одной ладонью обхватил щеку Насти. А его губы...

Ой-йо! У нее в голове зашумело, то ли от солнца, то ли от нервного возбуждения, то ли от первого в жизни поцелуя. И было так здорово, и щекотно внутри, и жарко, и сладко. Действительно сладко, хоть и непонятно, как можно ощущать вкус поступка, движения, действия. А внутри живота так надрывно и тягуче-вязко. Но даже это — приятно.

— Стася... — Сашка отстранился, прижавшись щекой и губами к ее волосам. Глубоко вздохнул. — Кажется, мне хотелось этого с первой минуты, как я тебя сегодня увидел.

Она молчала. Настя просто не в состоянии была говорить. И его слова слышала как-то приглушенно. То ли из-за избытка ощущений, то ли из-за шума крови в ушах. Может, даже, больше ощущала по вибрации груди Сашки, к которой прижалась щекой.

— Стася? — Сашка, кажется, заволновался. — Стасечка, ты не сердисься? Стась? — Позвал он ее, осторожно коснувшись горячими губами кожи на виске.

Настя покачала головой, все еще молча. И подняла лицо, заглянув Саше в глаза. Улыбнулась, так, что, наверное, все то, что сейчас звенело внутри нее, стало видно. И открыла рот...

Но не смогла подобрать слова. Опять улыбнулась, и тихо вздохнула, решив, что, пожалуй, и не хочет нарушать словами этот обалденный момент.

Сашка ухмыльнулся, словно прочитал ее мысли. И снова поцеловал, только коротко. А потом обхватил за пояс и закружил, уже не поднимая, наоборот, прижав к себе крепко-крепко. И опять поцеловал, замерев посреди парка с ней в руках.

— Мы гулять собирались. — Наконец, напомнил он, минуты через три, когда у обоих кончился воздух в легких.

— Ага. — Хлопая ресницами и пытаясь прийти в себя, согласилась Настя. — Только мне, все равно, сначала домой надо. И бабушку Аню предупредить, и переодеться.

— Ладно, — легко согласился Сашка. — Пошли.

И теперь уже он уверенно завладел ее рукой, переплел их пальцы и потянул немного пришибленную Настю в сторону дома.

Глава 8

Она смутно помнила, как они зашли к ней домой. Как Саша о чем-то разговаривал с бабушкой Аней. И как она сама что-то рассказывала, отвечая на расспросы. Так же смутно Настя понимала, то именно надевает, кажется, схватив тот сарафан, что первым попался под руку. Но это все было настолько неважно! Вот, вообще! Ведь Сашка был здесь, рядом! И он ее поцеловал! И даже не раз. И так нежно, так безумно трогательно назвал «Стасей».

Ее никто и никогда так не называл. И не надо, поняла вдруг Настя. Именно он тот, от кого она хотела бы услышать это, полное невыразимого чувства, обращение. Только от Саши. И то выражение его глаз, когда он чуть приподнял свое лицо над ней после их поцелуя, когда выдохнул это «Стася», заставило Настю поверить, что и он испытывает такой же ураган эмоций. Настолько же сильный восторг, трепет и даже страх перед чем-то совсем новым, еще неизвестным им. Но в то же время — таким ожидаемым и, казалось, единственно-возможным развитием того, что всегда было между ними. И не играли никакой роли эти четыре года разлуки. Только послужили катализатором, дав почувствовать, что каждый из них значит для другого.

Первая любовь налетела на них, сбивая с ног и захватила так, как захватывает только это чувство. Когда в один миг, встретив человека, ты вдруг понимаешь — «ЛЮБЛЮ!», «жить не могу без него». Да, что там жить — дышать без любимого человека невероятно трудно. А уж в ситуации Насти и Саши — все казалось еще глобальней, полней, драматичней. Ведь они столько знали друг о друге, имели столько общих тем и устремлений!

Потому, наверное, всего лишь через шесть часов после встречи во дворе, Настя уже и не сомневалась в том, что любит своего друга. Хотя, как тут будешь утверждать? Может она его еще тогда, в двенадцать лет полюбила? Просто тогда это чувство было иным, более детским,

восторженным? Привязанностью, которая все равно никому не позволяла к ней приблизиться на протяжении последних четырех лет. Точнее, это Настя отталкивала всех, не в силах вместить в своей душе еще какое-то чувство, кроме этой привязанности. Но теперь это не имело никакого значения, ведь Сашка снова рядом! И Настя ощущала безумную эйфорию и восторг, не особо размышляя над вопросами: «как, почему и что будет дальше?»

Переодевшись, она вылетела в коридор, где Сашка так и рассказывал бабушке Ане, как именно они с мамой живут в Питере, и как продвигается его карьера в команде. Судя по улыбке, которой бабушка Аня удостоила взъерошенную воспитанницу — она догадывалась о чувствах, обуревающих молодежь. Но, не сказав ничего, кроме напоминания о том, чтоб Настя возвращалась до темноты, бабушка Аня без вопросов отпустила их гулять. А они не скрывали, что собираются наведаться в старый Дворец спорта и просто побродить по району, чтобы Сашка вспомнил все знакомые с детства улочки.

И не было ничего странного в том, что они снова брели по району, держась за руки: Настя взахлеб рассказывала о том, что и как здесь поменялось, а Саша с таким же восторгом делился с ней рассказами о том, насколько отличается Питер от их сонного города. И Настя тогда притихала, замороженно слушая о метро и дворцах, о фонтанах и брусчатке, о памятниках прошлому, о невероятно-современных бизнес-зданиях и «шикарном» катке, где тренировалась его команда. А потом Сашка, замечая замороженное состояние подруги, начинал смеяться. И крепко обнимая, целовал, не обращая внимания ни на кого вокруг.

Так что до Дворца спорта они добрались не так уж быстро.

Но когда добрались — Саша даже не пытался скрыть удивление. Конечно, о том, чтобы сравнивать этот спорткомплекс с тем, в котором он привык заниматься в последние годы — и речи не шло. И все-таки, тут стало куда лучше, чем ему помнилось. Реально лучше.

Во-первых, кто-то вспомнил о том, что коридоры нуждаются в освещении. И теперь от темных и таинственных переходов, в которых они с Настей играли в космических завоевателей и охотников за привидениями — не осталось ничего. Везде горели современные лампы дневного света, сами стены так же подверглись ремонту и теперь выглядели очень современно, пусть и немного безлико. Однако на стенах висели большие фото всех мало-мальски известных спортсменов, которые имели хоть какое-то отношение к этому дворцу спорта. Саша искренне обрадовался, найдя портрет Эдуарда Альфредовича. И даже закралась в душу мысль, что он не отказался бы увидеть здесь и свое фото когда-нибудь. Ведь он был серьезно настроен добиться очень многого в мире спорта.

Но долго предаваться честолюбивым мечтам ему не удалось, Настя настойчиво тянула его дальше:

— Ты смотри, что они тут сделали!

Она затащила его в совмещенный волейбольно-гандбольный зал, который Саша так же узнал не сразу. Было видно, что на ремонте этого помещения горсовет или спонсоры не сэкономили — все было функциональным, современным, продуманным и красивым, что так же немаловажно, если ты проводишь в зале больше шести часов ежедневно, даже в выходные. Впрочем, учитывая то, что их город всегда отличался сильной волейбольной и гандбольной школой — это было и неудивительно.

— Слушай, не, реально круто! — Сашка потянул Настю за руку, приближая максимально близко к себе. Обхватил обеими руками талию подруги и «улегся» щекой на ее голову. — Seriously, круто отремонтировали. Вот бы и каток так...

— И там много поменялось, честно, Саш, — Настя тут же попыталась вывернуться из

его объятий. — Пойдем, — видя, что он все еще осматривается, она начала интенсивней его тянуть, впрочем, все равно оказалась не в состоянии сдвинуть Сашу с места.

Он усмехнулся и опять притянул ее к себе. Наклонился и прижался к удивленно-приоткрытым губам Насти.

Ух, как же это классно было! Просто невероятно здорово! То, что он ее нашел. То, что Стася была рядом с ним сейчас. И что он ее целовал. И то, что от этого поцелуя у него внутри все взрывалось и безумно тепло становилось — тоже здорово было.

— Ладно, давай, показывай дальше, — осипшим голосом позволил он, когда нашел в себе силы оторваться от губ Стаей.

Она же смотрела на него расплывшимся взглядом и, кажется, не совсем понимала, о чем Сашка говорит. Ему пришлось ее немного потормозить, пощекотав шею, чего Стася всегда боялась. А когда подруга взвизгнула и вся сжалась в комочек — рассмеялся:

— Показывай каток. Там тоже теперь все так круто? — уточнил он.

— А, да, — Настя улыбнулась ему так, что у Сашки горло сперло и дыхание прервалось. Какая же она красавица. Ух! И как он раньше этого не замечал, серьезно?! — Пошли, — подруга потащила его в сторону коридора и в этот раз Саша не сопротивлялся.

Зал с катком, и правда, поменялся. Первое, что бросалось в глаза — освещение и катка, и самого пространства стало гораздо, гораздо лучше. Не в пример тому, что было раньше. И в этом освещении весело и маняще поблескивал, искрился лед.

Сашка вдруг действительно почувствовал себя дома. Нет, лед он всегда просто обожал, тот манил и притягивал его, несмотря на то, сколько именно часов в день Сашка на нем проводил, независимо от того, сколько потов тренера сгоняли с него на этом льду. Но сейчас дело было не в этом. Просто — этот каток, этот зал и эта девочка рядом... Наверное, именно совокупность этих, конкретных составляющих прочно ассоциировалось в его понимании с домом.

Сам лед, как и освещение, стал так же получше качеством, это было видно даже так, при осмотре. Заменили и пластиковое ограждение. Скамьи в зале сменились современными пластиковыми стульями. В общем, зал стал похож на тот, в котором он тренировался в Питере, с учетом разницы в размерах и размахе, конечно.

Но внимание Саши привлекли не детали обстановки, а ребята, гуськом покидающие лед под присмотром тренера. И это тоже напомнило Саше, как он когда-то здесь тренировался. Наверное, тренировка этих ребят только закончилась.

Но тут, неожиданно для Саши, Настя еще настойчивей потянула его ко льду, при этом вскинув руку, привлекая чье-то внимание:

— Валерий Федорович! Здравствуйте! — громко закричала подруга.

Тренер тут же поднял голову и глянул в их сторону:

— Настя, — видно, узнав девочку, тренер поднял руку в ответном приветствии. — Здравствуй, егoза. Что, покататься захотелось? — с вопросом кивнул мужчина, когда они приблизились.

И с интересом глянул в сторону Саши.

Правда, смотрел на него тренер недолго. Уже через пару секунд мужчина снова обратил все свое внимание на Настю:

— Я тебя в этом, — тренер махнул рукой, видимо, имея в виду летний сарафан его подруги, — на лед не выпущу. Извини, девочка, но тут никакие просьбы не помогут. Не хватало мне еще потом быть виноватым в том, что ты заболела.

Настя улыбнулась и состроила гримасу в ответ на это заявление. А вот Сашка почему-то испытал раздражение — слишком свободно эти двое общались, как друзья, а не как тренер и подопечная. Но тут же в памяти всплыло воспоминание о том, как они с Настей когда-то познакомились с Димой. Тогда он тоже сразу взъелся на будущего отчима, видя, как восхищенно замерла подруга. И как она во все глаза рассматривала мужчину.

Это воспоминание заставило Сашку усмехнуться и даже поразиться самому себе. Тогда, ясное дело, он не понял, отчего так разъярился, а теперь... Выходит, уже тогда ревновал Настю ко всем окружающим мужчинам? Неужели, любил уже тогда?

Наверное, да. Хотя, скорее всего, с немного иными акцентами.

Осознав это для себя, Сашка заставил себя еще раз посмотреть со стороны за Настей и тренером, продолжающим о чем-то болтать. И, подавив ревнивые порывы, не мог не признать, что ничего «такого» в этом разговоре или общении Насти и Валерия Федоровича не было. Тем более что именно его, Сашу,

Настя продолжала крепко держать за руку, разговаривая стренером секции:

— Да, нет, Валерий Федорович, сегодня я не кататься, — весело покачала головой Настя. — Я другу каток показать хотела. Вот, — Настя повернулась к нему, а потом снова посмотрела на Валерия Федоровича. — Это — Саша Верещагин. Мы с Эдуардом Альфредовичем вам про него рассказывали. Который в Питер уехал, его в команду взяли. Вот, он в отпуск приехал. И я обещала ему все-все показать. Что и как здесь поменялось, — сумбурно, но весело пояснила Настя.

— Значит, тот самый Верещагин, — Валерий Федорович вновь обратил на него свое внимание, и у Саши возникло ощущение, что теперь его изучали куда пристальней. — Что ж, рад знакомству, Александр, — тренер протянул руку, и Саша ответил на крепкое рукопожатие. — Эдуард Альфредович и эта егоза, и правда, мне о тебе все уши прожужжали, — с усмешкой признался Валерий Федорович. — И как там, в Питере тебе живется? Наш Эдуард Альфредович все расстраивался, что ты не звонишь, не пишешь, не рассказываешь.

— Да, замотался...

Сашке стало стыдно.

Резко так. Обжигающе и горячо. Слово бы он покраснел от этого упрека. А может и правда покраснел. И вроде как есть оправдание — сплошные тренировки. Хоккей поглощал чуть ли не всю его жизнь...

Но разве сложно было выкроить пять минут и позвонить человеку, который посвящал ему столько времени? Который сделал все, чтобы дать Сашке этот шанс? Или написать несколько строчек? Seriously?

И тут его огорошило еще одно осознание, куда более горькое и упрекающее — если бы он связался с Эдуардом Альфредовичем, то еще тогда, четыре года назад узнал бы о том, что Стася вернулась.

Поменяло ли это что-нибудь? Сашка не смог бы сказать однозначно. Это сейчас ему восемнадцать и он волен сам принимать решения. Тогда ему было четырнадцать. Но Саша не сомневался, что что-то все равно он смог бы сделать. И мама была бы на его стороне. Она бы наверняка поняла его желание быть с подругой. Он не знал, как. Но что-то они, точно, могли бы сделать. И понимание того, сколько времени он мог бы общаться со Стасей, но упустил такую возможность — заставило его пасмурно и угрюмо застыть, уставившись на свои ноги в сандалиях, вовсе неуместных у катка.

— А в Питере... В Питере — нормально, — скупое из-за этой самой угрюмости пробурчал он, сделав вид, что не замечает недоуменный взгляд Насти, буквально буравящий его. — Мы, кстати, с моим отчимом собирались подойти, поговорить с вами. Насчет того, могу ли я тренироваться на катке, пока здесь... — проговорил Саша только затем, чтобы как-то заполнить паузу и отвлечь всех от своего внезапно испортившегося настроения.

— У тебя отчим — Дмитрий Васильев? — уточнил Валерий Федорович.

— Да, — Сашка глянул на тренера с удивлением. — Вы его знаете?

— Так, пару раз на льду встречались, еще когда он играл. Я тогда как раз начинал. До травмы, — не вдаваясь в подробности, тренер передернул плечами. Улыбнулся. — Хорошо, подходите завтра, я буду здесь с трех. Хотя, и так могу сказать — я совершенно не против. Единственное, вам надо будет еще с директором комплекса поговорить. Но и тут, я думаю, никаких проблем не возникнет. — Валерий Федорович пожал плечами. — В общем, давай, Верещагин, заходи с отчимом. И Эдуарда Альфредовича навести, раз уж занесло в родные пенаты. Как-никак — первый тренер. А он сейчас сильно сдал. Но ему будет приятно тебя увидеть.

Я пойду, мне уже пора, — Валерий Федорович еще раз пожал ему руку и с улыбкой кивнул Насте. — А ты, — тренер погрозил пальцем Сашкиной подруге. — Если еще раз явишься в этот зал в чем-то подобном — вообще к катку не подпущу, так и знай. И никакие взгляды, мольбы и уговоры на меня не подействуют.

Щелкнув Настю (которая опять состроила свою гримасу) по носу, видно, для усиления внушения, с которым Сашка не мог не согласиться, Валерий Федорович еще раз махнул им рукой на прощание и двинулся в сторону раздевалок. А Настя тут же встала перед ним и попыталась заглянуть Сашке в глаза:

— Саш, ты чего? Что с тобой? Ты почему такой хмурый стал? — настороженно принялась допытываться подруга. — Тебя Валерий Федорович чем-то расстроил?

— Ничего, — Саша заставил себя улыбнуться, глядя в ее лицо. И понимал, что насмотреться не может, несмотря на настроение и самобичевание. — Нет, тренер нормальный мужик, правильный. И говорит все правильно. И про твое платье, и про то, что я неблагодарный придурок, — со вздохом признал он. — Но не в том дело, просто... — Сашка пошел в сторону пластикового ограждения льда.

Настя тут же потянулась за ним:

— Что, просто?

Сашка передернул плечами:

— Да, подумал, что мог гораздо раньше тебя найти, если бы с Эдуардом Альфредовичем связался, — с раздражением на себя, признал он.

Стася моргнула, несколько мгновений смотрела прямо Саше в глаза, а потом как-то так передернула плечами и вздохнула:

— Ладно, значит, так надо. Знаешь, бабушка все время говорит — все к лучшему, — тихо проговорила она.

И отвернулась. Причем так, левым боком. А до этого все время крутилась рядом с другой стороны. И Сашка с недоумением и удивлением уставился на приличных размеров шрам на плече любимой девушки. Видно было, что он старый, уже белый. Немного неровный и словно бы стягивающий кожу вокруг. Но, как понимал Саша, а он-таки в этом кое-что понимал, рана, на месте которой этот шрам остался, должна была быть приличной.

— Стась, это откуда? — ухватив ее за плечо, Саша притянул Настю ближе. — Это что за

шрам такой?

Настя вздрогнула в его руках. Наверное, все же промерзла у льда, не зря тренер ее ругал, и как-то так неуверенно глянула на Сашу.

— Да, не откуда, в общем-то, — Настя передернула плечами, не собираясь посвящать друга во все подробности того, чего ей когда-то стоило краткосрочное пребывание в приюте. И какой ценой удалось сохранить подаренный им же брелок с Харламовым. — Давно еще упала не очень удачно, сразу нормально не промыли, и пустыковая царапина нагноилась. Бабушка Аня меня потом так вычитывала, когда пришлось в поликлинике это все вскрывать и чистить, ты бы слышал. — Она легко и беззаботно рассмеялась. Потому что и правда не видела повода теперь уже грустить. — Шрам, конечно, не очень получился. Страшненький, как бабушка говорит. Но с этим уже ничего не поделаю, — она развела руками.

Саша улыбнулся и ближе наклонился к ее лицу. Так, что Настя снова блаженно застыла, совсем как в парке, просто глядя на него. Испытывая невероятное количество эмоций и счастья просто от того, что Саша ее обнимал и находился так близко.

— И ничего не страшненький. И, вообще, он тебя нисколько не портит. Ты просто ух, какая красивая. Вот, реально, — как-то так неловко, но с огромным чувством пробормотал друг.

И до того, как Настя успела бы застесняться от такого комплимента, прижался своими губами к ее рту. Этот поцелуй показался ей куда слаще, куда глубже, чем предыдущие. Возможно потому, что они стояли у льда, с которым их столько связывало, на котором зародилась и их дружба, и то трепетное, что сейчас связало их, став сильным и мощным жаром, поднимающимся волной изнутри. Так, что Насте жарко было, и вдохнуть она не могла, цепляясь за плечи Сашки руками. А он целовал ее, обнимая все сильнее. И Насте казалось, что она век так готова стоять, целуя любимого. Да и не надо ей больше для счастья ничего.

Но проверить, так ли это, у нее не вышло.

— Эй, молодежь, я все понимаю. Но ото льда отойдите, а? — окрик Валерий Федоровича заставил ее чуть ли не подпрыгнуть.

Правда, Сашка руки не разжал и не позволил ей отойти, хоть Настя и рванула с испугу в сторону. И смущенно потупилась, неуверенно скосив глаза в сторону тренера. Валерий Федорович уже переоделся и, видимо, заглянул в зал, уходя домой, чтобы убедиться, что оставляет все в полном порядке. И по виду, вроде, не сердился на них. Даже улыбался.

— Ты, герой, — Валерий Федорович повернулся к Сашке, — ты б головой подумал, и отвел девочку от холода, все-таки. Елки-палки, ну ведь в летнем же платье! А если заболит? Выведи на улицу и целуйтесь, на здоровье! Или кофту на нее натяни.

Валерий Федорович покачал головой и даже с некоторым упреком глянул на Сашку, как показалось Насте. А потом махнул на них рукой и пошел в коридор.

— Блин, и правда, надо было выйти на улицу. Вот я придурок! — Сашка, похоже смущенный и раздосадованный замечанием старшего, шумно выдохнул и крепко сжав ее руку, потащил Настю к выходу.

Вообще, зря торопился, если бы кто-то ее спросил.

Настя не знала, может и правда могла простудиться, и не ошибался тренер. Но ей все еще было жарко после поцелуя Сашки. И щеки горели. И сердце тархтело в груди. Но все-таки она не спорила и послушно шла по коридорам спорткомплекса за другом.

Весь оставшийся вечер они просто гуляли по улочкам, болтая обо всем на свете и ни о

чем конкретном. Перескакивали с темы на тему, обсуждая то тактику игры команды, за которую Сашка надеялся играть на постоянной основе, то их поездку из Питера, то возмущение Насти тем фактом, что никто из ее одноклассников, в принципе, не интересуется спортом. И едва не забыли, что обещались бабушке Ане вернуться до темноты. Так, что пришлось бежать в сумерках через парк. И они бежали, держась за руки, смеясь и задыхаясь. Абсолютно и безгранично счастливые и беззаботные.

ПКПП

ГЛАВА 9 — Мам, я пошел!

Входная дверь захлопнулась за Шуриком до того, как Наташа успела выйти в коридор, чтобы уточнить, куда сын собрался и напомнить о том, что в десять они с Димой договаривались о тренировке. Впрочем, куда сын побежал — она и так знала. Да и в том, что о тренировке он не забудет — не сомневалась.

Тяжко вздохнув, Наталья подошла к окну в кухне их старой квартиры. Через десять минут, как она и предполагала, Саша появился из подъезда, держа за руку Настю. Девушка счастливо улыбалась, запрокинув лицо, и с восторгом глядела на ее сына. Насколько она знала — у Насти сегодня был второй экзамен, но ничто не указывало на то, что девушка нервничает. Казалось, Настя и не помнит о предстоящем испытании.

Наташа еще раз вздохнула.

Ее обуревали двоякие чувства: она действительно искренне радовалась тому, что эта девочка смогла уйти из системы приютов. Анна Тимофеевна рассказала ей, как нашла девочку под дверьми этой самой квартиры. И то, в каком Настя была состоянии. Нет, Наташа все же очень радовалась, что Анна Тимофеевна приютила девочку. Настя заслужила семью.

Но...

Честно говоря, Наталью очень беспокоило то увлечение, которое Шурик и Настя, определенно испытывали друг к другу. И вроде понятно все. «Дело молодое», как замечал Дима. Кто не влюблялся в восемнадцать? Да еще и при том, какая дружба была раньше между этими двумя. Шурка мог сколько угодно притворяться, но Наташа прекрасно знала, что он так и не забывал колючую, кудрявую девчонку, которая его просто боготворила.

Дима считал, что, как и любое молодое увлечение, эта восторженность пройдет. Устанет молодежь, да и Сашке возвращаться надо, ясное дело, что перспективы карьеры в спорте перевесят любую влюбленность.

Но Наташа не была уверена, что может согласиться с мужем. Слишком хорошо она знала своего сына, чтобы не замечать — между Шуркой и Настей не просто подростковое влечение, вызванное бурлением гормонов и остатками детской дружбой. Здесь было что-то явное больше и глубже. И это ее беспокоило.

Как и любая мать, она желала для своего сына только всего самого лучшего в этой жизни. Она мечтала о том, что он сумеет реализовать все свои самые смелые мечты и желания, что добьется всего на свете. Даже когда-то завоюет Кубок Стенли, потому что знала — Сашка мечтал об этом. Да и просто, в Петербурге у него было столько возможностей и вариантов, такое количество шансов, сколько никогда не будет здесь. А Наташа еще помнила, как Шурка отказывался ехать в Питер, как от хоккея отрекался, когда понял, что из-за этого расстанется с подругой.

Конечно, тогда он еще не понимал, от чего отказывается. Да и было-то ему

четырнадцать, что он знал и о чем думал? И все же, глядя на то, как сияют каждый раз глаза сына, когда он только произносит имя Насти, Наташа все чаще вспоминала то давнее решение сына предпочесть подругу хоккею.

— Мы выиграли! — не в силах прекратить смеяться, Настя подъехала к такому же веселому Валерию Федоровичу и с размаху хлопнула тренера по выставленной в ее сторону ладони. — Мы сделали этих выскочек, Валерий Федорович!

— Точно, Настюша, пусть знают, что и тут есть звезды хоккея, — рассмеялся в ответ тренер.

Настя, гордая до невозможного, кивнула, но все же осторожно глянула в сторону Сашки, очень надеясь, что любимый не обиделся. Выиграли-то они номинально, с перевесом в одну шайбу, да и по ходу тренировки большую часть времени отставали в счете. Но ее опасения оказались напрасны — Сашка улыбался так же широко, как она сама, явно довольный тренировкой. А не менее веселый Дмитрий Валериевич, стянул шлем с головы и пытался всех убедить, что они, как настоящие мужчины, просто не могли играть в полную силу против команды, где есть такая красивая девушка.

От этого заявления Настя, да и все на льду засмеялись еще громче, а она, ощущая себя и польщенной, и просто невероятно счастливой в одно и то же время, все-таки по-детски показала язык, демонстрируя, что ни капельки не верит.

— Конечно-конечно, оправдывайтесь, — поддержал ее недоверие Валерий Федорович. — Вы нам теперь что угодно расскажите, чтобы честно не признать поражение, да, егоза?

— Ага! — кивнула Настя тренеру, и сама расстегивая шлем.

Руки немного дрожали, как и ноги, и дыхание сбилось. Она уже очень давно настолько серьезно не каталась, а еще и игра. И жарко было, хоть и на льду. А все равно — так здорово!

Они вот так проводили все тренировки в последнюю неделю: играли два на два. Пары регулярно менялись, чтобы была возможность отработать разную тактику и попробовать различные приемы. Иногда они с Сашкой играли против его отчима и Валерия Федоровича. Иногда она попадала в команду Дмитрия Валериевича. Правда чаще, как и сегодня, играла «за своих». Дмитрий утверждал, что тактика Валерия не всегда предсказуема и это дает его пасынку отличную возможность для развития. А Настя всегда прекрасно понимала, что именно задумал Валерий Федорович, и пусть осознавала, что по подготовке и умениям проигрывает всем остальным — умела очень даже неплохо воплотить задумку тренера, за работой которого наблюдала последние два года и достаточно знала манеру игры.

— Ладно, признаем, вы нас уделали, — громко рассмеявшись, Сашка в два счета оказался рядом с ней, затормозив так, что высек сноп ледяных крошек из-под лезвия коньков. — Но мы еще отыграемся, — пригрозил ДРУГ.

И тут же наклонился, крепко ее поцеловал, никого не стесняясь. А вот Настя еще немного смущалась так открыто проявлять свои чувства. Ей все время было как-то боязно, и не хватало уверенности, и словно хотелось прикрыть ото всех ладошкой то, что росло и расцветало в душе при одной только мысли, одном взгляде на Сашу. Тем более было страшно выносить на суд людей чувства, так откровенно проглядывающие в их поцелуях. Но, конечно же, она не вырывалась, наоборот, потянулась за любимым.

И только потом, стараясь отдышаться, спрятав раскрасневшееся лицо на его плече, осторожно глянула в сторону тренеров — мужчины о чем-то разговаривали, вроде и не обращая на них внимания. И все же Настя не могла не заметить, что оба поглядывают в их

сторону. Только Валерий Федорович снисходительно посмеивался, а вот Дмитрий Валерьевич, хоть и тоже улыбался, смотрел как-то серьезно и задумчиво. Точно, как и тетя Наташа поглядывала на них с Сашей, когда Настя заходила в гости.

У нее по затылку прошла какая-то неприятная холодная дрожь.

«От холода катка, конечно же», попыталась убедить себя Настя, вновь спрятав лицо у Саши на плече.

Но в глубине души понимала, что дело не в этом. Уже не в первый раз она замечала вот это не очень понятное ей отношение со стороны родителей Саши. Нет, они были приветливы и добры. И тетя Наташа, и Дмитрий всегда вроде бы радовались, когда они приходили, интересовались ее учебой, жизнью, выпускными экзаменами, которые Настя как раз сдавала. Правда, после того, как Саша опять появился в ее жизни — никакие экзамены Настю уже не пугали. И то, что на протяжении всего последнего года в школе как минимум вызывало опасения, сейчас проходило как-то само-собой и по большей части мимо ее сознания. Нет, Настя не завалила пока ни одного экзамена. Совершенно нет. Она на отлично написала сочинение и была уверена, что хорошо справилась с математикой. Просто сейчас это ее почти и не беспокоило. Настя на протяжении всех лет училась хорошо, а теперь просто избавилась от глупого беспокойства, отвлеченная куда более сильными эмоциями.

— Эй, молодежь, нам пора, — Дмитрий повернулся к ним полностью, закончив свой разговор с Валерием Федоровичем. — Настя второй экзамен сдала, нам есть что отпраздновать.

— Поздравляю, кстати, Настюш, — махнул ей и Валерий Федорович.

— Спасибо, — смущенно улыбнулась она из-за плеча улыбающегося Сашки, которого забавляло ее смущение.

— Ну, давайте, до завтра. А я пойду пообедаю, да своих парней буду ждать на тренировку, — Валерий Федорович кивнул им на прощание и подъехал к выходу со льда.

Они все попрощались тренером и тоже засобирались. Бабушка Аня действительно приглашала сегодня всех отпраздновать сдачу очередного экзамена Настей, не сомневаясь в своей приемной внучке. Да и Настя хотела еще сегодня успеть отнести в паспортный стол документы на оформление паспорта.

Ведь ей недавно, три дня назад, отпраздновали шестнадцать лет — Сашка пришел с самого утра, подарив огромный букет сирени и тюльпанов (попутно пожаловавшись на невозможность купить тут нормальные цветы). А бабушка всю ночь пекла самый настоящий торт «Наполеон»: с огромным количеством тонких-тонких слоев, с безумно-сладким и нежным заварным кремом. И они втроем пили чай с этим тортом. А потом, не вспоминая о том, что через день у Насти очередной экзамен, они с Сашей гуляли по парку, и к реке съездили. Долго сидели на летней площадке кафе, поедая мороженное каких-то совсем безумных оттенков. И, конечно же, целовались, а обнимать ее Саша просто ни на минуту не переставал, не обращая внимания на стеснение Насти. Ну а вечером они все, включая и родителей Саши, собрались у них в гостях и шумно, весело, с огромным количеством подарков отпраздновали такую важную дату.

И теперь Насте не терпелось получить самый настоящий паспорт. Почему-то ей казалось, что это сделает ее действительно «взрослой». Ну, не совсем, но как бы реально подтвердит ее новый, более официальный гражданский статус. А для этого надо было отнести все бумаги. И Саша обещал пойти в паспортный стол вместе с ней. Так что им и правда стоило поторопиться.

— Как думаешь, а когда можно будет забирать?

Саша не выдержал, начал придушенно смеяться, когда Настя в третий раз за последние десять минут об этом спросила. А если посчитать, сколько раз он слушал и отвечал на этот вопрос за последние четыре дня — в пору было хвататься за голову и выть.

— Достала, да? — Настя перевернулась с живота на спину и раскинула руки, улегшись на полу.

— Нет, ты что, — Саша, наблюдающий за подругой сверху, с дивана, дипломатично покачал головой.

— Ладно, знаю, что достала, — подняв руку, она коснулась его ладони, чем Саша тут же воспользовался, переплетя их пальцы. — Но мне уже так хочется получить паспорт, сил нет ждать, — она смущенно передернула плечами.

— Получишь ты его, никуда он от тебя не денется, — Саша спустился с дивана и уперся локтями в пол, растянувшись рядом с Настей. Было очень жарко, и он не мог не признать — на линолеуме гораздо прохладней. — Разве в этом дело? Ты ж сама реально знаешь, сколько тебе лет, — потянувшись, он навис над лицом Насти и поцеловал ее улыбающиеся губы.

Вроде в шутку, но Настя, только было собравшаяся что-то возразить, тихо вздохнула, протяжно так, что у Сашки жаркая дрожь пошла по спине, и закинула руки ему на затылок, обнимая. Потянулась лицом вверх, прижимаясь крепче к его губам. А ему вроде и вдохнуть надо было, и не хотелось.

Не мог он от Стаей своей оторваться даже на секундочку. Словно жизнь его от этого зависела. Потому еще сильнее наклонился и стал целовать ее глубже, коснулся пальцами щеки, погладил волосы, шеи. А сам понимал — пальцы дрожат, грудь распирает от того, как она ему нужна. Невероятно необходима. И при этом настолько важна, что за этот месяц он ни разу даже не заикнулся о чем-то большем, чем простые поцелуи, ласки и объятия. И вовсе не потому, что ему не хотелось пойти с ней дальше. Еще как хотелось. Только очень страшно было ее обидеть, попросить чего-то большего, чем Стася была готова дать. В конце концов, ей только-только исполнилось шестнадцать. Вот он и старался себя сдерживать. Хотя, нет-нет, и срывался: губы добирались до ее ключиц, вот как сейчас, и Саша начинал покусывать кожу над тонкими косточками, а руки самовольно забирались под ткань футболки и начинали гладить все, до чего могли дотянуться.

Стася его ни разу не останавливала. Но Сашка ощущал, как она настороженно замирала под его прикосновениями, и как ее дыхание сбивалось, то вообще пропадая, то становясь частым-частым. И всегда старался совладать со своими желаниями. Однако сейчас все было как-то иначе — Настя не просто не застыла, когда его пальцы забрались под ее майку и принялись гладить кожу, все откровенней подбираясь к груди — она выгнулась, прижимаясь к нему плотнее. Будто еще больше открывалась для этих напряженных и осторожных ласк.

Он даже как-то растерялся, на секунду оторвавшись от ее теплых и мягких губ, и приподнялся, заглядывая в глаза Насти. Правда руки его при этом, не слушая доводов рассудка, добрались до тонкого хлопка ее лифчика и накрыли упругую грудь, от которой у Сашки, если уж совсем откровенно, при каждом взгляде срывало крышу.

— Стася? — даже не представляя, о чем именно ее сейчас спрашивает, зачем-то окликнул он.

Настя потупилась. И щеки у нее были красные-красные. Но когда его пальцы чуть прижали ее сосок, неумело, наверное, и не очень как-то там романтично. Ну не было у него

опыта, не было! Настя от этого все равно зажмурилась с каким-то таким блаженным выражением на лице, что у него совсем задрожали и так не очень ловкие руки. И тут, все еще не поднимая век, она прошептала дрожащим голосом:

— Саш, а ты... Ну, ты уже с кем-то...? — он никогда не думал, что Настя может аж так покраснеть и настолько смутиться. И все-таки нашла в себе смелость спросить.

Он уперся своим лбом в ее скулу и постарался глубоко вдохнуть, переводя дыхание и хоть немного успокаивая нервы, чтобы как-то снизить напряжение, просто заискрившее между ними. Ага, ничего не вышло. У него пульс в ушах барабанил. И сердце Стаей так стучало, что ему в руку отдавало, которую он так и не убрал с теплого и мягкого холмика ее груди.

Что непонятного было в ее вопросе? Все ясно. Абсолютно.

— Нет, — прошептал Саша таким же тихим и ломающимся голосом. Но тут же решил, что должен быть с ней честным. Это ведь не кто-то, это Настя. — Но, знаешь, не потому, что не хотел. Ну, просто, как-то не складывалось. Все время что-то мешало...

— Ясно, — она почему-то отвернулась. Не отодвинулась. Просто лицо отвернула так, что теперь он касался губами ее уха. — А... — Настя замолчала и облизнула губы. — А со мной... Ты ни разу ничего такого не говорил, ну... Не намекал, что хочешь, и... Я тебя так не интересую, да? — робко и грустно спросила она.

Сашка переваривал эти слова секунд тридцать. А потом прыснул, чуть ли не задыхаясь от смеха. Обхватил свободной рукой ее за пояс и перекатился сам на спину так, что Настя оказалась сверху на нем и не могла теперь не смотреть ему в лицо. И не дал ей высвободиться, хоть подруга явно старалась, начав извиваться. Чем только разогревала его кровь, и так бурлящую и от гормонов, и от ее близости.

— Вот это я перестарался, — уткнувшись в ее шею, все еще немного нервно хохоча, признался он. — Да ты что?! Ты меня интересуешь!

Очень! Да ну, реально, больше чем кто-то, вообще, хоть когда-то интересовал. Но в этом же и дело, Стася! Я тебя очень хочу, — он вдруг не удержался и начал целовать ее шею, подбородок, снова до ключиц добрался. И при этом продолжал пытаться объяснить, пользуясь тем, что Настя обмякла, услышав его признание. — Только, я же... Ну, понимаешь, я не просто с тобой перепихнуться где-то хочу! Ты же моя Настя. Мой друг самый лучший, и самая любимая моя, — признался Саша, заглянув ей в глаза. — Самая-самая, — повторил он непослушным языком, почему-то снова ощутив себя косноязычным мальчишкой.

— Саша... — у Насти глаза так распахнулись, что стали просто огромными.

Но он не дал ей прервать себя, признаваться, так до конца.

— Я... Стася, я тебя люблю. И не ха... не хочу, чтобы ты думала, что мене от тебя, кроме секса и не надо ничего. Ничего, — исправился он, не испытывая стыда или смущения.

Это же Настя. Она знала и всегда понимала его, сколько бы ошибок в словах Саша не сделал. И нервничал он сейчас даже не потому, что боялся ей признаться, а просто сильно много у него внутри было ощущений и чувств. Таких, которые Сашка никогда и не думал, что может испытать. С такой силой.

Она все еще смотрела ему прямо в лицо, моргая и кусая губы. И тут рывком потянулась к Саше, чуть не стукнувшись лбом о его нос:

— И я тебя люблю, Саш. До жути просто, так сильно. Ты для меня — все! И друг, у меня такого друга больше никогда не было, и не будет, я точно знаю. Это же в тебе дело. И люблю я тебя. Очень, — Стася крепко обнимала его шею, шепча это все. Перемежая короткими горячими поцелуями слова, от которых у него внутри реально все запылало. — И... Саша, я хочу с тобой... Ну, дальше, до конца, — кажется, совсем смутившись, она прижалась лицом к его щеке и ее горячий шепот чуть ли не по-настоящему царапал ему кожу.

Он не выдержал, обхватил ладонями ее голову, смяв все ее кудряшки, поднял лицо Насти, чтобы в глаза глянуть, и застонал, упершись затылком в пол. Надавил ей на затылок и так начал целовать, как еще ни разу не целовал Настю. Она сводила его с ума. Серьезно сводила, дико просто. И то, что она предложила... Ух! У него ум за разум завернулся.

— Стасечка, милая моя, ты уверена, любимая? Я не хочу, чтобы ты делала это только потому, что боишься меня чем-то расстроить. Я что? Не потерплю, что ли? Да, над нами, знаешь, как тренеры на тренировках издеваются. Я выдержу, пока ты точно уверенной не будешь, и...

— Я уверена, Саш, — тихо, но и правда очень четко и уверенно. — И потом, ты же не вечно здесь будешь, — грустно добавила она.

У него аж горло сжало, и дыхание в груди застопорилось.

— Стасечка, ты что? Ты думаешь, я тебя смогу тут кинуть? Теперь, когда нашел?! — он опять поднял ее голову, чтобы видеть глаза. И со всей горячностью попытался рассказать все, о чем последнюю неделю думал. — Я тебя в жизнь теперь не отпущу! Я уже думал: ты с нами поедешь. Я же работаю. Нормально. И деньги хорошие получаю. И... Стася!

Саша говорил, и не мог остановиться. И по щекам ее гладил, по спине руками скользил. Настя так и лежала поверх него. Только им и на полу уже так жарко было, что оба краснющие оказались. Не от стыда, от жара и всего того, что испытывали, и что друг другу рассказать пытались, не особо умея такое говорить.

— Милая моя, ты не думай, я не тебя таки так не отпущу. Я же хочу, чтобы ты всегда со мной была. Везде. И на сборы ездила. И на матчи. И с нами жила. Пожениться, нам конечно пока не выйдет. Тебе еще только шестнадцать, а это только по беременности. А нам с тобой еще рано. И... Я все обдумал, честно, Стася. Мы даже можем квартиру снимать, если захотим. Не шикарную, конечно. Самую простую, и на окраине. Но зато сами. И ты в Питере сможешь куда-то поступить. Там же перспектив куда больше, чем тут...

Он говорил, а Насте казалось, что она выпала из реальности. Или он. Или они оба. Это все было так непохоже на ее жизнь. На то, как Настя представляла себе будущее. И не верилось, вообще. И Сашка сказочником казался. И в тоже время — это же Саша. Когда он говорил, она не могла ему не верить. У нее внутри все пылало, и жар, кажется, от кожи шел. И голова кругом оборачивалась от его слов: о браке, о поездке, о том, что они вдвоем жить могут. По-настоящему. Как взрослые.

Она даже не мечтала о таком. Лишь бы с ним быть. Хоть немного. Хоть сколько получится. Может, потом, он бы приезжал, и она когда-нибудь смогла бы к нему съездить... А Саша ее с собой забрать хочет!

Ей не верилось. И верилось. И жадно хотелось, чтобы это было возможно. По правде. Чтобы они никогда не расставались больше.

А еще больше ей сейчас хотелось действительно стать его. Не только лучшим другом, любимой девушкой. Его женщиной. И при мысли о том, что у него еще никого не было, как и у нее, и что они, только они друг у друга будут — у нее все внутри сладко сжималось, до

дрожи. С тревогой, да. Потому что Насте было немного страшно. Если честно, она о самом сексе очень мало знала, ну, то, что болтают во дворе и школе.

Но ведь не пробовала никогда. Вот и боялась. Но становилось немного легче от того, что и Саша в этом не очень разбирался. А значит, им надо будет вместе этому учиться. А они всегда хорошо со всем справлялись вместе.

И почему не сейчас? Когда душа и тело просто пылают. И родителей Сашкиных нет — ушли оформлять какие-то документы. И до тренировки, где они и собирались встретиться, еще три часа...

— Сатсечка, — словно читая все эти мысли, сомнения, страхи и надежды в ее глазах, Сашка на миг прижался к ее губам и снова глянул в лицо. — Ты уверена, точно? Потому что, я потерплю. Seriously, мне, конечно, не просто, потому что ты у меня все время в голове, и ты такая... — вместо слов, он крепче сжал ее тело, прижимая Настю к себе, давая ощутить, что он и правда возбужден. — Но я не хочу, чтобы ты сомневалась...

— А я и не сомневаюсь, — вдруг ощутив такое счастье, что прямо до эйфории, она рассмеялась, уперев ладони в его плечи. И ощущая себя храброй, желанной, любимой, потянула футболку Сашки, снимая с него.

— Я тебя люблю, — снова повторила Настя, наклонившись, и поцеловав его в губы. — Только ничего-ничего об этом не знаю.

— Ну, я тоже, только в теории подкован, — со смешком признался Саша, помогая ей снять свою футболку. И потянулся к пуговичкам на ее кофте.

— Но думаю, вместо мы как-то сообразим, чего и куда...

Она рассмеялась. Немного нервно. Но и в глазах Саши видела такую же неуверенность. Так что от этого Насте становилось немного легче. А уж когда он, смущаясь, хоть и меньше, чем она, вытащил из кармана джинсовых шорт упаковку из фольги, в которой Настя не сразу узнала презерватив, почему-то совсем спокойно стало.

— Дима все время по мозгам насчет этого ездит. Уже года три, — неловко признался Сашка. — Ну и, он вроде прав...

Настя только кивнула, наклонилась и поцеловала его опять. Так ей было легче, она не так смущалась, когда целовала Сашу. И он был точно «за» то, чтобы она не прекращала это делать.

Вообще, все было как-то сумбурно, и в то же время нереально, и все в том же горячем угаре, в котором у них все сегодня получалось. Руки Саши, просто ожигающие, как казалось Насте, гладили ее кожу, немного неловко снимая одежду: кофту, лифчик, юбку. Неуверенно замерли, когда она осталась только в трусиках. Словно все еще давая ей шанс передумать. Хоть Настя и видела, что любимому это очень сложно было сделать: щеки Сашки пылали так же, как и у нее самой, наверное, и дыхание было тяжелым и частым. И они оба покрылись капельками пота. И у Саши руки дрожали. А поскольку Настя точно знала, что ее любимый очень смелый и лучший, то это могло быть только от напряжения, из-за того, что он сдерживал себя.

Тогда она сама подняла бедра, стянув с себя белье, хоть ей было не по себе оставаться совсем обнаженной. И Сашка, словно понимая ее, будто и правда читая мысли, стянул с себя шорты вместе с бельем. Вроде как уравнивая их шансы. Хотя, ох, ей от этого не стало спокойней. Наоборот.

Настя, вообще, была в курсе анатомии парней. И представляла себе, чего у них и как, но вот наглядно — оно как-то не вязалось со знанием. И куда это там можно засунуть... в нее

— она немного растерялась. Но отступить не собиралась.

— Стася, ты как? — снова спросил Сашка, от которого не укрылись ее опасения.

Но она кивнула, нервно рассмеявшись, и прижалась к нему всем телом, потянувшись губами к уху любимого:

— «Трус не играет в хоккей», — попыталась Настя перевести свой страх в шутку, чем заставила Сашу рассмеяться.

Он обхватил ее, приподняв. Встал сам, уложил Настю на диван и лег рядом с нею, но так, что почти полностью накрыл ее обнаженное тело своим, таким горячим. И тоже очень голым.

— Ты у меня точно не трус. Ты самая храбрая, из тех, кого я знаю, — прошептал Саша, целуя ее щеку, шею, ухо.

Настя улыбнулась — это было очень щекотно. И безумно приятно. Даже пальцы на ногах сжимались от этой сладкой ласки.

— Для девчонки, конечно, — со смешком добавил Саша и накрыл ее рот своим до того, как Настя успела возмутиться.

И лег совсем сверху. А дальше ей стало не до мыслей или страхов, или шуток. Настя все превратилась в ощущения. Было и неприятно, и больно. И жарко, и влажно. И еще — классно. Здорово так, что никакими словами не описать и не рассказать. И не потому, что она прям что-то эдакое испытала — просто ощущение Саши на ней, в ней; его рук, его поцелуев; звук его срывающегося дыхания и жар кожи, трущейся друг о друга — все это породило в ней смесь таких чувств, эмоций, что кричать хотелось. Но она прикусывала язык, боясь, что соседи услышат. Правда, стоны сдержать не могла. Потому что каждое движение, каждый толчок Саши в ее тело — отдавался такой смесью боли, жара, непривычного, почти нереального удовольствия, что молчать не получалось. И Сашка стонал. И целовал ее. И шептал, как любит ее, и какая она классная.

И плевать, что было немного больно. Это того стоило. Настя и сильнее боль готова была потерпеть. Потому что нереально обалденно чувствовала себя.

И хоть это все продолжалась не особо долго. И можно было даже подольше, потому что Насте показалось, что она только-только начала улавливать в себе какие-то новые изменения и ощущения — все равно, ни на секунду не пожалела ни о чем.

Наоборот, поняла, что просто обожает Сашу, который сейчас, тяжелый- тяжелый, лежал на ней, придавив всем своим весом. Их дыхание затихало синхронно, слаженно, хоть они и не добивались этого. И каждому отдавалось в груди эхом биение сердца другого.

— Обещаю, в следующий раз и тебе будет классно-классно, — сильным голосом, которого Настя ни разу не слышала от него, вдруг пообещал Сашка. Будто поклялся. И нежно поцеловал ее обкусанные губы.

— Мне классно, — ответила она, вдруг поняв, что и у самой голос сипит. Протянула руки и зарылась пальцами в волосы на его затылке.

— Значит, сделаю еще класснее, — не сдался Саша с улыбкой.

Приподнялся на руках и обнял ладонями ее щеки, глядя на Настю с такой любовью, такой нежностью.

Она улыбнулась в ответ. Счастливая-счастливая.

И не осталось ни неловкости, ни неуверенности, ни стеснения. Только это парящее ощущение тепла и нереальной радости, в котором им обоим было безумно комфортно и хорошо.

ГЛАВА 10

Наташа смотрела на своего сына, слушала Шурика, который только что сообщил им, что собирает расписаться с Настей, и ощущала, как внутри появляется ужас. Настоящий страх о будущем сына.

Как же до этого дошло? Как?

Но она молчала. Молчала и слушала, как ее муж говорил с ее же сыном:

— Саш, я выслушал, и услышал твое мнение. Попробуй и ты сделать это для меня. Уверен ли ты? Тебе только восемнадцать. Насте, — Дима поджал губы. — И того меньше. А ты не хуже меня знаешь, чем чаще всего заканчиваются настолько ранние отношения у спортсменов. В лучшем случае — разругаетесь в пух и прах, потому что никакая девушка не выдержит твоего графика, когда ты дома будешь появляться хорошо, если два раза в неделю. А так и будет, если руководство команды подпишет с тобой настоящий контракт.

И мы вроде бы к этому и стремились?

Дима внимательно глянул на Шурку. Тот слушал отчима, Наташа это видела, но и не слышал, будто. Что она, сына своего не знала?

Знала. В том и проблема. Потому и боялась так все это время.

И вот оно — подтверждение, что не ошиблась, не зря опасалась.

А Дима тем временем продолжал «увещевать» Шурку:

— А о Насте ты подумал? Ты же сам понимаешь — тебе надо будет отдавать команде и игре все силы. Все. Конкуренция... не мне тебе говорить. А ей шестнадцать, чужая страна, чужой город, и практически никого знакомого. И тебя почти все время не будет? Думаешь, ей это легко дастся? Как она это перенесет? Выдержат ли ваши отношения и чувства такое испытание? Любой девушке хочется внимания, частого общения с любимым человеком, общих интересов и дел. А так... Если бы вам было хоть по двадцать.

Ладно, если бы она была хоть немного старше. — Дима упер подбородок в ладони. — Я не уверен, что это хорошо закончится, Саш. И не потому, что в вас с Настей сомневаюсь. Просто опыт и жизнь, статистика — не очень обнадеживают. В таких ситуациях часто начинаются ссоры и обиды, вроде бы глупые и мелочные, но постепенно перерастающие в большие конфликты и обиды. И разрушаются, теряются те чувства, которые стоило бы сохранить. Даже у взрослых и состоявшихся людей. Может, не будем так торопиться, а? Тем более после пары месяцев всего. Давайте, сейчас разъедетесь, побудете хоть недельку порознь, вы же с Настей не расстаетесь с дня нашего приезда больше, чем часов на десять. Остынете немного, подумаете. Никто же вам не запретит общаться — я сам помогу тебе, если что приезжать сюда, или ей к нам. Все равно когда ты на сборах — ей тут лучше, с друзьями, с той же Анной Трофимовной...

Наташа посмотрела на сына, наверное, все же надеясь, что он послушает отчима, которого очень уважал и чье мнение всегда ценил. Однако сейчас Шурик только уверенно улыбался, пусть и не перебивал Диму. И Наташа видела по его глазам, что сын остался при своем мнении.

— Мы справимся. Я серьезно говорю. Мам, ну ты же меня понимаешь?

Шурка посмотрел на нее и подскочил с дивана с такой энергией и энтузиазмом, словно просто не мог усидеть на месте. Но это не выглядело нервно или неуверенно. Казалось, что из ее сына просто плещет энергия, бурлящая, веселая. И он хочет ею со всем миром поделиться, потому что в себе не в силах удержать.

Наташа понимала, потому что знала это чувство. Эйфоричное, сбивающее с ног счастье,

такое большое, такое необъятное, что погружаешься в него с головой, тонешь, захлебываешься, и менять ничего не хочешь, потому что никогда себя таким счастливым не чувствовал. Таким всемогущим и непобедимым. Способным на все. Хоть страну пешком перейти.

Наташа слишком хорошо знала это ощущение потому, что сама когда-то испытывала его. Когда встретила и влюбилась в отца Шурки. Ничего не видела, кроме него. Ничего не замечала. И замечаний подруг, намеков на то, что ее любимый равнодушен к выпивке, что слишком уж «широк душой» и погулять любит — не слушала. Не желала слышать просто.

И чем это закончилось? Где теперь то счастье? Сколько боли, обид, страха за ребенка, на которого муж поднимал руку, горечи и ревности принесло ей то эйфоричное и всепоглощающее ощущение первой влюбленности?

Ее чувство к Диме было иным, более спокойным, не менее сильным, не менее глубоким, но не таким бешеным, не таким порывистым.

Взвешенными чувствами двух взрослых людей, которые видели жизнь и понимают о ней много. Которые действительно стремятся понять друг друга и подстроиться. И даже то, что судьба не подарила им общего ребенка, они выдержали стойко, хоть обоим хотелось. Но у Димы обнаружились проблемы со здоровьем. И хоть они лечились, врачи не давали обнадеживающих перспектив. Но и с этим они примирились и справились. Да и Шурку Дима любил, как родного сына, и давал ему столько внимания, терпения и поддержки, что Наташа нарадоваться не могла.

Сколько подростков способны на такое терпение?

Нет, ей нравилась Настя, она была хорошей девочкой. Но судьба и будущее сына волновали Наташу сильнее.

Шурка продолжал говорить о том, что все продумал, рассказывал о своих планах, о том, что расписаться с Настей хочет. Без всякой там пышности. И она так же хочет. И они друг друга с полуслова понимают. И, вообще, они выдержат, потому что и сами об этом думали, что трудно и сложно будет. Но главное ведь то, что они друг друга любят. А значит справятся.

Наташа подавила горькую усмешку — не всегда любви бывает достаточно.

Она это уже знала. И, видит Бог, как же она не хотела, чтобы сын на себе повторял, прочувствовал все то, что довелось пережить ей, чтобы осознать эту истину.

— Александр, давай так, — Дима поднялся следом за пасынком. — Пойди, пройдишь, подумай еще раз. С Настей поговори. И потом мы еще раз все обсудим.

— Хорошо, — беспечно кивнул Шурка, явно и не собираясь менять свое мнение. — На тренировке встретимся.

Он махнул им на прощание и ушел. Наташа даже не сомневалась, что пошел сын к Насте.

— Что ты думаешь? — впервые за последние полчаса спросила она, повернувшись к мужу.

— А что тут думать, Наташ? — Дима сел около нее и нежно обнял. Она опустила голову ему на плечо. — Это не особо хорошая идея. И для них обоих прежде всего. Знаешь, Настя же не уверенная в себе девушка лет двадцати пяти, которой будет достаточно пары свиданий в неделю, а то и реже. И которая при этом будет понимать, что это не в ней проблема, а просто расписание такое, график. Да и видела ты ее — она же на Сашку, как на божество смотрит. Выдержит ли она? Поймет? Не знаю. Когда вокруг никого нет, а его она чаще в

трансляциях чемпионата видеть будет, чем в живую. Чаще всего такие отношения заканчиваются постоянными ссорами и скандалами, упреками. Как я Сашке и говорил. Да и сам Сашка... Ну, насколько он понимает, что жена — это не отчим и не мать, которым махнул, вон, как сейчас, и пошел. Уехал на месяц на сборы, или пришел ночью с тренировки никакущий, а они все понимают и слова не скажут. Понимает ли он, что такое семья? Тем более, если собирается вырвать Настю из родного города, страны? Не знаю, Наташа, — снова повторил Дима, прижавшись губами к ее лбу. — Но не могу ему просто запретить и сказать, что это блажь и дурь. Я помню, как он, четырнадцатилетним пацаном плакал на льду, когда ее забрали. Я помню это. И... Просто не могу.

Дима вздохнул и замолчал.

Молчала и Наташа.

Она тоже помнила, как было больно ее сыну тогда. Но сейчас, много повидав в жизни, она подумала о том, что иногда лучше перетерпеть несколько дней боли, чем загубить всю жизнь. Дело молодое, переживут, пройдет, забудется. Сколько у Сашки еще влюбленностей будет? У них и сейчас вокруг парней из команды девчонок полно крутится, а дальше что будет? А ему только восемнадцать.

Наташа не хотела делать своего сына несчастным. Просто знала, что иногда в юности ты не видишь и не понимаешь того, что со стороны и с высоты возраста — очевидно. И потому поняла, что ей придется как-то это решить. Может быть, поговорить с Настей.

Настя никогда не думала, что счастья может быть столько, что его не вместить. Не объять, не впитать в себя. И даже стыдно немного было, что она настолько счастлива, и спрятать ото всех все еще хотелось — так и не привыкла она показывать и хвастать своей радостью. И хоть Сашка посмеивался над ней из-за этого, хоть пытался ее убедить, что зря она так стесняется — ничего не могла Настя с собой поделаться. И в присутствии матери Саши все время тушевалась, пусть и знала ее столько лет, а все равно, как-то неловко себя ощущала, несмотря на то, что тетя Наташа всегда была приветливой и радушной с ней. А все из-за этого счастья.

И, наверное, потому Настя удивленно и смущенно смотрела сейчас на мать любимого, пришедшего к ней в гости совершенно неожиданно.

Бабушки Ани дома не было, а Саша ушел вместе с Димой на какую-то встречу с нотариусом, насчет квартиры, ведь и он являлся ее совладельцем по закону. А значит, и его согласие было необходимо в сделке, с вероятными покупателями квартиры, которые вроде бы нашлись.

Видимо, тетя Наташа заметила ее растерянность:

— Настя, я специально сейчас пришла, — как-то слабо улыбнувшись, тетя Наташа прошла в кухню и села на табурет. — Мне очень хочется поговорить с тобой, чтобы никто не вмешивался.

Настя кивнула, пусть и не очень понимала, что мать Саши имеет в виду. Но, будто подсознательно, испугалась, почему-то не ожидая ничего хорошего от этого разговора.

Тете Наташе, кажется, было довольно и этого кивка.

— Я думаю, ты знаешь о планах, которые строит Шура на ваше будущее?

Настя опять кивнула. Еще менее уверенно.

Тетя Наташа улыбнулась чуть шире. Но эта ее улыбка, она была какой-то совсем невеселой:

— Вот об этом я и хочу с тобой поговорить, Настя. Ты очень хорошая девочка и всегда

была нам близка. Но я хотела бы знать, то ты думаешь по поводу этих планов?

Настя не знала, что ответить матери Саши. И почему-то молчала. И хотела, вроде бы что-то сказать, а рот не могла открыть. Было в голосе тети Наташи что-то такое, что морозом прошло у Насти по позвоночнику. И от этого она снова стала ощущать себя какой-то... ну, не второсортной, но словно не очень отвечающей уровню окружающих. Опять вспомнила, что она никому не нужная и «потерянная» сирота из приюта, хотя тетя Наташа ничего такого и не говорила.

Сама же тетя Наташа, видя, что Настя молчит, вздохнула:

— Настенька, я понимаю, что вы с Шуркой влюблены. И все прекрасно, и мир видится вам чудесным. Но мне хотелось бы, чтобы вы подумали и о реальности. Ты ведь знаешь, как Шура любит хоккей, как он старался и стремился достичь своей мечты? Сколько сил прилагал?

Настя все еще молчала, не зная, стоит ли что-то вставлять, а тетя Наташа, будто бы и не замечая этого, продолжала говорить:

— И дело в том, Настя, что нам всем кажется — он может это все потерять. Не знаю, задумывались ли вы о будущем? Сейчас, разумеется, все замечательно. Но что будет, когда он вернется в команду? Начнутся тренировки по два-три раза на день? Или сборы. А съемная квартира? И незнакомый город. И быт — это ведь тебе надо будет обо всем думать, Шурка вряд ли озаботится тем, что на обед приготовить или где это купить. А тебе шестнадцать, и о своем будущем стоило бы поразмыслить, определиться: кем стать хочешь, куда пойти учиться? Конечно, я согласна, что в Петербурге возможностей больше, только до учебы ли тебе будет со всеми этими заботами? А Шура... Ему о хоккее надо будет думать, а не о доме. Или о тебе. Ему некогда будет помогать тебе, заботиться или поддержать в адаптации к новой стране и городу.

Мать Саши вздохнула:

— Ты не подумай, — тетя Наташа посмотрела на нее печально и даже с грустью. — Это не потому, что мой сын плохой. Просто он не привык к такому, и наверняка не задумывался об этом всем. Он привык жить хоккеем. Ты же знаешь, — снова «напомнила» она. — Для него это все. И есть почему — ведь у Шурки талант. А сейчас перед ним открылись такие возможности. Такой момент — есть серьезный шанс на полноценный контракт, который послужит залогом серьезного, прочного будущего в хоккее. Шурке надо будет не то, что на сто, на все двести процентов выкладываться каждый день. Всего себя отдавать игре...

С каждым словом тети Наташи у Насти что-то сжималось внутри. Все сильнее, все туже. Так что вздохнуть не получалось уже. И грудь давило. И холодно стало настолько, что по коже мороз пошел, хотя на улице все та же жара стояла, как и все последние недели. А мыслей, как ни странно, никаких не было.

В голове буквально звенело, словно там пустота, самая настоящая пустота, в которой растворились слова матери Саши.

И только странное ощущение все уверенней заполняло грудь: что да, наверное, так и есть, и не может быть иначе. И все правильно — ведь все время ощущала — в ее жизни такого не может быть по-настоящему.

А тетя Наташа продолжала говорить. Все рассказывала, что ни к чему хорошему не приводят настолько ранние браки у спортсменов. Или карьера страдает, или сами отношения разрываются. А даже если семью удастся сохранить ценой потери будущего — отношения потом все равно обречены, потому что никакой мужчина не простит и самой

любимой женщине крушение своей мечты и всех амбиций.

— Ты же знаешь, Настя, я всегда в первую очередь заботилась о Шурке. Даже в ущерб своим интересам и желаниям. Потому что люблю его. И это нормально — отказываться от чего-то ради дорогих и любимых людей. Это суть любви — жертвенность. Ты меня понимаешь, я знаю. Ведь и ты всегда заботилась о нем. Я помню. С самого начала, как вы дружить начали. А как ты его перед тренерами защищала, когда он растерялся, а как помогала с тренировками, — тетя Наташа смотрела вдаль и даже улыбнулась, видимо, и правда, вспомнив прошлое.

Потом повернулась и посмотрела прямо ей в глаза:

— Да, в общем, я знаю, Настя, что ты любишь Шурку и тоже хочешь, чтобы он был счастлив, чтобы все его мечты исполнились. И что ты сама прекрасно понимаешь — у него должно быть пространство и свобода для этого. Чтобы Саша имел возможность все свои силы отдать, полноценно работать. А нам, женщинам, иногда приходится в такие моменты отойти. Дать любимому человеку такую свободу, хоть и в ущерб своим желаниям.

Мать Саши все еще смотрела на нее. Смотрела минуты две, наверное. Словно еще что-то хотела сказать. Но молчала, потому что мысль была очевидной и не нуждалась в озвучивании. Потом поднялась и погладила Настю по плечу:

— Я пойду, наверное, Настя.

И она действительно ушла.

А Настя отчего-то так ничего и не сказала. Да и как она могла перебить или возразить тете Наташе? Или что сейчас, вдогонку, могла бы ответить?

Вместо того чтобы что-то говорить, Настя зачем-то и сама вышла в коридор, обула босоножки и закрыла за собой дверь квартиры. Она не знала куда идет, даже не вполне осознавала, что бредет по улице. В той пустоте, которая так и не покинула ее голову, все еще звучали только что услышанные слова тети Наташи. Они крутились то так, то эдак, меняя тональность и ударение. И постепенно мысли самой Насти словно впитывали их, принимали мнение тети Наташи.

Эта женщина восхищала ее все то время, что они были знакомы. Более того — служила практически идеалом матери. И мнение тети Наташи всегда являлось авторитетным для Насти. Ведь эта женщина не бросила своего ребенка в интернате. Не оставила его сиротой без роду и имени, как поступила безымянная родительница самой Насти. Нет, тетя Наташа всегда думала о своем сыне, заботилась о Саше, даже когда ради этого ей пришлось уйти от любимого мужа, потому как тот считал сына неполноценным и бил. Кто лучше нее мог знать, что необходимо ее ребенку?

И что могла Настя сказать? Что имела право возразить? Она не знала.

Так же, как и не знала, имеет ли право она, сирота, претендовать на место в жизни Саши, мешая ему реализовывать свои мечты.

Валерий был удивлен. Он совершенно не ожидал увидеть здесь Настю. Сегодня никто из них не должен был приходить. Дмитрий еще вчера предупредил, что они будут заняты какими-то документами, и потому не хватит времени для тренировки.

Впрочем, раньше Насте ничего не мешало приходить на каток просто так, а не только с Верещагиным. Может и сейчас она так же забежала? В гости.

Валерию нравилась эта девчонка. Она всегда была полна оптимизма и жизнерадостна. Казалось бы, кому, как не ей простительно было бы плохое настроение и грусть? Но он ни

разу не слышал, чтобы Настя на что-то жаловалась. А как она умела смеяться! Как улыбалась — будто солнце заглядывало в коридоры дворца спорта.

Ни один из его воспитанников в секции, обеспеченных, имеющих родителей, нормальную жизнь — не умели так радоваться своим и чужим удачам, мелким победам и просто, каждому новому дню. Иногда он искренне жалел, что не может ее тренировать — Настя так «болела» хоккеем, так любила лед, что наверняка играла бы не хуже его парней в секции.

Наверное, именно из-за ее оптимизма, из-за этой «солнечности», из-за этой любви ко льду, Валерий и не мог отказать девочке — пускал на каток. Еще и коньки давал, когда бы она ни пришла. Показывал удары, если Настя спрашивала что-то после тренировок, на которые часто прибегала посмотреть после школы. Или сам с удовольствием смотрел, как девочка катается. И ведь как был против поначалу, когда его учитель, Эдуард Альфредович, оставляя ему секцию, просил не обижать Настю. Как не понимал, что эта девчонка здесь делает? Сколько ее на фигурное катание отправлял!

Но Настя сумела и к нему подход найти: этим своим оптимизмом, упорством. Тем, как улыбалась и все равно продолжала приходить, несмотря на все его недовольство и ворчание. И он сдался. Причем, сам не заметил, как начал отвечать на ее любопытные вопросы, как улыбался в ответ на ее звонкое: «здравствуйте, Валерий Федорович!» или жизнерадостное «добрый вечер, тренер!». Ну как можно такому человечку отказать, когда рядом с ней обо всех своих проблемах забываешь? И, действительно, на что можно жаловаться или о чем переживать, если ребенок в таких условиях продолжает жизни радоваться?

Вот так, и сам не заметив когда и как, Валерий перенял у Эдуарда Альфредовича не только секцию, но и эту «подопечную». Наверное потому, когда появился Верещагин, Валерий и радовался, и волновался одновременно. С одной стороны — одно удовольствие было смотреть на счастливую мордашку этой егозы, на ее искрящиеся глаза, полные первой влюбленности. А с другой...

Эх, что, Валера сам пацаном не был? Молодым спортсменом, подающим огромные надежды? Разве он не помнил, сколько девчонок вокруг все время вертится, и как быстро они забываются, стоит появиться новому перспективному контракту, или едва тренер намекнет, что если ты приложишь больше усилий — тебя заметят и точно позовут в ту самую вожделенную команду?

Он все это помнил, и немного опасался, что Верещагин обидит Настю. Сомневался в том, насколько серьезно парень относится к этим отношениям, которые для Насти со всей очевидностью, заслонили все на свете. Ведь Верещагин приехал сюда на пару месяцев. Что он думает? Не играет ли с Настей?

Но парень, вроде бы, пока серьезно относился к подруге, и Валерий даже немного расслабился. И вот Настя сидит у самого льда, одна, вечером, и плачет. Точно плачет, Валерий был уверен, что не ошибается.

Удивление сменилось грустью и огромным сочувствием, состраданием к этой девчонке. Он не сомневался, что знает, в чем причина этих слез.

— Эй, егоза, — подойдя впритык, Валерий присел на скамейку и окликнул Настю.

Она повернулась и моргнула, похоже, не очень понимая, что к чему.

Валерий даже заволновался — он ее в таком состоянии никогда не видел.

— Настя, девочка, ты что? — обхватив ее плечи рукой, он не позволил Насте отвернуться. — Что случилось? Верещагин, да? Из-за него? Бросил?

От его вопросов Настя разрыдалась еще сильнее. У Валерия сердце похолодело от вероятной причины такого горя. Господи, девочке же только шестнадцать!

— Ты беременна? — немного смущаясь, все-таки спросил он, решив, что хоть чем-то помочь сможет, лишь разбираясь в ситуации.

А заодно решил, что так начистит Верещагину шею, что пацан на всю жизнь запомнит.

— Нет, — Настя отчаянно замотала головой и шмыгнула носом. — Не беременна.

Валерий немного расслабился — уже легче.

— Тогда не плачь. Никто не стоит, чтобы такой светлый человечек плакал, — притянув ее к себе ближе, он неловко погладил Настю по голове.

У Валерия детей никогда не было, и хоть он все время общался с детворой на тренировках, как успокаивать девочек — не особо представлял. Но все-таки старался, как мог.

Но Настя, вместо того, чтобы хоть немного расслабиться, плакала все так же горько.

— Егоза, ну ты что? Бросил он тебя? Ну и сам идиот. А нам придурки не нужны...

Вот тут Настя немного улыбнулась, пусть все еще плача:

— Нет, Валерий Федорович, он меня не бросил. Он хороший, правда.

— Ага, — Валера совсем растерялся, уже ничего не понимая. — Тогда о чем мы так страдаем?

Настя всхлипнула, опустила глаза:

— Валерий Федорович, — очень тихо прошептала она. Прерывисто вздохнула и попыталась успокоиться.

Он не стал ей говорить, что вышло не очень удачно. — А это правда, что ранние отношения у спортсменов редко заканчиваются хорошо?

Валера растерялся совсем.

Брак не был его коньком. Он в принципе в этом слабо разбирался, действуя по наитию. А уж после того, как его собственная жена ушла, когда стало ясно — травма поставила крест на блестящей карьере, и подавно не считал себя специалистом в семейных вопросах.

И все-таки, вздохнув, Валерий попытался максимально честно ответить Насте, исходя из всего, что знал о спорте. А в этом он разбирался.

— Как тебе сказать, егоза. Тут от людей зависит. От ситуации. От их желания. Но, конечно, чаще всего, не хватает терпения, понимания, простой... — Он задумался. — Как бы тебе сказать? Не жалости. Нет. Хм.

Не знаю. Сострадания, что ли. Понимания. Не ценит молодежь часто, не понимает, что главное. Не тем дорожит. От того, действительно, или отношения разрываются с взаимными обвинениями. Или карьера идет на спад с теми же последствиями для отношений. Хотя, егоза, и обратные примеры есть. Пусть меньше, но стараются люди, находят равновесие... А что? Это кто тебе сказал?

— Тетя Наташа, — Настя вздохнула. — Мать Саши.

Валерий помолчал.

Он не мог сказать, что эта «тетя Наташа» соврала, но что-то ему подсказывало, что не по доброте душевной решила она Настю о статистике разводов среди спортсменов просветить. Потому, откашлявшись и продолжая гладить Настю по волосам, все еще надеясь ее утешить, поинтересовался:

— А что она еще сказала тебе?

ГЛАВА 11

Настя долго разговаривала с Валерием Федоровичем. Нет, не призналась до конца всем, что слышала от тети Наташи. Ну, то есть, о своих мыслях и домыслах, о чувстве вины, возникшей от слов тети Наташи. Что она из-за своего стремления быть счастливой, не терять того восторга, который испытывала находясь рядом с Сашей, того блаженства, что переполняло ее, когда он целовал, обнимал, любил ее — поступает как последняя эгоистка. И лишает любимого возможности реализовать мечту, которой он жил задолго до их первой встречи.

Этого всего она не говорила тренеру. А спрашивала о том, как тренируются хоккеисты. Не в секции, не в кружке — это она знала сама. А по-настоящему, в реальных командах. Интересовалась нагрузками и графиком сборов. Хотя бы приблизительным. Чтобы больше понять.

Валерий Федорович отвечал не очень охотно. Но честно. Даже когда она о его браке спросила. Но при этом постоянно упоминал, что при желании со всем можно справиться, даже при самом загруженном графике. Валерий Федорович, похоже, был настоящим оптимистом. Потому как Настя не видела для себя оптимального выхода.

И потому не отмечала ничего странного в том, что эти оговорки тренера почему-то не проникали в душу. Видно слишком прочно там обосновались слова тети Наташи о том, что Настя будет только мешать Саше на пути к большому хоккею. И если честно, практически все, что она слушала из ответов тренера о ритме жизни игроков — подтверждало такое мнение.

— Вот это да, засиделись мы с тобой, егоза, — прервав ее мысли, вдруг проговорил Валерий Федорович, глянув на свои часы. — Смотри, время к восьми, тебя дома уже заждались, наверное. Давай-ка я тебя проведу домой. Ты поешь, выспишься, а утром поймешь, что со всем не так и сложно справиться.

Подмигнул ей тренер, поднимаясь со скамейки. И протянул руку, чтобы помочь подняться Насте.

Но она не приняла предложенную помощь, только посмотрела на Валерия Федоровича снизу вверх:

— А можно я здесь на ночь останусь, Валерий Федорович? — тихо попросила Настя. — Я не хочу домой.

Там Саша меня точно искал. И он сразу придет, как только я появлюсь. А... Мне еще подумать надо, понимаете? Понять, что и как. А если он рядом будет — я не смогу. У меня мысли разбегаются, когда он рядом, — честно призналась она, ощущая какую-то грусть. — Вы не бойтесь, я не намусорю, и не сломаю ничего. В раздевалке посплю...

Валерий Федорович казался ошарашенным такой ее просьбой.

— Настенька, ты что? Егоза, не выдумывай! Тут спать негде. И ты наверняка голодная! Да и бабушка твоя, ведь точно волнуется! Ты подумала об этом?

— Я позвоню ей от вахтера, Валерий Федорович, — Настя обхватила себя руками, испытывая какое-то горькое и безнадежное отчаяние. — А ужин, кровать... — она помолчала. Облизнула губы. — Вы не переживайте, тренер. Мне не привыкать. На самом деле, вы даже не представляете, как здесь хорошо и удобно, — невесело улыбнулась Настя,

вспомнив месяцы своего бродяжничества по стране. — Мне нормально будет. Только я не могу сейчас вернуться домой. Никак не могу, правда.

На самом деле, она испытывала такое отчаянное нежелание сейчас возвращаться, что даже если тренер не позволит остаться, знала — не пойдет домой. По улицам будет бродить, может, в каком-то подъезде спрячется, или в парке. Или на чердак в своей школе заберется. Там, на одной из запасных дверей замок давно поломался, и можно было при желании пробраться внутрь тайком от сторожа.

Валерий Федорович выглядел так, будто бы был крайне удивлен решением Насти. И даже начал было что-то говорить. Точно собирался рассказать, что она обязана идти домой. Настя вздохнула и поднялась. Нет, он ей тут не позволит остаться. Да и была она согласна, что бабушке Ане стоит позвонить, предупредить. Возможно, сказать, что она осталась на ночь у какой-то подруги. У бывшей одноклассницы. Пообещать потом все объяснить... Что угодно, лишь бы не возвращаться сегодня домой. Только бы не видеть любимого человека. Потому что тогда (Настя не сомневалась в этом), она не сможет все до конца обдумать. Не сумеет отстраненно посмотреть на ситуацию со стороны, а просто вцепится руками и ногами в Сашу. И ни за что не позволит ему отстраниться. А если это неправильно? Если этим она ему жизнь разрушит?

Нет, Настя должна была все обдумать.

— Спасибо, что поговорили со мной, Валерий Федорович. Что просидели тут столько, — она даже не заметила, что ссутулилась и втянула голову в плечи, вновь ощущая себя позабытой всеми девочкой из интерната. — Я понимаю, что тут нельзя. До свиданья.

Не глядя на тренера и не дожидаясь, пока он начнет опять ее убеждать идти домой, она повернулась и пошла по проходу между скамьями к выходу из зала.

— Настя! Стой! — Валерий Федорович резко окликнул ее, заставив Настю вздрогнуть. А потом, не ожидая, пока она обернется или остановится, а может, понимая, что она не сделает этого, в несколько шагов нагнал ее. — Ты ведь не пойдешь домой, да, егоза?

Он остановился так, что Настя никак не могла проскользнуть мимо. И, видя, что она уставилась себе на ноги, к тому же протянул руку и несильно сжал ее плечо, вынудив посмотреть на него. Тренер не выглядел довольным тем, что угадал ее решение. И он точно не одобрял намерение Насти брести «куда глаза глядят». Об этом явно свидетельствовали нахмуренные брови и неодобрительно сжатые губы Валерия Федоровича.

Она не испугалась. Хоть Насте и стало немного стыдно перед тренером. В конце концов, Валерий Федорович был очень хорошим и всегда старался помочь всем своим воспитанникам, в том числе и самой Насте. Но она все равно не могла прислушаться к его словам.

И он будто бы прочитал это все по лицу Насти. Тяжело вздохнув, Валерий Федорович опустошенно взъерошил ладонью свои волосы. И что-то беззвучно пробормотал сквозь сжатые зубы.

— Пошли, — отпустив ее плечо, он вместо этого крепко ухватил ладонь Насти. И сам пошел к выходу, потянув ее за собой.

Но Настя заупрямилась, стараясь освободиться:

— Нет, Валерий Федорович! Нет, не могу я домой, ну поймите!

— Да понял я, что ты готова скорее ночью по улице шляться, чем домой пойти! — неожиданно сердито огрызнулся тренер. Замолчал, видя ее отчаяние. И еще раз тяжело вздохнул. — Успокойся, егоза. Не буду я тебя силой тащить домой. Но и бродить никуда не

пушу. У меня переночуешь, — уже спокойней объяснил он. — И я сам поговорю с твоей бабушкой по телефону, чтобы она не волновалась.

От этого решения Настя растерялась. И смутилась. Но одновременно с этим испытала некоторое облегчение. Она очень нуждалась в передышке, в какой-то паузе. И в поддержке. Блуждание по ночным улицам тут слабо бы помогло, только добавило бы ей усталости и ощущения одиночества. А Валерий Федорович чуть ли не силой дал ей возможность все это получить.

Наверное, стоило бы отказаться, не отягощать тренера своими проблемами еще больше. Но у Насти не хватило для этого душевных сил. И тихо пробормотав «спасибо» она уже без принуждения пошла за ним.

Валерий Федорович жил в двухкомнатной квартире в старом, еще «сталинской постройки» доме, расположенном в двух остановках от дворца спорта. Обстановка там была куда лучше, чем у бабушки Ани, и Настя решила, что это следствие его недавно оборвавшейся спортивной карьеры.

— Проходи, — тренер подтолкнул ее, видя, что Настя замерла на пороге. — Сейчас посмотрим, что у меня на ужин сообразить есть. А ты пока звони бабушке, — распорядился он.

Прошел сам в коридор следом за Настей, быстро переобулся и пошел на кухню.

А Настя так и застыла у вешалки, испытывая какую-то тягучую и тяжелую, смущенную неловкость. Ей вдруг стало так стыдно, что она навязалась Валерию Федоровичу: у человека могли быть планы на вечер, или просто желание отдохнуть, расслабиться. А тут она со своими проблемами, нервами, причудами.

— Настя? — Тренер вновь появился в коридоре и внимательно посмотрел на нее, приподняв брови. — Ты звонишь? — он выразительно глянул на телефон, стоящий на полке в коридоре.

— Да, звоню, — опасаясь еще больше навязываться и мешать Валерию Федоровичу, Настя подошла к телефону и набрала домашний номер.

Как ни странно, но бабушка Аня нормально восприняла известие о том, что Настя сегодня не вернется домой. Конечно, было слышно, что она волнуется и переживает о воспитаннице. Но убедившись, что та у Валерия Федоровича, почувствовала себя спокойней за судьбу приемной внучки. Бабушка Аня была лично знакома тренером, поскольку несколько раз приходила в секцию с Настей. Да и неплохо знала Эдуарда Альфредовича, поддерживая с ним связь и сейчас, пусть больше по телефону, так как обоим было уже тяжеловато ходить по гостям. А тот всегда хорошо отзывался о своем приемнике и считал его хорошим и честным человеком.

К тому же, как поняла Настя из оговорок, бабушка Аня сделала свои выводы о причинах такого поведения внучки. Очень схожие с выводами Валерия Федоровича вначале сегодняшнего вечера. Она решила, что они с Сашей поссорились и теперь Настя пытается подумать.

Второй вывод был не так и далек от истины. А о первом Настя уже не могла спорить. Тем более после того, как бабушка рассказала, что Саша уже раз пять приходил, волнуясь и переживая, куда она подевалась? Уже обошел все обычные места, где можно было бы ее обнаружить. А сейчас — сидит на лавочке перед подъездом, чтобы не пропустить возвращения Насти.

— Ты бы хоть позвонила, поговорила и с ним. Чтобы парень не торчал всю ночь на

улице. Чтобы там у вас нестряслось, — со вздохом заметила бабушка. — Хочешь, я его позову?

— Не надо! — Охваченная жгучим чувством стыда и боли из-за того, что доставила столько проблем любимому, она все же не ощущала себя в силах разговаривать с ним. — Я позвоню. Поговорю. Только чуть позже. Пожалуйста, — чуть ли не умоляя, прошептала она в трубку.

Бабушка вздохнула:

— Хорошо, Настасья. Ты уже не маленькая, и надеюсь, знаешь, что делаешь, — заметила она.

Настя не была в этом уверена. Но...

— Не говори ему, где я. Пожалуйста. Это... Это важно, — попросила Настя.

Та пообещала.

Попрощавшись с бабушкой, она зашла на кухню и предложила свою помощь Валерию Федоровичу в приготовлении ужина, чтобы хоть как-то компенсировать все причиненные неудобства. Трапеза вышла нехитрой: вареная гречка, которую тренер решил «обогастить» добавкой жареных яиц, да овощами. А Настя, хоть и еще очень стесняясь, вдруг поняла, что очень, очень проголодалась, ведь с самого утра ничего не ела.

Они поужинали в неловкой и тягучей тишине. Настя первая подхватила мыть посуду, чтобы занять руки и оправдать свое пребывание здесь. Валерий Федорович попытался ее успокоить, кажется, поняв причины, по которым Настя все время дергалась. Но и сам, наверное, чувствуя себя не очень удобно, с очередным вздохом сдался и, сказав, что найдет ей подушку и одеяло, пошел в комнату.

С парой тарелок оказалось не так и сложно справиться. Быстро покончив с этим, Настя села на табурет, поглощенная все теми же непростыми мыслями, которые владели ею весь этот день. Подперла ладонями подбородок, перевела глаза на окно. И тут подскочила, будто ужаленная. Саша же там, на улице, где-то у них под домом, сидит и ждет ее. Нервничает.

Господи, сколько же она проблем и волнений ему причинила сегодня! А сможет ли объяснить, в чем дело?

Настя не знала. У нее не было секретов от Саши, ни раньше, и теперь. До этого момента.

Стоило ли рассказывать любимому о визите его матери? Имела ли она право войти его жизнь со всеми теми последствиями, о которых говорила тетя Наташа?

Терзаемая этими мыслями, но и не в состоянии дальше мучить любимого, она вновь пошла в коридор и робко взялась за телефон.

Пока бабушка Аня звала Сашу, Насте казалось, что она умрет от страха, волнения и сомнений, таких непривычных и несвойственных их отношениям. У нее ослабели ноги и начало подводить живот. И Настя села на пол, не сумев поднять глаза на Валерия Федоровича, который выглянул в коридор, проверяя, все ли у нее в порядке.

— Стася! — Голос Саши, такой родной и любимый, был полон неподдельной тревоги и волнения. А еще усталости. — Стасечка, солнышко мое, ты где? Куда подевалась? Что случилось? Я тебя целый день ищу. Что с тобой?

— Саша... — Настя почувствовала, что вот-вот разрыдается, и ей пришлось замолчать, чтобы совладать с собой.

Она так его любила. И чувствовала себя такой виноватой перед ним. И перед его родителями. Перед всеми людьми, которым она причиняла столько хлопот и которые

меняли свои жизни из-за ее поступков.

— У меня все нормально, Саша, — хрипло проговорила Настя. — Я... Я у друга. Не беспокойся. — Отчего-то она не решилась сказать, что сидит у тренера. Побоялась, что Саша решит приехать сюда. — Иди домой. Не сиди на улице...

— У друга? — удивленно переспросил Саша. — У кого? Настя, что случилось? Я не понимаю, почему ты пропала? Я тут с ума схожу, ищу тебя...

И она вдруг четко поняла — тетя Наташа права. Настя будет мешать и отвлекать любимого. Она не даст ему нормально тренироваться, принесет в его жизнь кучу проблем и лишних хлопот. Как сейчас. А Саше о хоккее надо думать. О достижении своей мечты.

Настя так любит его, что даже больно внутри. Но у Саши талант. Он достоин лучшего. А Настя... она должна отойти и не мешать ему.

— Саша, я не могу поехать с тобой, — вдруг выдохнула Настя в трубку, чувствуя, как начинает плотать слезы. И нос заложило. — Я не поеду с тобой в Питер. И не могу принять твое предложение.

С той стороны трубки повисло пораженное молчание. А потом Сашка аж закричал:

— Стася?! Ты что?! Как это — не можешь? Ты о чем?! Что случилось?!

— Ничего, — так же тихо и как-то обреченно спокойно ответила она. — Ничего.

— Ты где?! — вдруг совсем другим тоном, требовательным и настороженным, опять спросил он. — У какого друга?

— Не важно, Саша. Прости меня. Я просто... Просто. Так лучше. Правда.

— Стася! — Голос Саши вдруг дрогнул. — Я люблю тебя.

И она его любила. Безумно. С невероятной силой.

В ее груди сжалось сердце, разрываемое болью. Слезы побежали по щекам. Но Настя не прошептала признания в ответ.

— Прости, — вместо этого прошептала она и положила трубку.

И вот тут из нее просто вырвались придушенные рыдания. Некрасивые. Похожие на вой. Слезы застилали глаза, бежали по щекам, щипая губы. Но ей было так больно, душевно, не физически, что Настя не могла остановиться, не могла утереть их.

— Это было очень глупо. И жестоко. Я не думал, что ты можешь так поступить, Настя.

Валерий Федорович сел перед ней на корточки, но Настя не видела выражения лица тренера. Она ничего не видела за пеленой слез. И сказать, объяснить ему ничего не могла.

— Я сейчас позвоню Саше, поговорю с ним. Расскажу, что с тобой говорила его мать. Объясню. И все вместе решите, — решительно и сурово проговорил тренер.

— Нет! — Настя попыталась приглушить рев. — Нет! Вы же сами говорили, что это сложно. И ваша семья — тоже ведь распалась...

— Но по другой причине, Настенька, — словно причислив ее к невменяемым, Валерий Федорович смягчил тон.

— Не важно! Он может стать настоящей звездой. Лучшим игроком! А я буду только мешать! Не звоните, не говорите! Если Саша узнает о разговоре, он не послушает, потащит меня за собой. Не поймет. А потом — ему от этого хуже будет...

— Настенька, вы должны поговорить, — продолжал убеждать ее тренер. — Нормально, без этих глупостей...

— Нет! — почти закричала она и вдруг вскочила на ноги. — Я не могу. И остаться не могу, Валерий Федорович, простите.

Настя бросилась к двери.

— Я не могу его так отягощать, не могу висеть на шее у Саши. И у вас. И домой сейчас вернуться не могу. Он тогда не отпустит. Не уедет...

Она лихорадочно дергала дверь, но из-за рыданий не могла с ней справиться.

У Насти была истерика. Для Валерия это стало очевидно. И она определенно не слышала и не осознавала, как глупо и неразумно поступает. Он не мог до нее достучаться. Она была ослеплена и оглушена непонятным для тренера чувством вины и самоуничижением.

Но больше всего он испугался, что Настя сейчас и правда убежит, и будет бродить по ночным улицам одна в таком состоянии.

Валерий Федорович подскочил к ней и крепко обхватил Настю, прижав к себе так, что она не могла двинуться.

— Стой. Тихо, Настенька, тихо, — осторожно проговорил тренер, стараясь достучаться до сознания девушки. — Тсс. Я не буду. Не буду звонить. Тебе не надо уходить.

Звонить Саше теперь и правда не казалось хорошей идеей. Он опасался, что она действительно убежит. У него волосы становились дыбом при мысли, что с ней может в таком случае произойти.

Настя замерла. Но как ему показалось, больше от бессилия, чем услышав его аргументы.

— Я не могу. Не могу остаться, Валерий Федорович, — замотав головой. — Я вам столько проблем доставляю. Всем... И домой мне нельзя. — Она закусил губу, смотря на него совсем безрассудно. — Вы не волнуйтесь, я не пропаду. Они скоро уезжать должны. Я пока в школе, на чердаке посижу. Несколько дней. Или в парке погуляю... Вы не бойтесь, Валерий Федорович, — словно успокаивая его, вдруг странно спокойно произнесла Настя. — Я не пропаду. Мне не привыкать...

Не бойтесь...

Да у него в голове зашумело от страха за эту девчонку. Господи! Что же она говорит такое? Что же у нее было в жизни, если она на такое готова? И зачем?

— Настенька, успокойся, — не ослабляя своей хватки, он начал осторожно отступать от двери, увлекая Настю за собой. — Все нормально. Ты мне не мешаешь. Наоборот, так бы я один сидел, никому не нужный. А так, в компании, с тобой, — вымученно усмехнулся он, придумывая не менее бредовые аргументы, чем ее слова. — Не надо тебе никуда уходить. Ни в какую школу. Зачем чердак? У меня вон, диван свободный, и целых две комнаты. Посиди со мной.

Настя молчала. Судорожно дышала и всхлипывала. Но перестала вырываться.

Вот так потихоньку он довел ее до дивана.

— Все нормально, Настя, все хорошо, — просто не зная, что еще сказать, слушая, как она плачет, Валерий сел, и усадил Настю рядом с собой, продолжая держать. — Поживешь у меня несколько дней.

Ему все еще казалось очень глупым то, что Настя натворила. Но опасения за состояние девушки перевешивали в данный момент это беспокойство. В конце концов, Настю он знал давно и хорошо, и ее интересы, ее здоровье было для него приоритетней спокойствия Верещагина. Хоть Валерий и решил, что позвонит ему ночью, когда Настя уснет.

Но у него не вышло. Настя не уснула. Она сидела всю ночь, вроде бы и слушая Валерия, но с таким загнанным выражением в глазах, словно все еще готовилась убежать в любую

секунду.

И он не решился нарушить эту хрупкую ситуацию.

Но действительно оставил Настю у себя, позвонив ее бабушке.

Правда, зная, что у той пошаливает сердце, просто оговорил, что Настя не готова пока общаться с Сашей. А вот Верещагина ему выловить не удалось, хоть Валерий и старался. Он даже приходил к нему, но парня дома не оказалось, а передать что-то через настороженную Наталью не решился. После того, до чего она довела Настю, Валерий не испытывал к этой женщине ни доверия, ни уважения. Он с удовольствием поговорил бы с Дмитрием. Но и того не удалось застать дома.

А через три дня Валерий узнал, что они были заняты продажей квартиры. И покончив с этим — уехали. Ему позвонила бабушка Насти, поскольку девушка все еще не собиралась возвращаться домой, а он боялся выпускать ее из квартиры. И даже запирали, когда уходил сам, чтобы Настя не убежала.

Валерию было неловко. Он совсем не был уверен, что поступает верно. И очень хотел бы, чтобы с девушкой пообщался кто-то, кто понимал в этом больше его самого. Но пока не придумал, как это организовать.

А теперь, судя по всему, после отъезда Верещагина, необходимость в этом отпала.

ПРОЛОГ 3 — НАСТОЯЩЕЕ

Настоящее

Она все еще не приходила в себя. И хоть врачи, все время что-то измеряя и пялясь в свои дурацкие мониторы, пытались заверить их, что состояние Стаей стабилизируется, и можно уже осторожно надеяться на позитивное развитие ситуации — он не видел этому никакого подтверждения. Она лежала на кровати все так же неподвижно. Не было заметно никакой реакции на звуки или прикосновения. Ничего. Однако Верещагин умел отодвигать страх и неуверенность в тот угол сознания, где эти чувства не мешали сосредотачиваться на главном. Только вот признание матери, которая ушла полчаса назад, не давало ему полностью отрешиться от всего.

С каждой минутой, что он думал над ее словами, с каждой секундой, потраченной на осознание всего, что эта новость в себе несла — Саша все больше ужасался пониманию, насколько его представление обо всем на протяжении этих лет и сознание — было искажено.

Ведь, Господи! Даже тогда, несколько дней назад, когда он опять увидел ее... Елки-палки! Ведь ОН считал себя вправе думать, что может оставить все в прошлом. Не выяснять по своему великодушию. Простить ее...

Александру самому хотелось сейчас пару раз удариться головой об пол или стену. От стыда и чувства вины. От чувства унижения. Он же тогда так обиделся, когда Настя отказалась ехать с ним, отвергла его предложение. По телефону. Не пожелав встретиться. Саше казалось, что он имеет полное право злиться. Только еще и непонимание было. Он никак не мог разобраться, что же случилось с его родной и обожаемой Стасей? Где она? Почему не хочет встретиться? Почему прячется?

А тут еще вся та суматоха с появившимися покупателями и продажей. Документы, БТИ, волокита, нотариус. А матери плохо стало, язвенная болезнь обострилась, не могла она бегать по всем этим учреждениям и инстанциям. Вот и мотался он с Димой.

Мать...

Сейчас Саше подумалось, что может и не было никакого обострения? И она это все специально устроила, чтобы он Настю не искал? И говорила всякое: про их возраст, про порывы и желания. Про влюбчивость девчонок и то, как быстро могут меняться их привязанности. А все эти слова только усиливали его обиду и злость в тот момент. Его разочарование в любимой. Подрывали то доверие, что всегда между ними было. Заставляя его сомневаться в том, что чувствам и словам девушки в принципе можно доверять...

Его охватило чувство брезгливости и отвращения из-за всех этих воспоминаний. Из-за своей доверчивости. Ведь мать была самым родным, самым близким его человеком. Ей он всегда доверял безоговорочно и любил без вопросов и сомнений. А она, выходит, именно этим и воспользовалась?

Что ж, теперь от этого не осталось ни следа. Он был опустошен этим разочарованием. Таким же сильным, как когда-то оказалось разочарование в Насте. Только вот то, как выяснилось, было ошибочным.

— Твоя мать приходила, врач сказал?

Саша поднял голову, глядя на человека, чей сдержанный и тихий голос отвлек его от непростых и каких-то, словно, грязных мыслей. Посмотрел несколько мгновений. Кивнул.

— Я не хочу ее видеть. Она здесь, рядом с Настей, находится никакого права не имеет. Сломала ее, все самоуважение растоптала. Чтоб больше и ноги ее в палате не было, — отрезал мужчина. Подошел и с намеком глянул на Александра.

Сашка не спорил. Только задумался о том, сколько этот человек знал о прошлом? Казалось, поболее, чем сам Сашка недавно. Но не уточнял. И молча встал, освобождая место у изголовья кровати Насти. Мужчина, так же без слов, занял стул.

Они оба никуда не уходил из больницы, постоянно находился рядом. Но этот человек ни разу не попытался перед врачами открыто оспорить возможность присутствия Верещагина здесь. Хотя, Бог свидетель, имел куда больше прав говорить от имени Насти, сейчас Саша не мог не признать этого хотя бы про себя. И выставить его вон этот человек мог спокойно.

Еще два дня назад он ненавидел его. Ну, может и не так. Но в душе Саши при его виде всегда плескалось дикое раздражение и злоба. И такая ревность, что во рту появлялся привкус горечи.

В этот же момент, наблюдая, как мужчина накрывает хрупкие пальцы Стаей своей огромной ладонью, как гладит ее волосы — он испытывал опустошение. Нет, ревность была тут же. Но появилось разрушающее душу сомнение, что этот мужчина заслуживает ее куда больше, чем он сам.

Гость на него внимания не обращал и, похоже, не интересовался сомнениями, поглотившими Верещагина с головой. Он осторожно и очень бережно сжал ладонь Насти, поглаживая кожу. И смотрел только на ее лицо.

— Эй, егоза, — тихо позвал он, обращаясь к Насте. — Ты что это придумала, а? Хватит притворяться.

Сашка слышал, что мужчина старается сохранить бодрый тон. Но его голос все равно дрогнул. Саша

понял этого человека. Действительно понял, вдруг осознав, что перед ним не только соперник. А тот, кто так же сильно, как и он сам, дорожит Настей. Или даже больше, возможно... И так же боится за нее.

— Нашла время разлеживаться. У нас игра на носу, а ты отпуск себе устроила. О ребятах подумала? — словно бы надеясь достучаться до сознания Насти всеми этими словами, продолжал говорить гость.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В какой-то момент Верещагин хотел его остановить. Не помешать, просто дать понять, что это может оказаться бессмысленно. Что им остается только ждать и верить в ее силу. Ему захотелось поддержать этого мужчину. Черти как, может просто хлопнуть по плечу. Ведь и этому человеку, как и самому Саше теперь, больше не от кого было ждать поддержки.

До чего странная штука жизнь. Дико просто. Непонятная, непредсказуемая, сталкивающая в общей беде тех, кто только позавчера волком смотрел друг на друга. Своенравная личность, решающая все за людей, посмеиваясь над их мечтами, стремлениями и желаниями.

Саша даже уже сделал шаг вперед. Но так и застыл, занеся ногу. Потому что ему показалось, что в ответ на все эти смешные упреки мужчины, веки Насти дрогнули. И он начал напряженно всматриваться в любимое лицо. Так же, как и тот, другой.

— Стася?

— Егоза?

Кажется, они оба выдохнули это в один голос, отчаянно желая и безумно страшаясь верить своим глазам.

Но Настя им не ответила. Она молчала. И все же, все ее тело словно бы вздрогнуло, перестав походить на тряпичную куклу. Настя глубоко вздохнула и чуть повернула лицо в их сторону, продолжая спать.

И теперь Саше действительно верилось, что она спит.

ГЛАВА 12

Наши дни

Аэропорт родного города угнетал. Наверное потому, что слишком много всего Александр увидел за долгие годы переездов по миру. Даже как-то обидно стало за "отчизну". В столице, куда он прилетел две недели назад, по приглашению национальной федерации, все было на адекватном уровне, мало чем уступая, а то и не проигрывая другим странам. Помотало Верещагина по планете.

Непонятно только, зачем вернулся?

Не в страну, тут все все ясно — начали поднимать этот вид спорта в родной стране. Тренер сборной, за которую Верещагин играл, все же, и не мало, позвонил, попросил Сашку помочь по старой дружбе. Он решил не отказывать ни тренеру, ни остальным друзьям, многие из которых, после завершения карьер, вернулись на родину, чтобы помочь вернуть былую славу любимому виду спорта. К счастью, государство в последние годы делало для этого куда больше, чем во времена его детства. Открывались новые катки, практически во всех крупных городах, им предлагались льготные условия, если на катках позволяли тренировать детей, и на это соглашались почти все. Нет, конечно, это пока не привело к скачку хоккея до уровня соседних стран или той же Канады, к примеру, где Саша играл до окончания карьеры, но все же, уже хорошие сдвиги. А ему все равно ничего к сердцу не лежало после травмы. Играть перестал, а чем себя занять — не мог придумать. Сидеть дома

— тоже не в его характере. И не потому, что необходимость была, деньгами обеспечил себя и родных до конца жизни. Просто с ума сходил от безделья. И от тоски по льду. Тянуло его назад, на каток. Невыносимо тянуло. И бесили вечеринки, на которые его таскала Вероника, раздражали ее попытки превратить его в тусовщика, которым Саша никогда не являлся. Потому и ухватился за это предложение друзей и коллег. Сам раздумывал над тем, чтобы пойти теперь учиться на тренера, но не был уверен, а тут — шанс попробовать себя в чем-то подобном, понять, хочется ли?

Прилетел, устроился более-менее, и с ходу нырнул в круговерть, уже на второй день на лед вышел.

Правда, с друзьями, позвали его сыграть за команду в "ночной лиге" столицы. Неофициальном чемпионате, в котором играли "вышедшие на пенсию" игроки, подобно самому Верещагину, скучающие за игрой и льдом.

Как же хорошо это было! Снова играть, с головой нырнуть в азарт и напряжение матча! Ничто и никогда не приносило ему столько удовольствия, как игра. Ничего не захватывало настолько...

Опровергающая мысль вспыхнула в разуме и была тут же привычно подавлена. Автоматически, почти без усилий. Много времени прошло. ОН забыл. Или очень хорошо себя в этом убедил. И только хоккеем всегда оставался смыслом его жизни.

И все же, сейчас, наблюдая из окон такси за уже подзабытой панорамой этого города, волей-неволей, из глубины памяти и души всплывали мысли и ощущения, которые он давно считал погребенными и пережитыми. Странно. Это, наверное, какие-то остатки недобитой ностальгии, не иначе. Более разумного объяснения тому, что за последние шестнадцать лет и такое количество событий должно было стереться под ноль — он не находил.

Такси остановилось у современного отеля. Нового, видимо, построенного уже после его окончательного переезда. Саша даже не думал, что в его городе есть отели этой сети, знакомой по другим странам. Приятная новость. После напряженной недели хотелось отоспаться. Тем более, что он, в кои-то веки за последнее время, наконец-то был один. Вероника осталась в столице, не привлеченная "сомнительной провинциальной романтикой", и Саша слукавил бы, если бы начал говорить, что грустит из-за этого. Честно говоря, иногда он думал, что все их отношения — большая ошибка, ведь один на один с собой ему было комфортней, чем с этой женщиной. Порою, она откровенно тяготила его. С другой стороны, может быть это сказывалась та самая депрессия из-за таких глобальных перемен в жизни, о которой предупреждал и отчим, и друзья, и психолог. Ведь раньше Ника вполне устраивала его? Или они просто общались слишком мало из-за его графика, чтобы Саша мог это адекватно оценить?

Ладно. Потом. Сейчас не хотелось думать или разбираться, просто отдохнуть. Тем более, что завтра предстояла "почти официальная" встреча, ради которой и приехал. Руководство города, узнав, что знаменитый соотечественник вновь на приехал в страну, попросило провести несколько встреч с активными горожанами, чьи дети занимаются в хоккейной секции, все той же, которую и Саша когда-то посещал. А так же "почтить своим присутствием" полностью обновленный три года назад Дворец Спорта, где на доске почета имеется и его фотография.

Поскольку срочных дел у Верещагина не было, а интересно стало — он не отказался. Да и помнил сам, как ему в детстве была интересна любая мелочь, связанная с хоккеем, и насколько сказочными, недостижимыми казались все те чемпионаты, в которых он потом

играл. Вот и подумал, что своим приездом, рассказом, примером, сможет подбодрить и воодушевить воспитанников секции. Почему нет?

Так что, чтобы завтра адекватно смотреться на пресс-конференции, пусть и "местного масштаба", стоило выспаться. И побриться, чтоб никого не пугать, а то лень было последние два дня, запустил.

— Насть, может, давай, перенесем тренировку на завтра? Сегодня делегация эта, из горууправления. Не дай Бог, задержат, сместят что-то. Не успеем ничего нормально, — Валера поставил перед ней чашку кофе.

Внутри уже дней восемь жила неуверенность, наряду с опасением. Страхом, хорошо. Он умел быть честным с собой. И чувство вины. Но он прилагал все усилия, чтобы ничего ей не показать. Не выдать. Чтобы его не узнала. Его солнышко яркое...

— Валер, ты же знаешь, это детки, они ждут тренировку, как праздник! Поверь, для них это так важно, — покачала она головой, делая пометки на полях тетради. — А что, какие-то проблемы с катком сегодня?

Он помолчал.

И, вроде бы, справлялся. Валерий сам не знал, как? Но пока, ничего не указывало на то, что Настя слышала о приезде Верещагина. И, видит Бог, он бы все сделал для этого, почку бы отдал, чтобы и дальше так оставалось.

Какого лешего этот Верещагин, вообще, вернулся сюда? Ладно, в страну. Зачем в город приперся? В их Дворец Спорта сегодня придет. А у них тренировка. Настя подопечных своих приведет. Зайдет в приют после того, как в школе уроки закончатся. И, как и всегда по понедельникам и пятницам, приведет мальчишек-сирот.

— Нет, нет проблем. Просто задержать могут.

Обычно Валера любил эти тренировки. Ему нравилось заниматься с этими детьми. Такими взрослыми уже, и такими еще открытыми! Сколько счастья светилось в их глазах, стоило им каток увидеть! Сколько восторга!

А егоза его? Она до сих пор, точно, как дети эти, восторгом захлебывалась, становясь на лед и помогая ему проводить тренировку. Он души не чаял в Настасье своей. Каждый день за последние двенадцать лет судьбу благодарил за то, что подарили ему такое чудо непонятно за что. А теперь...

Никогда Валерий так не боялся. Даже давно, когда еще играл. Ни тогда, когда ждал вердикта врачей после травмы, уже подозревая, что не вернуться ему в команду и профессиональный хоккей.

Много думал, взвешивал, размышлял то решаясь на то, чтобы рассказать Насте, кто должен приехать, то отрицая такой вариант.

Настя, она такая... Вся в детей погруженная. В первоклашек своих, которых в этом году взяла, в сирот, которых опекала в своем старом приюте. У нее уроки, сбитые коленки Иващенко, драчун Федоров, у которого отец пьет. И такая старательная Маринка, уже вызубрившая весь «Букварик». А еще сироты, которые ей каждый день рисунки рисовали и ждали, как личное божество, когда Анастасия Ивановна к ним в гости зайдет. Как и он ее каждый день ждал с работы. Как с утра просыпался, каждый раз, когда она у него оставалась, не уверенный, что не приснилось ему такое счастье. Его егоза в другом мире жила, в своем, где только добро и побеждало, и все поступали так, как правильно было. И без очков, вроде бы, а все в розовом видеела.

Кроме себя самой, к сожалению. Себя и сейчас ни во что не ставила, сколько бы Валера с этим не боролся, как бы не убеждал ее, что Настя всего достойна в этом мире, самого лучшего.

Вот и теперь, оторвалась от своих тетрадей, которые заканчивала проверять утром, потому что вчера они оторваться не могли друг от друга. Особенно он от нее, ощущая давление этого чертового визита Верещагина над головой. Посмотрела на чашку с кофе, только увидев, он точно знал. Разнервничалась. Закусила губу. И тут же подхватила со стула, лихорадочно собирая тетрадки:

— Валера, ну что ты? Ну зачем? Я бы тебе сейчас сделала кофе, и себе. Сядь, и так за целый день намотаешься...

— Сама сядь, егоза, — ухватил ее за пояс, обнял и сел на стул, потянув и Настю за собой. — У тебя нагрузки столько, что дай Бог, а ты себя совсем не бережешь! Нельзя так, Настя!

Уткнулся лицом ей в волосы.

Зачем уже заплела косу? Поторопилась, однозначно! Не утерпел, растрепал ее волосы. Обнял лицо, начал целовать.

Не хватило ночи. Скреб страх за грудиной.

А тут отлегло — Настя рассмеялась. Обняла его плечи, начала целовать в ответ.

— Валер, любимый, у меня уроки через полтора часа, а еще в школу добираться...

— От меня пешком — десять минут до твоей школы, — прервал ее сбивчивые отговорки. — Сто раз тебе говорил, переезжай окончательно, могла бы выходить гораздо позже!

Появилось искушение послать всех подальше и остаться дома. Ее никуда не пустить. Уговорить егозу, сказать всем, что заболели, оба подхватили какую-то заразу. И все. Завтра Верещагин уедет. А даже если нет, в Дворце точно не появится. И Настя его не увидит...

Никогда так не боялся, как сейчас.

Потому что до сих пор помнил, как сидел с ней, разговаривая всю ночь, пытаюсь от глупостей удержать, когда Настя свое сердце и жизнь ради этого Верещагина кромсала на куски, своими руками ломала. А ведь тогда — сам упрекал девчонку. Говорил, что не имеет она права решать за двоих. Должна и Александру дать возможность рискнуть, сделать свой выбор в жизни. Не знал еще в тот момент, насколько дорогой, бесценной, станет для него самого эта девушка, сколько счастья принесет. Да и не мог знать, их отношения начались аж через три года после той памятной ночи...

А теперь — что делал?

Сам ей говорить ничего не хотел. Более того, ограждал Настю от любой информации о возвращении "великого хоккеиста" в родные пенаты. Без всякой причины и доводов боялся, что несмотря на все, она еще любит Александра. Как раз потому, что помнил, как тяжело Настя выходила тогда из своей боли и горя. Как мучилась. И сейчас иногда, казалось, замирала, глядя "внутрь" себя, думая о чем-то, недоступном для Валерия. И в такие моменты, ему всегда казалось, что она вспоминает прошлое. Верещагина. И ревность душила.

Но он не спрашивал. О чем? Дело прошлое. А у него самого тоже за спиной всякое было, и Настя никогда не мотала ему по этому поводу нервы.

Вздыхнул. Вернулся в настоящее.

А Настя смутилась опять от его предложения о переезде (Эх, про брак он уже и не

заикался. Имелось искреннее желание просто ее как-то в ЗАГС затащить и уговорить их расписать на месте, вроде, собирались сделать такое нововведение). Это ее дурацкое самоунижение и полное отсутствие уверенности в себе! Вот за что он бы с удовольствием "расплатился" бы с Верещагиным и его матерью! Так сломать человеку психику в самом уязвимом возрасте, словно бы Насте и приюта было мало, и всех других скитаний по жизни!

Он ее все эти годы вытащить из того болота ощущения своей никчемности не может. Не верит она ему. Не ценит себя ни в грош.

— Валер, ты же знаешь, я не хочу тебе мешать, — уткнув глаза в пол, начала пальцы ломать.

Спасибо, ногти не грызет уже, в пединституте убедили, что такая привычка учителю не идет.

Он вздохнул и ухватил ее ладони. Переплел их пальцы. Поднял второй рукой голову Насти, заставив посмотреть ему в глаза:

— Ты не можешь мне мешать, егоза. Я люблю тебя. И всю жизнь, каждую минуту хочу с тобой быть. Все с тобой делить, понимаешь? Ты же мне без всяких раздумий на помощь бросаешься. Вчера вон, пришла после работы, после тренировки, а еще и за ужин взялась, и порядок навести пыталась. А мне тебе кофе приготовить нельзя? Почему, Настя? Я не достоин?

Он давил на то, на что мог в ней надавить, что хоть как-то на Настю влияло.

Она даже вздрогнула и замотала головой. Прильнула к нему всем телом. Обняла его щеки, высвободив свои ладони. Прижалась губами к губам, порхнула легкими поцелуями по щекам. Быстро, коротко, легко.

Господи! Вот оно, его счастье! В его руках. Так бы всю жизнь сидел, никуда ему не надо больше, чем находиться рядом с ней!

— Валера! Ну что ты говоришь такое! Лучше и добрее тебя — нет никого! Ты самый лучший человек, которого я знаю! И ты же так устаешь с этими пацанами! Что я, не знаю? Мне просто помочь тебе хочется, как-то удобней, легче жизнь сделать, чтоб счастлив...

— Солнышко мое, а ты со своими сорванцами, разве меньше выматываешься? — он снова перехватил ее. Сам поцеловал. — Чем ты — хуже меня, егоза?

Настя промолчала и опять отвела глаза. Ничего не сказала. Но он и так знал, что она подумала — "всем". Настя себя ни во что не ставила. Считала человеком второго сорта. И ему это сердце рвало.

Не зная, что еще сказать, поскольку иногда испытывал глухое бессилие перед этой ее упертостью, несмотря на то, что был старше, да и не имея сегодня сил из-за собственных страхов, Валера просто крепче обнял Настю.

— Так, хватит нам споров, — тихо подвел он черту под этим разговором. — Давай, пей кофе. Я сейчас... — Он ухватил ее, пытающуюся подскочить. — Я. Сейчас. Нагрею. Еду, — с ударением повторил Валера, не разрешая Насте подняться. — Имей совесть, девочка! Дай мне поухаживать за своей любимой! — вроде как сердито, а на самом деле, с внутренним отчаянием, проворчал он.

Настя рассмеялась. А что ему еще надо? И все-таки осталась на месте, взяла кофе, который он ей приготовил, и отпила.

— Вкусно! Спасибо, любимый, — посмотрела на него таким редким, просто лучащимся взглядом.

И Валера не удержался, тоже улыбнулся ей.

А еще решил, что от всего не спрячешь и в подвале не закроешь. Жизнь есть жизнь, и ему оставалось только верить, что она к ним благоволит...

Грустно как-то было. И ностальгия, да, кольнула его. Постоял, полюбовался на свое фото на доске почета "известных воспитанников", улыбнулся. Вспомнилось, как мечтал об этом в восемнадцать. Вот, исполнилось. Реализовал свои мечты. Добился всего, чего хотел. Почти...

Но зачем вспоминать о том, что давно переболело?

Весь мир увидел, практически. Так что тут тосковать, вообще, не о чем.

Сашка размял шею, устал он от торжественности и пресс-конференции. Встреча, осмотр, толпа людей. Вот что его удивило, так это то, что тренер этот, Валерий, до сих пор здесь работал и парней учил в хоккее играть. Сколько лет прошло? Шестнадцать... а он не ушел. Поговорить захотелось с ним. Бог, знает о чем, накатило так ностальгией о молодости и всем том, что было связано в его памяти с этим местом. О Насте...

Но не сложилось, как-то. Валерий все время занят был, его то звали куда-то, то тренировку проводил.

Да и Сашу дергали. Так, кивнули друг другу, и все.

А может и хорошо, что так. Зачем ворошить.

Помедлил еще пару секунд, осматривая и знакомые, и незнакомые коридоры Дворца Спорта. Вряд ли он еще когда-то сюда вернется, вероятнее всего, последний раз в этот город приехал. Возьмет билет до столицы на завтра, наверное, и все, пора браться за работу. В конце концов, его сюда не отдыхать звали.

Развернулся и пошел к выходу. Интересное ощущение — словно тесно. Вырос он окончательно. Все здесь кажется таким... Эх!

Спустился в круглый холл, опоясывающий весь Дворец наподобие кольца. И пошел к двери. Хорошо, что "отстрелялся" и теперь может расслабиться. Толкнул створку...

— Саш! Щитки потерял! Опять! Так же невозможно, просто!

Мороз по коже. И ступор какой-то. И сердце заколотилось в голове. А рука так и держит двери, только Верещагин сдвинуться с места не может. Этот голос... Эти слова...

Быть такого не может!

Сам не понял, как обернулся и на каком-то автопилоте двинулся в другую сторону, откуда доносился детский смех, возня какая-то и суматоха. И этот голос.

— Еще раз потеряешь, Саш, я могу и не заметить! А второго комплекта нам сейчас не купить. Спонсоры пока не особо щедрые, спасибо, аренду катка оплатили... Тимур! Уймись, ради Бога!

Продолжала говорить невидимая ему пока женщина, голосом девочки, которую он должен был давно забыть. Не возможно такое! Просто невоз...

— Анастасия Ивановна! Я не виноват, у меня пакет Васька порвал! — наверное, решил оправдаться тот самый Сашка.

А Верещагин, уже завернув за угол коридора, застыл, не в силах поверить своим глазам. И не понимая умом, зачем пялится. А уйти даже в голову не пришло.

Настя. Она, точно. Только другая совсем... Тонкая, худая. У нее всегда эти косточки хрупкие были. И волосы длинные. Усмиренные уже. Собрала их в косу. Стоит в толпе

мальчишек лет десяти-одиннадцати, улыбается. У одного куртку забирает, у другого шапку. Передает это все техничке, видимо, которая помогает Насте усмирить пацанов.

Опешил. Одеревенел. Словно на лед упал затылком, и лежит сейчас, смотрит на всполохи искр перед глазами. И тело деревянное, и голова не "варит".

— Так, все успокоились! — неожиданно серьезно и даже строго прикрикнула вдруг Настя.

И, как ни странно, мальчишки тут же присмирели, послушались ее. Замерли вокруг, с предвкушением вскинув головы и глядя на Настю. А она им мягко улыбнулась.

— Не буянить, а то брошу вас сегодня одних на милость Валерия Федоровича, и посмотрю, как он с вас шкуру снимет...

— Ну вы, Настасья Ивановна, меня вообще зверем рисуете перед пацанами, — рассмеялся тренер, как раз появившийся в дверях зала, где теперь находился каток.

Взъерошил одному из мальчишек волосы. Второму помог на плече поправить сумку, из которой торчала клюшка.

— Я строг, но справедлив, Настасья Ивановна, — подмигнул тренер как-то, всем сразу. — Давайте, забегайте, у нас время не резиновое, — он махнул рукой, подгоняя мальчишек.

И пацаны тут же заторопились, полезли в двери, толкаясь и пихаясь, чем-то возмущаясь, теряя по ходу вещи, которые с улыбкой подбирала техничка.

Настя тоже дернулась было, наклониться хотела, наверное, но ее остановил Валерий. Поймал за руку, потянул к себе ближе. Погладил по щеке ладонью.

— Устала? — гораздо тише, Сашка больше по губам прочел, чем услышал этот вопрос. — Как уроки сегодня, егоза?

— Нормально, — Настя улыбнулась, повернула голову и поцеловала пальцы тренера. — Нет, сегодня не сильно меня измотали. Все были на удивление послушны и, даже, слушали объяснения, — она рассмеялась.

Валерий притянул ее еще ближе и, под одобрительным взглядом суетившейся вокруг технички, которая, похоже, не впервые наблюдала за такой картиной, коротко, но крепко, словно по праву, поцеловал Настю в губы. И она ему ответила. Обняла за шею.

У Верещагина в голове зашумело, почему-то. И в груди "камень" откуда-то гахнулся.

— Ладно, Настенька, пошли, а то они сейчас разнесут каток, — улыбнулся Валерий, оторвавшись от Насти. Потянул ее в зал.

— Пошли, — согласилась она, следуя за тренером.

Двери закрылись. Техничка развесила куртки мальчишек в гардеробе. Тоже куда-то ушла.

А Верещагин так и стоял, смотрел на уже пустой коридор. И все еще пытался поймать дыхание, какую-то мысль связную. Хоть что-то. Не сумел. Пусто в голове. Гулко стучит сердце.

Развернулся, сделал два шага в сторону выхода. Остановился. И сел прямо на пол...

ГЛАВА 13

— Сашка! Да, ну, не беги же ты, застегнись нормально!

Ее голос снова его встряхнул. Заставил "выплыть" из странной заторможенности, в которой Верещагин провел последний час с небольшим. Только и того, что с пола

перебрался на подоконник, когда третий подряд проходящий мимо человек поинтересовался, не плохо ли ему?

Видимо, тренировка закончилась. А он так и не вышел из Дворца Спорта. И не поехал в гостиницу. И, вообще, не сделал ничего из того, что планировал еще с утра. Просто сидел и вспоминал, крутил в голове то одну версию, то другую. Заново оживлял в душе то, что испытал, когда услышал, что Настя ему отказала тогда, давно.

Из-за этого тренера? Да, не может быть! Ей же тогда только шестнадцать исполнилось! Неужели, он ее уже тогда соблазнять начал?

Возмущение и обида плескались в душе с новой силой, почему-то. И такая злость, такая ярость клубилась в груди из-за того, что кто-то у нее был! Жутко даже, в какой-то момент стало, что способен на такие эмоции. Уже и не помнил в себе подобных "страстей". Не считал себя на такое способным. Разве что, на льду...

Вроде бы, мозгами понимал, что шестнадцать лет прошло. Да и он сам не монахом жил. Даже невеста, вон, есть. И они расстались...

И все равно, даже несмотря на то, что Настя его бросила без всяких объяснений, когда-то, понял — воспринимает ее только своей! И ничьей больше! Прямо трясло его, когда вспоминал, как тренер его Настю целовал! И кулаки сами сжимались...

Дикость, какая-то... Что с собой делать? И со встречей этой, которую и встречей-то не назвать? Верещагин сейчас сам себя не мог понять.

А тут детвора повалила в коридор, смеясь, обсуждая тренировку. Снова возня, суматоха. Так знакомо. Так... внутри что-то сжалось от эмоций, которые вдруг накрыли, от своих воспоминаний о таких же моментах, когда с тренировки выбегал. И голос Насти рядом...

— Так, выстроились, парни. Не добавляйте забот Анастасии Ивановне!

Голос этого тренера заставил кулаки сжаться сами собой. Какого черта?!

Саша двинулся вперед, не совсем понимая: зачем и что будет дальше делать? Но стоять на месте — никаких сил не было. Суматоха мальчишек мешала разобраться, о чем говорили Настя тренером, хотя Верещагин точно слышал, что разговор был. Вот и двигался, стремясь расслышать, что ли?

— Я тебя у приюта жду? — наконец, донесся до него негромкий голос тренера.

— Ой, Валер, я тетради дома оставила перед тем, как парней забирать, чего тебе ездить туда-сюда?

Устал же, точно. И не кривись, я знаю, — мягкий голос Насти творил с ним что-то невообразимое.

— Все равно заберу, егоза, не спорь. К дому подъеду, значит, — не согласился мужчина.

— Валер, — Настя рассмеялась.

Этот звук заставил Верещагина забыть кто он, и что прошел за все эти годы. Он даже не осознал, как вышел из-за поворота и остановился посреди всей этой суеты: мальчишек, технички, Насти, тренера. И осознал, только когда суматоха утихла, а кто-то из парней вдруг громко в неожиданной тишине прошептал:

— Смотри! Это же... Это...

— Ага! Точно! — поддакнул другой.

Саша осмотрелся, вдруг поняв, что привлек внимание всей ребятни. И в этот момент, привлеченный нестандартным поведением своих подопечных, наверное, к нему повернулась и Настя. И тренер...

— Не может быть... — недоверчиво протянул еще какой-то парень, уставившись на него. — Это...

Но Саша уже смотрел только на Настю. На ее удивленное лицо и приоткрывшиеся, будто бы в полувздохе губы. На то, как она вздрогнула, прижав руки к груди...

Застыл. Не мог дальше двинуться.

— Да, парни, — разом как-то завладев вниманием всех, вдруг выдвинулся вперед тренер. — Это Александр Верещагин. Думаю, вы все его знаете.

И тут на Александра словно шквал налетел. Он и раньше с детьми общался, и каждый раз это было похоже на "ураган" посреди которого не так и просто устоять. Дети прыгали, суетились, просили автограф, с восхищением рассказывали о том, как смотрели все его игры...

Хочешь-не хочешь, пришлось отвлечься. Не мог отказать детям. Себя помнил. Не то, чтобы его ответов кто-то ждал. Но автографы Верещагин поставил на всем, что ему подсовывали: от ключек, до шапок, фломастером, который так же сунул кто-то из ребятни. А Настя так и стояла рядом стренером, который зорко следил за всем этим и, похоже, лучше всех их контролировал происходящее. В конце концов, именно он и прикрикнул на парней:

— Так, все. Построились снова. Оделись. Анастасия Ивановна ждет вас, и водитель, да и в приюте уже заждались. Наверняка, нервничают, что вас задержало.

На окрик тренера парни отреагировали моментально. Впрочем, он их понимал. Сам так же всегда реагировал на своих тренеров.

— Спасибо! — разрозненным хором проорали парни, заставив Александра улыбнуться.

Действительно быстро выстроились. Настя как-то резко отвернулась, кивнув тренеру, который помог ей накинуть пальто на плечи. И, больше не посмотрев в его сторону даже, быстро увела детей. Он не успел ни сказать ничего, ни остановить ее. Да и не будешь же хватать за руки при детях?

Валерий же стоял и смотрел на него. Тяжело смотрел. Даже, пожалуй, с предупреждением. В воздухе между ними просто так и повисло "не лезь", не сказанное, но "прозвучавшее" так, что Верещагин слышал. И прав был, возможно.

Только, почему-то, никакие логические доводы для него сейчас не работали. Даже тот, что сама Настя, когда-то, вероятно, выбрала именно этого мужчину. Незнакомое и почти неконтролируемое. То, что заставило Верещанина зло вскинуть голову, дав понять, что он плевать хотел на любые предупреждения. Развернулся и пошел к выходу. За ней.

Но никого на улице не увидел. Только тут вспомнил, что слышал про водителя. Наверное, детей забрали транспортом. И Настю вместе с ними, похоже.

Она очень надеялась, что достаточно держит себя в руках и дети ничего не замечают. Не хотелось их волновать. К тому же, мальчишки и сами были настолько взбудоражены встречей с известным хоккеистом, что на ее мандраж, вроде бы, никто внимания не обращал. А у Насти все внутри дрожало и в голове как-то странно шумело. Хотя, может это и от голода? Она ведь так и не успела пообедать сегодня со своими первоклашками, успокаивала детей, разыгравшихся в столовой. А Валере не призналась, знала, что будет опять беспокоиться чрезмерно и журить ее. Волноваться лишний раз. Зачем?

Вот, возможно в этом причина, а не в неожиданной встрече с Верещаниным? Хотелось в это верить.

Настя не думала, что когда-то снова увидит Сашу. Вообще мысли такой не допускала

даже. И не мечтала об этом. Она мечтала о том, чтобы у него все вышло, как можно лучше. Чтобы Сашка достиг всего, чего заслуживал. Следила за его карьерой, да. Игры смотрела. Да и Валера никогда против не был, с ней смотрел, записывал даже, если очень поздно трансляция шла и Настя, измотанная сначала институтом, а потом и работой в школе, засыпала. И за жизнью его следила, но так, как за кумиром, больше, за кем-то знаменитым, а не близким и знакомым ей до малейшей привычки парнем. Да и не был он тем мальчишкой, который "отбил" когда-то Настю у хулиганов. И не тем парнем, ради которого Настя всем готова была пожертвовать. Ее первой и такой умопомрачительной любовью.

Те пару месяцев странно вспоминались Насте. Будто сон какой-то, или сказка. Не реальная, выдуманная ею самой история. И не потому, что Настя не помнила ничего, наоборот, очень хорошо все помнила.

Просто чем больше проходило времени, тем вернее ей казалось свое решение. И сами их отношения... Как тот самый сон и сказка. Как самый последний месяц весны — обжигающе сладкий и быстротечный, расцветающий, но завершающий какой-то цикл жизни. Вот и вспоминала о Саше с этой сладостью и своей нежной любовью, стараясь не думать и не вспоминать, как тяжело ей дался этот переход и осознание, в какую депрессию она тогда впала, пугая и огорчая и бабушку Аню, и Валерия Федоровича...

Да, тогда еще просто наставника и тренера. И сколько же он провозился с ней! Возможно, пожалев тогда Настю, будучи свидетелем зарождения этой истерики и депрессии, а может, баба Аня его тогда попросила занять ее.

Именно Валерий таскал ее на тренировки ежедневно, в качестве помощника, и "чтоб дома не сидела", хоть и на катке от нее толку тогда было мало. И на вступительные экзамены в пединститут с ней Валерий Федорович ходил, когда Настя вяло сообщила на их расспросы с бабой Аней, куда, вообще, хочет поступать. Ведь время уже поджимало. Чуть не опоздала она тогда, в последний день документы принесла. И, хоть Валера никогда и не признавался, возможно и опоздала, только он, как ей казалось, как-то уломал приемную комиссию. Возможно, даже, деньги кому-то из них заплатил. Настя тогда, как сомнамбул ходила, не ориентировалась в реальности, вообще. Как экзамены сдала — и то, толком сейчас бы не рассказала. Полный сумбур в голове.

Но Валерий Федорович и тогда не давал ей спуска, заставлял ходить на каток. И именно благодаря этому, его упорству, его настойчивости, и этому упрямому желанию затянуть Настю на каток, она и пришла в себя как-то.

Словно посветлело в голове, хоть и не падала, вроде, не ударялась. Просто замерла при движении, вздрогнув от резкого свистка Валерия Федоровича, осмотрелась, будто впервые за много месяцев в себя пришла, вдохнула воздух холодный и поняла, где она. И что жизнь вокруг. И она, Настя, часть этой жизни. И чем-то даже занимается. Тогда-то, во время одной из тренировок секции, которой руководил тренер, ей пришло в голову, как здорово бы было, если бы на этот каток могли приходить другие дети, как она. Из приюта. Того самого, в котором Настю воспитывали. Глядишь, кому-то просто веселее стало бы, а кто-то, может, и призвание свое нашел бы...

То ли судьба, то ли горькая ирония, но в этом самом приюте создали группы для старших детей спустя всего год после того, как Настю увезли. Что-то наладилось с финансированием или, наоборот, ухудшилось, и учреждения объединили. Отдали им еще одно здание, ранее принадлежавшее уже не функционирующему садику. Добавили воспитателей, какие-то спонсоры подключились. Нельзя сказать, что жизнь для

воспитанников стала сказкой. Нет. Но все же, изменения происходили, и не в худшую сторону.

Вот и показалось Насте, что было бы здорово предложить такую идею заведующей. Та все еще оставалась той же, что саму Настю воспитывала. И про обман бабы Ани знала, но никому не говорила никогда. Зато иногда приходила к ним в гости, радуясь, что воспитаннице повезло найти свой дом. К ней и пошла тогда Настя, первоначально заручившись поддержкой и одобрением Валерия Федоровича, конечно.

Вообще, у них тогда странные отношения были с тренером. Точнее, никаких "таких".

Насте и в голову ничего подобного не приходило, вот вообще. Да и со стороны Валерия Федоровича не было никаких намеков. Скорее, он относился к ней, как старший брат. Ну, или, как дядя, возможно. Как какой-то родственник. И идею тогда ее поддержал. Даже готов был работать бесплатно с этими детьми, если им дадут добро. А возможно, даже, был просто рад, что Настя чем-то увлеклась и загорелась, вот и "подставил свое плечо".

Вот и пошли они тогда с этой идеей...

Безусловно, ничего не получилось в мгновение ока, как бы Настя ни хотела. Да и кем она тогда была? Вчерашней школьницей? Будущей студенткой пединститута? Кто бы ей детей доверил? Валерий Федорович и заведующая приюта были более весомыми фигурами и для райотдела, и для вероятных спонсоров. Хотя и Настя старалась, помогала, ходила с ними и сама по инстанциям, оббивала пороги компаний и фирм, которые могли бы стать спонсорами. Как-то в тот момент ничего не стеснялась для достижения своей цели, и просить не брезговала, и умолять.

Потом начались занятия, привыкание к институту, учеба. Честно говоря, направление для себя Настя выбрала наугад, больше для того, чтоб от нее отцепились бабушка и тренер. Да и неудобно было перед Валерием Федоровичем, который так старался, чтобы ее документы приняли, думая, что Настя и правда хочет тут учиться. А потом неожиданно поняла, что не в тягость ей это, и интересно даже. Начала учиться с рвением, да и бабушка радовалась этому. И Валерий Федорович ее поддерживал.

В общем, столько забот и проблем было, столько суматохи, что Настя отвлеклась, отстранилась. Не забыла Сашу, но как-то сумела начать дальше жить. И жить с целью, интересом.

А секцию для сирот им все же разрешили открыть. Правда, только через полтора года. Ну да ничего, главное, ведь, что разрешили. И несколько парней из тех, с кем Валерий Федорович занимался еще тогда, сейчас уже даже играли в командах, участвующих в национальной хоккейной лиге их страны. А один уже и за сборную выступал! И сама Настя, которая продолжала курировать секцию, несмотря на то, что давно работала в школе учителем младших классов, и Валера — очень гордились своими воспитанниками.

И все это время не было между ними ничего, так и общались они с тренером, дружили, помогали, ободряли и поддерживали друг друга. И хоть Настя у него в гостях часто бывала, в чем-то даже переживая, что у такого замечательного человека нет никого. И хотелось ей о нем позаботиться. В ответ на поддержку, дать хоть немного уюта и заботы.

Она могла прийти и просто приготовить ему ужин, про учебу свою рассказать. А он ей про тренировки говорил, на которые Настя из-за своей учебы не всегда могла приходить. И хоккей они смотрели. И Сашкины игры тоже. Вместе.

А потом, после третьего курса, умерла баба Аня. Не неожиданно, но хоть без мучений. Давно страдала сердцем. И тут заснула, и просто не проснулась уже. Мир Насти тогда в

очередной раз пошатнулся. И снова рядом был Валерий. Помогал, поддерживал, организовывал, снова на каток тянул, не позволяя замыкаться. И в институт по утрам приходил провожать, наверное, чтобы Настя не поддавалась опустошению и не опустила руки.

Но однажды, может, через месяц после похорон, он ее поцеловал. Случайно все вышло, вроде бы. Валерий Федорович уже давно мог ее в щеку чмокнуть, или в макушку, ободряя, вроде бы. А тут она как-то неловко повернулась, когда он наклонился. И не щека... Губы встретились. Настя даже испугалась, сначала, что он рассердится.

Ничего не думала. И замерла вся. А Валера...

Он не хотел и не планировал так сделать, она его спрашивала потом, просто остановиться уже не смог. И напугать не хотел, хотя сам, к тому времени, уже с полгода как понял, что Настя для него невероятно много значит. Но не навязывался никогда, просто рядом был, поддерживал. А в тот момент — поцелуй у них вышел настоящий.

Настя ни с кем не встречалась за эти три года. Не было у нее парней, хотя нельзя сказать, что не приглашали. Бывало. И со двора звали, и немногочисленные парни в институте оказывали знаки внимания время от времени. Да и на улице пытались с ней знакомство завязать пару раз. Но ей не до того. Не хотелось. И учеба, и секция, и тренер, о котором позаботиться надо, куда еще и парни какие-то? Да и не дрожало сердце ни от кого, даже если пытались знакомиться, не было жара в голове, в животе бабочки не порхали. Не задевал ее никто так, как Саша когда-то.

Но в тот момент — оглушило просто: и жаром, и дрожью, и "бабочками". "Мурашками" по всему телу. Словно впервые этого человека рядом с собой заметила, всем своим существом прочувствовала. Да так, что она замерла, взбудораженная и потрясенная этими ощущениями, про которые уже и позабыла, как-то.

Валера же тогда неверно ее ступор понял, и отстранился. Извинился даже, серьезно и с грустью в глазах, сказал, что не будет навязываться и Настя не должна считать, что она обязана в чем-то идти ему навстречу, если у самой желаний нет. Хотя он очень серьезно к ней относится и бесконечно дорожит Настей, и хотел бы... Но не будет давить или...

Сказал это все, развернулся и пошел в сторону, ее же, вроде как, уже довел до подъезда. Настя тогда еще минуты две стояла, как зачарованная, чувствуя, что щеки горят и сердце в груди колотится. Живой себя почувствовала, так непривычно остро... И смаковала эти ощущения, которые успела позабыть... Или и не испытывала еще?

Такие сильные, такие оглушающие эмоции! Не помнила таких. Взрыв в сердце, в голове, в животе...

Смотрела в напряженную спину удаляющегося Валеры.

А потом, вдруг, как поняла, что он сказал, и что подумал из-за ее ступора...

Впервые в жизни Настя кричала на весь двор. Заорала тогда просто так, что птиц вспугнула своим криком:

— Валера! — и впервые позволила себе назвать его только по имени.

Бросилась за ним, как сумасшедшая, вдруг поняв, что не хочет его отпускать. Ни за что на свете. Что дорог для нее этот человек. И не потому, что всегда помогал и поддерживал, а потому, что и сама Настя беспокоится и думает о нем, ночами волнуется, просто не отслеживала этих мыслей. И счастлива около него. Да, иначе, чем с Сашкой рядом счастлива была, без того дикого тремора и эйфории... Но и глубже, как ни странно, мощнее, уверенней и в себе, и в этом человеке.

Догнала, потому что Валера все же остановился и повернулся к ней. Навсегда Настя запомнила то выражение в его глазах. Такого взрослого, как ей казалось тогда, такого серьезного и уверенного в себе мужчины. Ни у кого не видела такой надежды во взгляде и опасения, и попытки спрятать это все, чтобы не разочароваться, вдруг, если ложная надежда. Ни у кого из взрослых. Только у детей из того же приюта, наверное. И такую любовь к ней, светящуюся в его глазах при всем этом, что у Насти дыхание перехватило.

Подлетела к нему, и сама неимоверно крепко ухватила за шею Валеры, заставив тренера пригнуться, подхватить ее. И сама же к его губам прижалась, целуя может и не особо умело, потеряв практику точно, но искренне и со всем тем чувством, которое осознала наконец, к этому невероятному мужчине.

Валера не долго сомневался. Обнял с такой же силой и сам принялся целовать. Да с такой страстью, что Настя и не ощущала еще, зажигая и ее в ответ, заставляя вспыхивать. Тогда Настя впервые поняла, что любовь зрелого и состоявшегося человека очень сильно отличается от юношеской пылкости. Не обдумала, не осмыслила, просто осознала эту мысль. Да и не до размышлений ей в тот момент было.

Тем вечером Валера впервые остался у нее, и никогда после Настя об этом не жалела. Теперь они часто оставались друг у друга.

Валера вообще уговаривал ее полностью переехать. Да Настя почти и жила у него, если откровенно, навещаясь домой один-два раза в неделю. Но все же, почему-то не могла до конца пойти. Не решалась. И не думала, вроде, а все ей казалось, что слишком хорош Валера для нее. Чем больше жила с ним, тем больше влюблялась в этого мужчину: невероятного, доброго, искреннего, внимательного. И тем больше поднимался из каких-то странных глубин ее души страх, который когда-то посеяли там слова тети Наташи... А что, если и Валере она мешает в чем-то? Если он лучше найти мог, встретил бы кого-то, более достойного, чем она, сирота без роду и племени, которая только и приносила ему хлопоты и проблемы?

Боролась Настя с этими страхами, а победить не могла. Казалось ей, что если бы Бог дал им ребенка, наверное, Настя перестала бы бояться. Хотела очень, даже молилась об этом, хоть и не была особо приучена ходить в церковь. Так, в последние годы жизни помогала ходить туда бабушке Ане. Но никак не могла забеременеть.

Вот страхи и не проходили, а закалились в ее душе. И хоть Настя очень любила Валеру, так и не решилась ни разу принять его предложение или до конца переехать. Глупо, наверное. Да что там, сама иногда понимала всю дурость этого суеверия. Но ведь не могла же забеременеть все эти двенадцать лет, что они были вместе.

А Валере о своих страхах сказала честно. Он сначала смеялся и пытался ее переубедить. После же сказал:

— Я тебя люблю. Мне для этого никаких знамений не нужно. Будет у нас ребенок — я счастлив. Не будет, мне и тебя, солнышка моего светлого, для счастья достаточно. С головой. И не выдумывай, Настя.

И она с ним была счастлива, очень сильно.

А тут, вдруг, такая неожиданная и почти фантастическая встреча с Сашей!

И взгляд Верещагина на нее... Такие странные ощущения и эмоции... Что-то светлое и доброе, как ностальгия о юности. Но и тревожащее, беспокоящее. И какая-то тяжесть в груди, словно вновь только с тетей Наташей разговор окончила... Странная смесь чувств. Она им ни названия, ни осмысления сейчас дать не могла. Да и не надо, наверное. Лучше

детей передать воспитателям и вернуться домой, за тетрадами. И к Валере поехать. Он же ждать будет. А ей хотелось его обнять, и плечи размять. Видела во время тренировки, как растирал затылок. Думал, что незаметно, наверное, старался нее скрыть, но Настя заметила...

знала, что устал.

А то, что руки трясутся до сих пор и сердце в груди колотится — это пройдет. Это от неожиданности и усталости просто. От воспоминаний, которые нежданно нахлынули.

ГЛАВА 14 часть 1

Он стоял перед старым домом и не верил глазам, если честно, что это здание еще не разрушилось. И не изменилось, почти. Потрепанней только. Да деревья стали раскидистей во дворе. И лица всех, проходящих мимо людей — незнакомые.

Она живет здесь? Все еще в этом доме?

Хотя, неудивительно, наверное. Видимо, старая соседка, баба Аня, оставила все свое имущество приемной "внучке". А Настя, работающая учительницей в младших классах, сомнительно, чтоб могла себе позволить менять жилье слишком уж часто.

Что он здесь делает? Зачем приперся?

Верещагин понятия не имел. Но и ничего не мог с собой поделывать. Удивился, когда узнал адрес у директора Дворца Спорта, наплел историю о том, что хочет посмотреть на тренировки этой секции, возможно, как-то помочь. Организовать фонд... Но все это на уровне допущений пока, неопределенно. Хотелось бы больше узнать, с руководительницей их поговорить...

И директор клюнул, рассказал, что это тренировалась не основная секция, а дети из приюта. Что такая группа у них уже много лет существует — детище Валерия Федоровича и Анастасии Ивановны, которые всю душу в этих сирот вкладывают. И многим, действительно, помогли же! Путевку в жизнь и спорт большой дали. Вот кому-кому, а этим ребятам помощь бы не помешала точно. Они всегда спонсоров ищут...

И директор без сомнений поделился с ним и номером телефона Насти, и ее предположительным адресом. Хоть и намекнул, что Анастасия Ивановна может проживать и по другому адресу, снабдил и номером тренера. Да и Верещагин успокоил, что только позвонит. Хотя, не смог. Смотрел на ее номер, да так и не набрал. А из ее разговора с тренером, может и ошибочно, конечно, предположил, что она сейчас как раз домой за тетрадами и собралась. Вот и рванул сюда.

Пусть до сих пор не понимал — зачем, все-таки? По какому праву? Что ей сказать хочет? О чем спросить? После стольких лет выяснять какие-то детские обиды? Кто он и кто она? Два взрослых, чужих друг другу человека, если посмотреть трезво. И никто ничего и никому не должен.

Так с какой целью стоит тут и смотрит на старый дом? Почему не в своем номере готовится к отъезду?

Саша не знал ответа. А потому и причин продолжать заниматься глупостями — не видел.

И уже решил, что надо ехать. Даже разворачиваться начал, когда из их старого подъезда вышла... Настя. Он знал, что не ошибается, несмотря на сгущающиеся зимние сумерки.

Она шла, прижимая к груди какой-то объемный пакет, и не особо осматриваясь по

сторонам. Больше под ноги смотрела, видимо, чтобы не поскользнуться на примерзшем снегу.

И он сам не понял, когда двинулся в ее сторону.

— Настя!

Зачем позвал? Что спрашивать будет? Дурная ситуация. И все равно, стоит перед ней уже.

А она удивленно вскинула голову и смотрит на него так... растерянно и недоверчиво, словно на фантом, или диво какое-то. Шагнула еще, на автомате, наверное, и поскользнулась, все-таки, потеряв равновесие из-за него. Чуть не выронила пакет.

Что-что, а реакция у Саши всегда была хорошей. Бросился вперед, поддерживая ее за пояс, помогая устоять, и подхватил тяжелый пакет заодно. Как-то напряженно замерли оба, разглядывая друг друга вблизи. Странное положение, неловкое до жути, отчего-то. Он просто-таки физически ощущал, как она напряглась. Отступил из-за этого немного. Она пакет не отдала, а он не настаивал. И Настя выпрямилась.

— Саша? — произнесла его имя так недоверчиво, словно все еще глазам поверить не могла. — Что ты здесь делаешь?

Хороший вопрос. Он сам его себе за последние полчаса задавал раза три. Но так и не ответил. А ей — что сказать?

— Привет, Настя, — вместо этого произнес, всматриваясь в нее.

Пытаясь понять, что изменилось в ней? Кем стала та девочка, которую он все равно, то и дело вспоминал за эти годы. И не мог разобрать. Вроде бы та же самая, и в то же время, совершенно другая. Незнакомая. Взгляд другой, и черты лица... иные совсем. Тоньше, серьезней, утонченней даже... Будто смотришь на давно известный пазл, а картинка совсем другая из старых деталей складывается, и ее узнать невозможно, хоть и привычные рамки на первый взгляд. Те же брови, лоб, скулы... Губы, которые когда-то не мог не целовать, загорался от одного взгляда... А сейчас она их так напряженно сжимает, будто опасается чего-то. Или его самого?

Хотя, столько лет прошло, чему удивляться?

Он для нее, наверное, совершенный незнакомец теперь. Да и сам Александр, что о ее мыслях знает?

— Привет, — неуверенно ответила Настя. — Не ожидала тебя увидеть.

Замолчала, оглядываясь по сторонам. Все неловко как-то. Будто не к месту, не ко времени.

Верещагин не придумал, что сказать. Пожал плечами, словно не было ничего удивительного в том, что он здесь находится.

— Ты — молодец, Саша, столько всего...

Он услышал, как сзади подъехала машина. Остановилась. Хлопнула дверь. И понял, что времени мало, а надо сделать что-то. Какого черта, вроде бы? А вот испытывал в этом потребность.

Настя быстро посмотрела ему за спину, удобней перехватив свой пакет.

Наверняка, это тренер.

— Я хотел поговорить о вашей секции. С детьми из приюта, — он перебил ее неуверенные похвалы. — Мне сказали, что вам нужны спонсоры?

Настя вновь перевела взгляд на него. И, похоже, в этот раз он полностью завладел ее вниманием.

— Нужны, — чуть нахмурившись, согласилась Настя.

В этот момент из-за его спины вышел Валерий. Обошел его. Александр реально ощутил какое-то настороженное напряжение, которое появилось в пространстве. Исходившее от этого мужчины. Да и сам Верещагин, чего уж, такое же напряжение излучал, глупо было отрицать. Хоть и обосновать для себя такое поведение не особо выходило.

— Александр, — сдержанно кивнул Валерий, здороваясь с ним.

Быстрым взглядом оценил происходящее. И встал рядом с Настей, без слов или просьб забрав у нее пакет из рук. Обхватил за пояс второй рукой, поддерживая.

— Привет, егоза, — наклонился и с улыбкой поцеловал Настю в висок.

Настя улыбнулась в ответ мужчине.

— Валерий, — Саша кивнул в ответ.

Правда, не был уверен, что сумел скрыть свое недовольство появлением этого мужчины. Да и он смотрел на Верещагина с настороженностью.

— Неожиданная встреча? — спросил Валерий, обводя рукой двор и ситуацию, видимо. — Потянуло в отчий дом?

И нормально говорил, вроде, ровно. Только Верещагин затылком чувствовал иронию и недоверие к такому «пояснению», вздумай Александр подтвердить его «версию».

— Саша спрашивает про спонсорскую помощь нашей секции, — Настя повернулась к тренеру до того, как Верещагин успел бы что-то ответить.

Валерий внимательно посмотрел на него, чуть прищурившись.

— Мне директор Дворца Спорта рассказал про ваше начинание и про то, что многие дети, благодаря вам, получили шанс добиться чего-то, — Верещагин прямо встретил этот взгляд. — Он же дал мне адрес. Не думал, что ты все еще живешь здесь, — Саша перевел глаза на Настю.

— Она и не живет, — ответил вместо нее Валера, — хранит вещи. А этим ребятам, да, помощь нужна всегда. У тебя есть какие-то конкретные предложения?

— Есть мысль, — он не пропустил намек на их совместное проживание. И пусть выдержал безразличный вид, внутри резануло. Саша устал сам себе удивляться. — Но хотел бы подробнее узнать о самой секции, и что у вас, да как устроено?

— Здесь и сейчас? — с некоторым удивлением уточнил Валерий. — Во Дворце днем было бы удобней, чем стоя на морозе.

Хорошее наблюдение.

Он тоже так подумал бы, наверное. Но надо же было говорить что-то правдоподобное. Да и Настю эта идея, определенно, зацепила. Он видел, как она начала покусывать губу, словно отвлеклась и о чем-то думала. И почему-то вспомнил, как она иногда ногти грызла, когда волновалась...

— Да, я позже, после разговора с директором, узнал об этих ребятах, и про вашу задумку. Хорошее дело, действительно, — тут он не лукавил.

— Знаю, — улыбнулся и Валерий. — Целиком и полностью Настина идея и заслуга, — он сильнее обнял ее.

— Неправда, если бы не ты, меня бы даже слушать никто не стал! — Настя тут же возмутилась, вмешиваясь в их разговор. — Да, ты с этими детьми, зачастую, больше меня возишься, когда я из-за школы не успеваю!

Все складывалось как-то странно и не так.

Хотя Саша, вроде бы, в принципе, не совсем знал, чего хотел от этой встречи.

— Мы можем об этом поговорить? Меня заинтересовала ваша секция, и я хотел бы помочь. Если я подъеду завтра, около двух, будет нормально? — предложил Верещагин, возвращая разговор в нужное ему русло.

Будто и не он всего пару часов назад собирался вылететь в столицу еще в восемь утра завтра.

— Не раньше пяти. На мне «продленка» завтра в школе, я учитель младших классов, не смогу детей оставить, — Настя виновато и робко

улыбнулась, объясняя. — Или, это не беда, в принципе. Тебе Валера все расскажет и покажет! — вдруг обрадовалась она. — Говорю же, он секцией, часто, больше меня занимается.

— У меня одна тренировка в час заканчивается. Следующая в три, но я смогу подвинуть, если задержимся, — похоже, тренера такой расклад устраивал.

Верещагина — нет.

— Я могу и после пяти. Без проблем, — быстро согласился он, заметив, что Валерию этот вариант нравится меньше. — Приехать во Дворец Спорта?

— Да, — они ответили одновременно.

Переглянулись и улыбнулись друг другу.

Верещагин даже как-то замер.

Вот, что он делает, все-таки? Зачем? Куда лезет? С какого дуба рухнул, что ввязывается непонятно во что по сомнительной внутренней мотивации?

— Нам пора, Настя, — напомнил ей Валерий, вырвав Сашку из водоворота самокопания.

— Саша, извини, мне еще тетради надо проверить на завтра, — с той же виноватой улыбкой, объяснила Настя, словно извиняясь перед ним.

— Да, конечно, — он отступил с дороги, освобождая им путь.

Ответил на прощальный кивок Валерия таким же манером. И какое-то время еще простоял в одиночестве перед старым подъездом, глядя вслед удаляющейся машине, прежде, чем вызвать такси.

ГЛАВА 14 ЧАСТЬ 2

— Удивительно, правда? — Настя посмотрела на Валеру, который следил за дорогой.

— Что именно, егоза? — любимый не отвернулся от дороги, но протянул руку и погладил ее руку, лежащую на коленях Насти.

Она улыбнулась, перехватив его пальцы. Подняла ладонь, на секунду прижавшись щекой к руке Валеры. Отпустила, чтобы он мог нормально управлять машиной на повороте.

— То, что Саша очутился у нас в городе, спустя столько лет, что его секция наша заинтересовала, — перечислила она. — Мне даже в голову такое прийти не могло, — честно призналась Настя.

Валера оторвался от дороги на какой-то миг. Она не успела уловить за эти секунды, что именно светилось в глазах любимого мужчины, но это что-то вызвало в ней какую-то тревогу.

— Валер? — позвала Настя, когда он вновь отвернулся. — Что такое? Ты почему расстроенный?

— Ничего, егоза. В порядке все. Устал. — Валера передернул плечами, словно стараясь

снять напряжение.

— Солнышко, ты не загадывай пока, еще не известно, что за планы у Верещагина, — вновь бросил в ее сторону осторожный взгляд.

Настя устало улыбнулась.

— Да, ты прав. Я, как и обычно, уже тороплюсь. Так хочется для ребят еще что-то сделать. А появление Сашки, это, вообще, фантастика какая-то...

— Да, никакой фантастики, егоза. Его федерация пригласила в страну вернуться, попросили помочь с Лигой, раскрутить. Ну, а наш горсовет тоже не преминул воспользоваться, — как-то сдержанно махнул головой Валера, заезжая в их двор.

Настя удивленно посмотрела на него.

— Так ты знал, что он приезжает?

Валерий полностью заглушил машину, припарковавшись у их подъезда, отстегнул ремень, повернулся к ней.

— Знал, егоза, — его голос звучал напряженно. Да и выглядел он сумрачно, глядя на нее как-то настороженно. — Еще неделю назад знал.

Она удивленно улыбнулась:

— А почему не рассказывал?

Валера сжал зубы, она увидела, как напряглись мышцы на его щеках.

— Не хотел, чтобы ты нервничала или переживала, Настюша, — наконец, с резким выдохом, ответил он.

Отвернулся на мгновение, будто подбирая слова. И вновь глянул ей в глаза. С тяжелым выражением, как-то сумеречно, или это из-за темноты в заглушенной машине так казалось...

— Я помню, как многое он для тебя значил, Настя. И как долго ты переживала ваше расставание. На что пошла ради него. Честно скажу, надеялся, что вы не встретитесь, не хотел ворошить плохое.

Настя удивленно моргнула, глядя на Валеру. И растерянно рассмеялась.

— Ох! Валер, так это же было когда! Ну ты вспомнил, тоже, — Настя покачала головой. — Мне и в голову это не пришло, даже. Я просто удивилась... Да и Саша, я уверена, обо мне и не вспоминал все эти годы.

Любимый как-то внимательно-внимательно всмотрелся в нее:

— Точно? — зачем-то переспросил. — Все нормально?

Чуть наклонился и обхватил ее плечи рукой, прижал к себе.

— Конечно! — Настя улыбнулась шире.

Уткнулась лбом ему в шею. И прямо ощутила, как он расслабился, как это непонятное напряжение ушло. А ведь, и правда, последние дней пять-семь чувствовала, что с ним что-то не так, только любимый все время отмахивался, а ей из-за работы некогда до сути докопаться было.

Настя себя виноватой вдруг ощутила из-за того, что Валера все эти дни так беспокоился о ней, оказывается. Столько переживаний она ему доставила, пусть и невольно. И, в тоже время, так ее тронуло это, что он настолько чуток, так волнуется за нее... Невероятный мужчина. Ей до сих пор иногда не верилось, что он именно ее выбрал, и с ней быть хочет!

— Ну, зачем ты себя изводил, Валер? — с тихим вздохом пожурила его. — Больше волноваться не о чем, разве?

Обхватила руками за шею. Поцеловала в щеку. А он повернулся и завладел ее губами,

начал нежно целовать.

— Ну как я могу о тебе не волновать, егоза? — выдохнул ей в губы, крепко обнял. — Ты же мое счастье. Я бы за твое спокойствие, все что имею, отдал!

Настя тяжело вздохнула, спрятала лицо на его плече. Она знала это. Даже не сомневалась. Пусть он ее и не во все посвящал, но Настя знала, что Валера ради нее от многих вариантов отказался...

— Я знаю, Валера, — прошептала, еще больше ощущая вину.

И он это, конечно же, понял. Изучил за всю их жизнь Настины комплексы и страхи.

— Егоза, прекрати! Не выдумывай! Поняла? — обхватил ее щеки ладонями заставил на него посмотреть. — Даже не вздумай взять на себя все земные грехи. Настя, ну, пожалуйста!

Она виновато улыбнулась и зажмурилась. Вроде и понимала, что он прав, но все это ей в голову и в душу само откуда-то лезло, не подчинялось логике и уговорам, ни Валеры, ни ее собственным. И так паскудно на душе от этого. Ведь ощущала свою вину всеми фибрами. И описать не смогла бы, если бы он спросил, в чем эта самая вина заключается. А все равно — чувствовала.

— Извини, любимый, — поцеловала его пальцы.

Валера тяжело выдохнул и чертыхнулся. Понял, что она не досказала и попыталась внутри задавить?

— Все, хватит. И сидеть тут, и глупостями голову забивать. Пошли домой, давно пора ужинать, — распорядился он, и отпустил ее, вышел.

Настя последовала за ним, согласившись в уме, что, действительно, нечего продолжать тему. Поправила шапку, пока Валера брал ее пакет с тетрадями с заднего сидения.

И крепче ухватилась за предложенную им руку, когда Валера потянул Настю в сторону дома. Запрокинула голову, пользуясь его поддержкой: хорошо сегодня на улице было. Вроде и морозно, а не пробирало до костей, и туч на небе не видно. Зато звезды мерцают. И тихо вокруг, спокойно.

И тут Валера остановился, прямо на пороге подъезда почему-то, вынудив замереть и ее. Настя удивленно повернулась. Он вновь смотрел на нее напряженно. И так серьезно, что она почему-то испугалась.

— Настенька, — Валера притянул ее к себе, обнял за пояс. — Солнышко мое, выходи за меня замуж, пожалуйста. Я знаю про все твои страхи опасения, но, может, хватит нам уже так по жизни метаться, а?

Настя застыла, глядя в его глаза. Закусила губу. Не ожидала.

Хотя... это уже четвертый раз Валера ей предложение делал.

Господи! Ведь, правда же, невероятный мужчина!

И выносил же, терпел, когда она отнекивалась, какие-то отговорки придумывала из-за своих страхов и суеверий. Как страус, голову в песок прятала, боясь чего-то... А ведь Валера никогда не совершил ничего, что ей боль причинило бы. Ни разу. Так, может, и прав он был, когда про приезд Верещагина не говорил? Как ни крути, а, выходит, что Настя из-за прошлой боли, давно прожитой и отправленной в минувшее, как ей казалось, Валеру мучает. Ему не дает уверенности ни в себе, ни в них? Так выходит?

Он все еще смотрел на нее, не позволяя ни отвернуться, ни отступить. И словно сам весь застыл, напряженный, собранный. Даже, как будто, отчаянный в чем-то, точно готовился к какому-то безрассудному «прыжку».

И Настя судорожно выдохнула:

— Хорошо, Валера. Если ты, действительно думаешь, что так лучше, — она кивнула, опустив свои руки поверх его. Словно для большей стабильности и надежности.

Ей было очень страшно, почти до дрожи. Но и правильным показалось. Бог знает, может, выросла, наконец? Смогла отстраненно посмотреть на себя и ситуацию? Или обманывается и льстит самой себе?

А он еще пару секунд смотрел на нее тем же взглядом. Будто не услышал. И вдруг его лицо изменилось... Настя их первый поцелуй почему-то вспомнила. И то же самое выражение нежданного и недоверчивого счастья в глазах Валерия, которое увидела и сейчас.

— Правда? — он притиснул ее к себе. Пакет с тетрадями упал, но они не заметили. Валера прижал ее, обхватив за спину и затылок. Закружил на месте. — Ты согласна, Настя? Поженимся? — он даже приподнял ее, от восторга и радости, продолжая кружить.

Настя рассмеялась от такого обилия эмоций Валеры. От его счастья. И самой так хорошо на душе стало, так радостно и весело! Так светло! Словно и не ночь вокруг, а полдень.

— Согласна, поженимся! — с этим смехом повторила она. — Пусть я, и понятия не имею, зачем тебе такая нужна...

Он дернул ее голову вниз, не опуская Настю на землю. Сблизил их лица, прижал:

— Глупая, — начал целовать губы. — Глупая моя, — щеки покрывал поцелуями. — Самая любимая. Солнышко мое, глупенькое. Детей учишь, а сама очевидного не понимаешь? — опять в губы крепко поцеловал, продолжая Настю кружить. — Но это ничего, не беда, я за нас обоих думать буду, — Валера сам улыбнулся ей в рот. — А ты просто рядом со мной будь.

А она смеялась от этого: от его слов, от доброй насмешки, от такого очевидного счастья Валеры, от своей радости, о которой и не думала даже. Ерошила его волосы, гладила щеки. Задыхалась уже от смеха, и остановиться не могла. Вцепилась в его плечи, пытаюсь удержать равновесие. Так легко на какое-то мгновение стало. Будто над землей взлетела, оставив все свои страхи, все сомнения и неуверенность где-то внизу.

— Ладно, — наконец, опустил ее Валера. — Пошли, все-таки, домой, а то я, что-то сдурел на радостях, на холоде тебя держу. — Потащил ее в подъезд, подняв пакет с тетрадями. — Давай отпразднуем! У нас, точно, я помню, бутылка шампанского есть!

— Давай! — согласилась Настя, все еще смеясь.

И побежала следом за ним по лестнице, ощущая в душе кураж и, словно, фейерверк в голове.

Не хватило у нее времени, чтобы проверить тетради в этот вечер. Наверное, впервые за все годы, что Настя учителем работала. Однако, не критично, вроде бы, а так хотелось продлить этот вечер, внезапно ставший настолько счастливым. Не могла расстроить Валеру, который выглядел даже немного ошалевшим от счастья. Да и сама оторваться от него не могла.

А ночью ей, почему-то, приснилась весна. И старый парк, в котором она когда-то гуляла с Сашкой.

Отель, все-таки, оказался очень хорошим. И лобби-бар работал исправно, несмотря на позднее время. И пусть Верещагин был единственным человеком, который здесь сидел, ни

официанты, ни бармен, даже словом не обмолвились, и не намекнули ему, что пора бы и «честь иметь». Тем более, что Сашка и не пил, по сути. Заказал себе бокал пива, орешки соленые, и сидел уже третий час, периодически обновляя напиток. Впрочем, еще и до третьего бокала не добрался. Смотрел из окон на панораму ночного города, и цедил пиво, неспешно ел орешки.

И даже не смог бы сказать, о чем думал. Ни о чем конкретном, кажется. Вспоминалась, почему-то, давняя весна. И пальцы Насти на его плечах. И ее смех, когда он ее на руки подхватывал прямо посреди улицы, и кружил, кружил, балдея от ее восторга...

Звонила Вероника. Спрашивала, когда он собирается возвращаться? Намекнула, что в столице какие-то важные события: презентации каких-то проектов, выставки и спектакли планируются. И она хотела бы их посетить...

— Посещай, — не спорил он.

Вдруг понял, что, вообще, не хочет сейчас возвращаться. И Веронику пока видеть не готов. То ли устал, то ли пресытился ею и этим желанием протащить его по всем модным местам... А у Сашки сейчас, вообще, не такое настроение было. Разобраться хотелось. Понять, что дальше делать, и куда жизнь свою разворачивать? Чем, вообще, заниматься? Не ближайшиe пару месяцев, а глобально, в целом?

Только, вместо того, чтобы думать об этом, он вспоминал, как выглядела Настя, собирая детей в коридоре, и как весело она смеялась, руководя своими подопечными. Такие простые у нее дела, вроде бы, но такие ему близкие и понятные. Без всех этих гламурных вечеринок и тусовок, без всех «необходимых» связей, от которых его уже выворачивало...

ГЛАВА 15

Настя припомнить не могла, когда Валера был настолько счастливым, как в это утро. Да и ее саму от счастья распирало просто. Не могли расстаться с утра, она чуть в школу не опоздала. Все хотелось еще минутку рядом посидеть, еще немного просто обнимать друг друга. И зачем только отказывалась столько? Ощутила какое-то такое облегчение, свободу от всех своих страхов и сомнений, когда согласилась. А теперь отойти от любимого не могла.

Но все же, успела до звонка. Валера отвез ее до школы, напомнив, что вечером они пойдут выбирать кольца. Ну и про встречу с Верещагиным — тоже напомнил.

И уроки у нее пролетели «без сучка и задоринки», и дети были заразительно веселыми. Или это она им свой настрой сумела передать? И все получалось, складывалось. Вот, редко такие дни бывают, а тут прямо один к одному. И на продленке ее не задержали, все родители забрали детей вовремя. Так что она добралась во Дворец спорта даже раньше немного. Потому и удивилась, заметив Сашу, гуляющего по территории. Не лето, вроде бы.

Изменила направление и пошла в его сторону.

— Привет! — крикнула издали, махнув рукой, чтобы Саша заметил. — Ты давно здесь? Почему не заходишь? Холодно же! — удивилась Настя, приблизившись.

Верещагин поднял руку в ответном приветствии. И как-то махнул головой:

— Нет, я недавно. Захотелось осмотреться, молодость вспомнить, детство, побродить по округе.

— Ясно, — Настя остановилась, ухватившись обеими руками за свою сумку.

Почему-то, внезапно, появилось ощущение неловкости и непонимания, что дальше делать? О чем говорить? И промелькнули воспоминания о том самом детстве и юности. И о

них... О том, как расстались... А смутные картинки почти стершегося из памяти сна, только усилили это растерянное и удушливое неловкое ощущение.

никто не счищал.

Настя не жалела, что тогда поступила так. Ведь Саша всего добился, о чем мечтал. Только сейчас не знала, куда руки деть. И он не спешил заводить какую-то новую тему.

— Пошли внутрь? Я расскажу тебе все, что будет интересно по секции, Валера покажет, — предложила она, возвращаясь к нейтральной теме, которую они сегодня и хотели обсуждать.

Александр же стоял и молча смотрел на нее. Минуты две, наверное. Настя испытала еще большую неловкость, не совсем понимая, что именно данное молчание значит. И как ей стоит реагировать на такое пристальное внимание?

— Саша? — наконец, не очень уверено, позвала его.

Верещагин вздрогнул, словно очнулся от каких-то далеких мыслей.

— А, да. Пошли. — Двинулся в сторону здания. — Так что, Настя, как ты жила здесь? Чем занималась? — спросил Саша, глядя себе под ноги.

Настя улыбнулась. Немного потеряно, но весело, наверное.

— Нормально жила, как все. Обычно. В институте отучилась, стала учителем. Веду младшие классы.

Настя тоже поглядывала на дорогу: скользко все-таки, упасть не хотелось. Ноги то и дело скользили на затоптанном снегу, который

— Ясно, — тут Верещагин протянул ей руку. И по сути, самовольно подхватил Настю под локоть. — Скользко у вас, — объяснил в ответ на ее удивление. — А ты хотела учителем стать, разве? Я не помню такого, — вернулся он к прошлой теме.

Неудобно вроде. Однако, поскольку и сама только-только волновалась об этом, тут же забирать руку не стала. И дергаться глупо, так вернее упасть выйдет. Но при этом Настя испытала какую-то странную неуверенность. Смущение. Эмоции, которые не смогла бы описать, но понимала, что внутри что-то зашевелилось. Возможно, те самые воспоминания о прошлом? Но и приятно, что есть опора. Да и просто, внимание ее тронуло, что подумал о таком.

Настя же задумалась над его вопросом. Она не могла ответить четко и уверенно. Сама не очень помнила, кем хотела стать, когда школу оканчивала. Или это последующие отношения и расставание с самим Верещагиным затерли в памяти все, что им предшествовало? Да и важно ли это? Ведь уже учитель. И любит свою работу очень. Детей.

Потому Настя пожала плечами.

— Хотела, наверное. Сейчас уже сложно вспомнить, что было самым важным тогда, не замечал? Столько всего нового и важного с каждым годом в жизни появляется, — улыбнулась она. — Не представляю сейчас, что могла бы не с детьми работать. Или секцию не курировать. Обожаю каждого из них, — они наконец-то вошли в холл, и она с удовольствием стащила с головы шапку.

Честно говоря, немного по-детски глупо, но она до сих пор ее не забывала надевать лишь из-за Валеры. Потому что он напоминал, увещевал, взывал к здравому смыслу. И не потому, что о прическе беспокоилась или что-то в том же духе. Просто Насте все казалось, что недалеко ей перебежать, не простынет, не успеет. «Давили» ей на голову все шапки и береты, некомфортно и все. Но чтобы любый не волновался, старалась не забывать.

Саша улыбнулся в ответ.

— А своих сколько? — уточнил с усмешкой.

Настя не сразу поняла, о чем он спрашивает. А когда разобралась, настроение неуловимо изменилось, впитав в себя какую-то тревожность. Грусть.

— У нас нет детей, — отвела глаза, потеряв веселье. Начала мять в руках свою шапку. — Не сложилось как-то.

— Прости, — кажется, Верещагин тоже испытал неловкость.

Сам отвернулся, делая вид, что осматривает зал.

— Ничего. Мне хватает забот, — постаралась жизнерадостно ответить Настя.

Саша глянул на нее как-то странно, словно рассматривая что-то.

— А одна ты сколько? — вдруг спросил он, вызвав у Насти растерянность. — Бабушка Аня умерла давно, в смысле? — наверное, заметив ее реакцию, поправился.

Настя улыбнулась, уставившись в глубину холла. Уже пережила то горе. Тяжело было тогда, и скучала, она очень привязалась и любила свою «названную» бабушку. Но сейчас при воспоминании о ней в душе появлялись только светлые эмоции.

— Давно, Саш, больше двенадцати лет назад, уже. Тринадцать, наверное, — вздохнула, начав распутывать шарф на шее. — Только одна я никогда не была. Валера всегда рядом был, всегда меня поддерживал.

У Верещагина какое-то такое выражение на лице появилось. Настя не очень его поняла: то ли задумчивое, то ли хмурое, то ли недовольное. И даже насторожилась. А он уже словно собрался что-то сказать. Только не успел.

— Добралась, егоза? — вопрос Валеры заставил ее обернуться и расплыться в улыбке. — Александр.

Валера подошел к ним, кивком поздоровавшись с Верещагиным. Саша ответил ему таким же жестом. А Настя радостно шагнула навстречу объятиям Валеры.

— Добралась, даже повезло с пустой маршруткой, — сообщила она любимому, позволив ему забрать свою шапку с шарфом. — И мы с Сашей у Дворца встретились.

— Это хорошо, — мягко улыбнулся Валера, помогая ей расстегнуть пальто. — Давай, возьму. Как всегда, жарко? — подмигнул он ей, прекрасно зная, как Настя «любит» утепляться.

Она скривила вредную гримасу в ответ и рассмеялась, с удовольствием избавившись от верхней одежды. Настроение стало таким же замечательным, как и утром.

— Пойдемте? — обратилась с улыбкой сразу ко всем.

— И поговорим, и посмотрим. Мы тебе похвастаемся воспитанниками, которых, возможно, ты уже и на льду встречал, — Настя раскинула руки, будто пытаясь обнять весь Дворец спорта.

Искренне гордилась тем, что они делали, и детьми тоже. Ее бы воля, всем о них рассказала бы, о судьбе каждого радела. И сейчас эмоции переполняли: хотелось поделиться. Воодушевление какое-то испытывала.

— Пойдемте, — поддержал Валера, тоже улыбаясь и с любовью глядя на нее.

Настя будто грелась от этого чувства, столь явно видимого в глазах любимого.

Даже Верещагин улыбнулся ей в ответ и кивком выразил свое согласие идти с ними.

Он смотрел на нее и не мог избавиться от какого-то ощущения «свежего ветра». И дело было не в морозе на улице. Это она вокруг себя такую атмосферу создавала, что все улыбаться начинали. Не только Сашка и этот тренер (который все еще бесил его тем, что все

время обнимал или касался Насти, всячески демонстрируя свои с ней отношения), но и директор Дворца Спорта, случайно встреченный ими в коридоре, и техничка, и какой-то сторож — все они начинали улыбаться, стоило ей с ними поздороваться.

Она заряжала всех вокруг каким-то позитивом, такой светлой и теплой энергией, что Саша сам не понял, когда увлекся тем, о чем Настя рассказывала: осмотрел все оснащение, весь инвентарь, пусть и не новый, но в хорошем состоянии, который они приобрели для этой секции; просмотрел фотоальбом воспитанников, действительно с удивлением узнав пару молодых игроков. И Саша не заметил, как час пролетел.

А вообще, у них все было очень даже хорошо организовано, учитывая, что вся секция держалась на энтузиазме двух людей. Кроме того, как понял Верещагин, на совершенно голом энтузиазме. Зарплата они за это не получали, а из премий имели только благодарственные грамоты от мэрии, выдаваемые по случаю каких-то праздников. Все полученные деньги от спонсоров они использовали на нужды секции. Настя буквально заставила его просмотреть еще и книгу отчетности, чтобы Верещагин не подумал, что они себе эти деньги забирают. Да и все оформлялось через банк, посредством специально созданного фонда. Каждая трата проводилась по отчетности. И никакой зарплаты ни Насте, ни тренеру там не предусматривалось.

Саша искренне не понял, в чем их-то интерес, и даже спросил, ради чего они сами столько времени тратят на эту секцию, если даже какой-то минимальной отдачи не имеют?

— Ой, Саша, зарплаты мы на работе получаем, — рассмеялась Настя.

Оглянулась на тренера. Да и он ответил ей улыбкой.

Они уже вернулись в кабинет Валерия, и сейчас просматривали бумаги. Верещагина же ее ответ не особо убедил. Он, конечно, очень давно не изучал экономику родной страны, но сильно сомневался, что учительница младших классов и тренер в детской секции могут прилично зарабатывать. И не то, чтобы ему дело было, по большому счету. Их же проблемы. Но по какой-то странной причине, захотелось вдруг выяснить, понять. Особенно Настю.

— А тут, — не заметив его удивления, похоже, Настя с любовью посмотрела на фотоальбом, который они так и оставили на столе, сдвинув в сторону, когда начали изучать документы. — Тут это для детей, понимаешь? — она вновь перевела взгляд на него.

Верещагин не понимал, но и говорить об этом не посчитал нужным. Однако, похоже, что Настя и так поняла его недоумение, улыбнулась шире. Снова глянула на тренера, который протянул руку и погладил ее ладонь. Словно поддерживал или ободрял. Странно, Верещагин же вроде, не то, чтобы не верил, просто не понимал их мотивы.

— Ну это, как если бы они были нашими детьми, Саш. Нам же никто тогда не платил бы зарплату, правда? — попыталась объяснить Настя, опять глянув на Сашу с очередной улыбкой. Хотя, уже немного растерянной. — Родителям же не платят денег за то, что они своими детьми занимаются, хоть это и круглосуточные хлопоты.

— Но тут же не один и не два ребенка, десятки, — хмыкнул в ответ Саша. — Да и не ваши.

Он с детьми не сталкивался вплотную с тех пор, как сам вырос. Как-то не было никого в близком круге знакомых с детьми. И весь его взрослый опыт состоял из общения с мальчишками, увлекающимися хоккеем и «болеющими» за его команды. А чтобы столько своего времени тратить на чужих детей, как эти двое, еще и совершенно безвозмездно — Верещагин был удивлен.

— Но мы же и не заботимся о них круглосуточно, — пожала плечами Настя. — Даем столько, сколько можем. И у этих детей — своих родителей нет. — Она отвела взгляд, уставившись в документы. — И «чужих детей — не бывает», так же говорят? — Настя улыбнулась, но это уже было совсем другое выражение лица. И настроение в кабинете иное «повисло». Верещагину неловко стало за свою настырность. — Ведь и мне так много людей когда-то помогли совершенно без оплаты их сострадания и доброты, — с каким-то другим выражением заметила Настя.

И почему-то обхватил себя руками, растерла плечи, словно ей стало зябко. Как-то надавила пальцами на левую руку, особенно. И Сашка ни с того, ни с сего вспомнил, что у нее там большой шрам был, из-за которого Настя смущалась вечно, и не хотела ничего говорить. А он так и не выяснил когда-то толком, как этот шрам появился. Все о другом думал, отвлекаясь, торопясь куда-то.

Верещагину стало неудобно, что пристал с вопросами. И отчего-то грустно, что Настя улыбаться перестала. Да и тренер тут же обнял ее, видимо, тоже заметив изменение настроения. И растер ее плечи, словно считал, что она сама не согреется. Также особенно надавив на левое плечо. Или это Сашке так показалось?

— Ладно, согласен, — решил сгладить Верещагин. Захотелось вернуть прежнее настроение Насте. — Убедила, — он улыбнулся ей, словно просил прощения за свое недоумение и сомнения.

И она улыбнулась ему в ответ. Даже хотела уже что-то сказать, но тут в открытую дверь кабинета просунулась любопытная физиономия пацана лет десяти.

— Здравствуйте, тренер! Анастасия Ивановна, — жизнерадостно поздоровался ребенок.

— Добрый вечер, Паша, — отозвались эти двое почти в унисон.

Рассмеялись, переглянувшись между собой. И Саша себя как-то остро не к месту почувствовал.

— Ты первый? — в этот момент обратился Валерий к ребенку.

— Вроде, остальных еще нет, — паренек интенсивно кивнул.

— Ну, беги, переодевайся. Сейчас и другие подтянутся, думаю, — распорядился Валерий. — У меня еще тренировка на шесть, — пояснил он, обернувшись снова к ним. — Последняя на сегодня. Надо идти. Остались еще какие-то вопросы?

Он посмотрел в сторону Верещагина. И ровно, вроде, без всяких претензий. Да и тон разговора правильный, уточнение к месту. А Сашку что-то заело. Он еще не хотел уходить. Не был готов. Да и секция эта... Не мог он сказать, что был таким альтруистом, как Настя, но им удалось его увлечь и заинтересовать. Это правда.

— Еще пара есть, — пожал плечами Александр, выдержав такой же ровный тон ответа.

Глянул Валерию в глаза.

— А, давайте, я сейчас чай поставлю, — кажется, не заметив, что они уставились друг на друга с подозрительным вниманием и изучением, предложила Настя.

Поднялась со своего стула, прошла мимо Валеры к тумбочке, где стоял чайник, сахар и коробка с чаем. Мимоходом, будто и не задумываясь об этом, погладила Валерия по плечу и затылку. Так привычно и естественно, с нежностью. Тренер тут же повернулся к ней, уже начав улыбаться.

Александр же, даже как-то застыл весь. Он сам это прикосновение как будто

почувствовал. Вспомнил, неясно откуда и как, непонятно, почему именно сейчас, как ее пальцы его кожи давным-давно касались. Как Настя гладила его руку, его плечи, робко и осторожно, но при этом с такой любовью, с такой лаской!

В груди что-то вновь камнем сжалось, как вчера, когда впервые увидел ее.

— Да я не успею, егоза, — отмахнулся тем временем тренер, поймал ее руку и коротко поцеловал пальцы, которые только что гладили его плечо.

— Потом выпьешь, Валер, все равно ты горячий не любишь, — Настя тоже улыбнулась, немного шкодно, как показалось Сашке.

Привстала на носочки, стараясь достать чашки с полки, прибитой над этой тумбочкой. Тренер тут же поднялся, чтобы ей помочь. И Верещагин поймал себя на том, что тоже вперед дернулся. Сел назад, сделав вид, что просто пошевелился, разминаясь.

— Саш, ты чай будешь? — Настя как раз повернулась к нему, попутно включив электрочайник.

— Буду, — откашлявшись, потому что голос внезапно охрип, кивнул.

— Хорошо, — Настя кивнула, словно довольной осталась этим. — И на вопросы, если у тебя еще есть, я отвечу. И печенье еще даже осталось, — она достала с полочки еще и небольшую жестяную коробку, потрясла, немного лукаво поглядывая на Валеру.

Что-то и правда затарахтело в коробке.

Тренер ответил ей такой же улыбкой.

— Хорошо, егоза, давай свой чай. Я после тренировки выпью. И сразу поедем потом. — Мужчина легко обнял ее и поцеловал в висок, наклонившись.

— Договорились! — очень радостно, как показалось Верещагину, согласилась Настя.

Он же сам сидел и молча смотрел на это все со стороны. Вроде и не понимая, какого черта здесь делает? Но и уходить никуда не хотелось вообще.

— Пошел я к пацанам. Приходите на каток, парни перед тобой всегда больше выкладываются, — улыбнулся Насте тренер. — Нравится им, как Настя за них болеет, — оглянувшись в его сторону, объяснил Валера с улыбкой.

— Обязательно, — с готовностью согласилась Настя. Повернулась тоже к нему. — Саш, тебе как чай делать? — уточнила, уже споро готовя напиток для себя и тренера.

Верещагин обратил внимание, что Валерия, который сейчас вышел в коридор, она не спрашивала о таком. Понятно, конечно, что знает, какой чай тренер пьет. Но в голове с чего-то царапнуло, что когда-то она и его вкусы знала. Дурость. Ведет себя, как идиот.

Перевел взгляд на коробку. Дешевый чай, похоже. Давно он такого не пил.

— Две ложки сахара, — ответил.

Настя кивнула и залила заварку водой из чайника, который как раз закипел, шумно булькая.

— Бери печенье, я сама пекла, Валера его очень любит, — продолжая улыбаться, она подвинула в его сторону коробку с печеньем, сосредоточившись на чашках.

Верещагин не смог бы объяснить зачем, но отчего-то встал и подошел к ней, вдруг поняв, что они вдвоем остались. И плевать, что двери кабинета нараспашку, а по коридору носятся дети, все больше и больше, похоже, последние парни на тренировку подтягивались.

Его это не особо отвлекало, мимо прошло. Он как-то целиком на Насте сосредоточился. И в груди горячо стало. И какая-то дурацкая потребность ближе подойти, в глаза глянуть! Сказать что-то ей. Только что? Слова в голову никакие не шли. И горло словно распухло. Сто лет себя таким косноязычным не чувствовал, уже и забыл, как оно было. И коснуться ее

захотелось до дрожи вдруг! Плеча, щеки, погладить осторожно пальцами. Волосы, собранные в косу, расплести...

А Настя будто и не замечает всего, что с ним творится, раскладывает сахар по чашкам.

— Вот, — обернулась, протянув ему кружку. — Держи, Саш.

Удивилась, кажется, увидев, что он рядом. Но не спросила ничего. Вернулась к приготовлению чая.

Он же молча ухватился за посудину, будто для этого и встал со своего места. И печенье из коробки взял, не зная, что еще сделать. Сам на нее уставился, а в голове все так же пусто и горячо. И мыслей миллион ураганом несется, а вычленить что-то, сформулировать толково — не может. Даже досадно стало, елки-палки! Верещагин отломил печенья, пытаясь от этого непонятного ступора в голове и мыслях избавиться. Разжевал и оторопел еще больше.

— Блин, Стася, это же печенье, как в детстве! — сам не поняв, как назвал ее, уставился на коржик в своей руке. — Как мама пекла нам когда-то, — испытал вдруг дикий восторг, рассмеялся Саша, рассматривая кособокую печеньку.

И таким теплом накатило! Такой ностальгией! И рассмеялся, вроде, и хорошо же! А в груди что-то аж защемило! Но по-доброму, с теплом так, приятно. И почему-то вспомнилось, сколько раз они в детстве пили чай с таким вот печеньем на их старой кухне, сидя за столом, накрытым клеенкой. Он даже запах дома вспомнил, того, где жил с мамой и куда так часто Настя в гости приходила. И они о хоккее часами болтали, и о космосе, и о таком количестве сверхважных тайн и секретов...

Мгновение, вроде бы, мелочь. А такая объемная картинка в голове и в носу ароматы детства, и настроение то, уже давно забытое, а в душе — полнота и смысл, которого не ощущал последние месяцы точно. А то и годы...

Настя рассмеялась, хоть и показалось ему, что смутилась немного. Щеки порозовели.

— Да, рецепт тот же. Я часто пеку его. До сих пор. Оно мне вкуснее любого магазинного, да и Валера любит, — объяснила, начав зачем-то поправлять волосы, заправляя прядки за уши.

Словно не знала, чем руки занять, а про чай позабыла.

Потом резко ухватила за чашку. Хорошо, не расплескав. Начала дуть, стараясь остудить напиток. А Сашка стоял и пялился на нее, не мог отвести глаза.

— Так что, Саш? Какие еще вопросы по секции? — уточнила Настя, не поднимая глаз.

Снова волосы назад приладила. Будто мешали они ей, отвлекали. У Верещагина ладонь запекло, так самому это сделать захотелось.

— Да, нет, ясно все, — вместо этого ответил он на ее вопрос. — Вы колоссальную работу проворачиваете на голом энтузиазме, — доел печенье.

Настя как-то нервно рассмеялась.

— Ты так говоришь, словно мы странные, какие-то. Но правда, Саш, эти дети заслуживают помощи. А нам что надо? Нам всего хватает. У Валеры зарплата, у меня. На что нам тратиться? Да и еще доход есть, у Валеры депозит в банке, проценты получаем. Ему, правда, как-то в столицу предлагали перебраться, тренировать там команду. У Валеры же есть образование, он окончил обучение, все необходимые сертификаты получил, чтобы со взрослыми командами работать. Его даже в юношескую сборную приглашали работать, — с гордостью, которая задела Сашу, увлеченно поделилась Настя. — Но он решил здесь остаться. Кто, кроме нас с детьми этими возиться станет? Вот, — она как-то неловко пожалала плечами.

— И квартиру он когда-то купил, когда кризис у нас был, они подешевели тогда сильно. А у него сбережения были, еще со времен спорта профессионального. Вот, мы ее сдаем. И мою сдавать уже думали. На что нам больше надо, правда? Даже ребятам, если не хватает на что-то помощи спонсоров, сами докупаем, — зачастила она, глотая чай, который, как ему казалось, не успевал остыть.

А Верещагину смешно стало. Не по злomu. Просто он уже совсем к иному привык. И доходу, и уровню жизни, и к границам. Не географическим. Материальным. И ее слова про их зарплаты, про их потребности... Такие безыскусные. Такие ему простые показались. И захотелось ей объяснить, что хотеться многого может. И иметь можно столько, сколько Настя себе даже представить не в состоянии сейчас.

Просто она не задумывалась, наверное, из-за всех своих забот и дел, чего желать может.

— Да, вижу, что у вас денег — хоть лопатой греби, — хмыкнул Верещагин. Но без сарказма. Посмеиваясь.

Отставил свою чашку и, перестав раздумывать, протянул руку, ухватив Настю за плечо. Она вздрогнула. Удивленно вскинулась, уставившись на него. А он, и сам не до конца понимая, зачем и что делает, пальцами коснулся ее щеки. Погладил, едва касаясь.

Настя растерянно нахмурилась и отступила немного. Рука сжалась сама собой. Не желал ее отпускать, вдруг понял. Но и не удерживал. Позволил отойти.

— Саша? — как-то смущенно и неуверенно переспросила она. — Так что ты по секции думаешь? — уточнила Настя, оставив свой чай.

Ни черта он в данный момент не думал об их секции! На нее пялился и с места сойти не мог. Но и говорить это — не лучшая идея, по ее испуганным и насторожившимся глазам понял. Хотя, вспыхнувший румянец на ее щеках и порхающие просто ресницы, из-за того, как она часто моргать стала, чуть севший голос Насти — ему это все в голову ударило, почти как азарт от игры. И кровь по сосудам погнало с силой.

Только Настя отошла еще немного к двери, словно опасаясь.

— Хорошее дело придумали, — откашлявшись, кивнул он. — Я хочу помочь. Надо будет завтра как-то это оформить. Может, с нотариусом обсудить. Или я позвоню своему поверенному. Вроде фонда что-то создать для детей этих, — постарался сосредоточиться на том, зачем и пришел сегодня, вроде бы.

А про первопричину всего уже и забыл. И в голове даже не «щелкнуло» ничего. И неинтересно сейчас было, что случилось шестнадцать лет назад. Плевать! А вот чего хотелось, так это подойти и ее поцеловать. Прямо сейчас. Он даже вперед двинулся. Но Настя словно ощутила то, что в нем вдруг забурило, накатило, и сама поспешила с места сойти.

— Пошли, на тренировку посмотрим, да? Уже началась. И дети обрадуются, когда тебя увидят! Ты же герой! Звезда, — снова затараторила она, выходя в коридор. — Мы будем очень благодарны,

если ты сможешь этим детям и секции, Саш, правда! — с чересчур уж сильным воодушевлением заявила Настя, оглянувшись через плечо. — Идем? — замерла в трех шагах от него.

Здрaво, наверное. Непонятно, чем его накрыло. Вроде попустило немного из-за ее смущения и настороженности. Верещагин кивнул, неловко растерев затылок рукой.

— Пошли, посмотрим на тренировку, — согласился он.

ГЛАВА 16

В зале над катком стоял гомон. Родной и привычный Верещагину. Словно в крови его эти звуки жили: скрип и хруст льда под коньками, глухие удары игроков друг о друга, окрики, наставления, свисток тренера, возмущенные споры, возгласы родителей, поддерживающих своих детей. Каждый раз, как заходил на каток — словно дышать иначе начинал, будто встряхивался.

Не сумел сдержаться. Любил это все. И сейчас — улыбнулся, несмотря на полный сумбур в голове из-за непонятной ситуации, случившейся в коридоре по дороге. Настя вон, от него подальше держится и как-то сжалась вся, оглядывается чуть ли не с опаской. Видимо, не понимает, что ему в голову ударило? А Саша и сам бы ответить на этот вопрос не смог.

Какого черта полез к ней?

Вроде бы спокойно вышли из кабинета, обсуждая группу, на тренировку которой сейчас и шли. Разговаривали нормально. Эти ребята, не из приюта, обычная команда, занимающаяся в секции уже около трех лет. Настя рассказывала о сильных и слабых сторонах парней, о чаяниях их родителей, волей-неволей заставляя Верещагина снова и снова вспоминать собственную юность. Уж больно знакомы ему были все эти эмоции и страхи, про которые Настя говорила в данный момент. А она еще и так непосредственно, так эмоционально делилась своими волнениями о детях! Ведь и не ее подопечные уже, а знала о каждом парне столько, что ясно становилась: живет этой секцией и всеми ее воспитанниками не меньше, чем и тренер. Верещагин в уме просто дивился тому, до чего странно жизнь распорядилась и сложилась.

И тут, повернувшись, чтобы глянуть на него во время своего рассказа, споткнулась, словно ногами запуталась. Он протянул руку, ухватив ее под локоть, чтобы поддержать. Это непроизвольно, само-собой вновь вышло, совсем как пару часов назад на улице. Только в этот раз Верещагин ее на себя потянул. Горячей волной накатило то самое дурное желание, что в кабинете недавно тело выкручивало неясно сильной потребностью ее поцеловать. Но он пытался оставаться разумным.

— Странно, правда, Стася? — спросил Верещагин, при этом крепко держа ее в своих руках, зачем-то вглядываясь в удивленно-распахнувшиеся глаза. — Жизнь так интересно сложилась, не думала? Кто б предугадал, что ты с этой секцией настолько связана окажешься, когда за меня болеть первый раз пришла?

Нормальный вопрос, в принципе. У них весь вечер воспоминания всплывали, как-никак. Не продолжай он при этом обнимать ее. Да еще и так крепко. Не обхвати щеку ладонью. Не вглядывайся так в ее глаза.

Стася растерялась. Было очевидно, что она не ждала от него ни такого поступка, ни такого вопроса. Ее глаза удивленно распахнулись, глядя на него с опаской и немного встревоженно.

— Не знаю, Саш. Я не задумывалась об этом, как-то, — она попыталась податься назад, отстраниться.

Но он, и для себя не разыскивая объяснения этому, не позволил. Так и удерживал ее рядом с собой.

— Саш? Пошли на каток? Уверена, дети уже слышали о том, что ты тут появляешься в

последние дни, и ждут, надеются... — Возможно, она пыталась напомнить ему об окружающей действительности.

Но Верещагин, вообще непривычно для себя, утратил контроль. Его куда-то занесло, а куда именно, он и сам не ответил бы сейчас. Как и на вопрос о смысле совершаемого. Его несло, будто шайбу на льду. А причины такого — не вызывали в данный момент внутреннего интереса.

— А ты, Стася? Ты ждала все эти годы? Надеялась на встречу со мной? Вспоминала? Или забыла? — прошептал он, наклонившись ниже к ее лицу.

Ее глаза, кажется, распахнулись еще больше. И на щеках вспыхнул какой-то лихорадочный румянец, который он ощущал ладонью. Дыхание сбилось. И Настя прикусила губу.

Господи! Она и понятия не имела, какой эффект это оказало на него, однозначно! И они одни посреди пустого коридора...

— Саша. Я действительно не думаю, что это — стоящая тема для разговора, — тихо начала Настя. — Я очень рада, что ты достиг всего, о чем мечтал и, разумеется, я помнила о тебе всегда. Но не думаю, что нам стоит сейчас, вот так, об этом говорить...

Стася снова постаралась высвободиться из его объятий, только теперь гораздо настойчивей и упорней. Еще немного — и это станет напоминать борьбу.

Но в Верещагина словно бес вселился. И вместо того, чтобы услышать доводы разума, он передвинул ладонь, обхватив затылок Насти, зарылся пальцами в ее волосы.

— Знаешь, Стася, хотел этого с первой минуты, как тебя вчера увидел,

— забыв уже о своем вопросе, тихо признался он.

И наклонился, прижавшись к губам Насти, которые удивленно приоткрылись.

Его словно током ударило! Взбудоражило всего. Будто окунуло в то время, когда еще ни проблем серьезных не было, ни давящих на плечи вопросов и обязательств. И казалось, что нет невозможного, на все способен, любые горы свернуть ему по силам! Ее запах, почти не изменившийся за эти годы, ощущение кожи Насти под пальцами, ее губы, которые он целовал — все это одурманило Верещагина, на несколько секунд заставив забыть обо всем на свете.

Пока через этот морок до него не начало доходить, что женщина в его руках не совсем разделяет восторг Саши от происходящего. Настя, поначалу просто замершая, сейчас активно вырывалась. Просто он, привыкший и натренированный в потасовках на катке, держал очень крепко, даже не отдавая себе в этом отчета.

— Саша! Отпусти! — ей удалось отодвинуться, когда он немного в себя пришел. — Что ты делаешь? Зачем? У тебя же невеста?! И я...

Она смотрела испуганно и удивленно, точно недоумевая из-за его поступка. И явно старалась Сашу одернуть. А он смотрел на нее во все глаза и почему-то улыбался.

— Ты откуда про невесту знаешь? — усмехнулся он, отведя от лица Стаей растрепавшиеся пряди, выбившиеся из косы.

Настя часто заморгала, словно из-за смущения пряча взгляд.

— Я слежу за хоккеем, Саш, работа такая. И твоей жизнью интересовалась. Не чужие же.

Несмотря на то, что объясняла, она все же отступила от него на несколько шагов, как только Верещагин ослабил хватку рук. А он решил не удерживать, явно видя, что это доставляет Насте дискомфорт. И все-таки показалось, что не так уж и противно ей было в

его объятиях и от поцелуев — не воротило. Просто, наверное, не стоило нахрапом это все... Или выдает желаемое за действительное?

— Значит, вспоминала... — протянул он задумчиво.

— Саша, это странно все, мне кажется. И совсем не нужно. Ни тебе, ни мне. Мы с Валерой собираемся расписаться. У тебя — своя жизнь, — Настя как-то потерянно обхватила себя руками, словно озябла.

И продолжала держаться вдалеке, поглядывая на него с опаской.

— Я пойду на тренировку, — не закончив прошлой мысли, заявила она.

Резко развернулась и пошла к залу.

— Я с тобой, — пришлось крикнуть Верещагину вдогонку, потому как темп Настя с ходу задала приличный. И поторопился следом.

А теперь вот, и сам терялся в догадках — зачем так поступил? И стоило ли оно того? Для чего вздумал ворошить то, о чем толком и не думал все это годы, обходясь лишь воспоминаниями? Странная ситуация для Верещагина. И самое непонятное, что ничего иначе совершить не хотелось. Наоборот, снова бы поцеловал ее, не будь сейчас в зале полно людей и внимательного Валерия, кажется, и во время тренировки уловившего, что с Настей что-то не то. Уж очень часто тренер отвлекался от ребят, поглядывая на то место, где стояла его невеста, выходит, едва не прилипнув к пластиковому ограждению.

В разуме царила полная сумятица. Настя просто не понимала, что произошло и зачем Саша так поступил? Зачем спрашивал — вспоминала ли она о нем? Зачем обнял? И менее всего Настя понимала, для чего он ее поцеловал?

Это не укладывалось для нее ни в какие рамки! Да, они когда-то встречались. Да, он говорил тогда, что любит ее. И она любила его. Горячо, страстно, со всей пылкостью первой любви.

Но разве Настя не обидела его тогда, порвав все отношения без объяснений? И он ведь ни разу за эти годы не предпринял ни единой попытки встретиться с ней или что-то выяснить. Да и сейчас — не спрашивал о прошлом. Просто целовать начал, будто удержаться не мог.

Зачем? Почему?

Настя же видела себя в зеркале каждый день. И прекрасно понимала, что далека от образа роковой женщины, которая могла бы его своим видом сразить при первой встрече после долгой разлуки. Да и не молодела, заботы вечные, проблемы. И что-то особое делать с собой ей, чаще всего, было просто некогда. С чего бы Саше ее целовать? Вокруг него — десятки женщин в разы красивее, наверняка. Тем более что невеста у него — красавица, если судить по прессе. Или он из-за воспоминаний о том, как она и порвала когда-то их отношения, решил теперь «потребовать оплаты» за свою помощь секции таким способом?

Так ведь видит же, что она не свободна! И не ищет же Настя ничего такого. Не давала же ему ни повода, ни намека...

Ничего непонятно. И даже страшно немного. В животе похолодело. Поэтому, наверное, и сердце так тарыхтит в груди. И руки дрожат настолько, что пришлось обхватить себя, засунуть пальцы в подмышки. Вся «как на иголках», аж потряхивает, кажется. И лицо горит.

Валера точно заметит, что с ней не так что-то. А что ему сказать? Как объяснить случившееся? И стыдно так перед любимым, что просто невыносимо. И страшно говорить,

чтобы он еще не натворил глупостей в порыве ее защитить. Не стоит ведь этого ситуация, наверное.

Отошла от Верещагина, чувствуя себя полностью сбитой с толка и даже немного испуганной таким вихрем мыслей, эмоций и ощущений, которые заполнили душу и голову. Неловкость, которой не чувствовала при встрече, и которую впервые ощутила сегодня на улице, у Дворца Спорта, вновь затопила мысли и сердце. И подумалось, что Настя его легко встретила, общалась и относилась так, словно бы Саша пару недель назад куда-то уехал. И она его хорошо знает.

А на самом же деле, все не так: они не виделись долгие годы. Куда больше, чем все время, что знакомы были, несмотря на огромное количество событий и эмоций, которые их раньше связывали, делая лучшими друзьями. Однако сейчас — это совсем чужой человек, и Настя совершенно не представляет, о чем он думает и что в его голове за мысли? И от этого еще больше не по себе. Как и от того, что его поцелуй все-таки что-то затронул в ней, заставив вспомнить такое далекое прошлое...

Больше они не говорили этим вечером. Ни возможности не было особой, ни желания у Насти, как понял Верещагин. Хоть он и попытался извиниться.

Да и сложно было бы ее упрекнуть, наверное. Честно говоря, спустя минут десять трезвого обдумывания, ему самому стыдно стало за свое поведение перед Настей. Как дикарь какой-то! Неудивительно, что она потом все время пряталась за Валерия и с такой опаской косилась в его сторону! Как еще не пожаловалась своему тренеру, тот бы точно устроил разборки. Да и Саша не знал бы, чем возразить. Полез к чужой женщине, как ни крути. Несмотря на это глупое и алогичное убеждение, что Настя до сих пор ему принадлежит, несмотря на раздражение и тягу к ней, умом же понимает — все не так в реальности обстоит. И он — никто ей. Тень прошлого. И не имеет никакого права лезть в их жизнь или к самой Насте. Да и еще целовать вопреки ее воле. Как бы сильно самому Верещагину этого не хотелось. А ведь она ясно дала понять, что не хочет этого. Только у Сашки ум за разум заехали в тот момент.

Короче, в полном раздрае и запутавшись в своих собственных мотивах, он возвращался в отель на такси. Бессмысленно смотрел в окно и дивился самому себе. Не узнавал Верещагин себя. Но и просто развернуться и уехать, вернуться в столицу, как подсказывали здравый смысл и совесть, никакого желания не имелось. Да и пообещал же уже, что поможет им с этой секцией. Завтра юридические вопросы решит.

Не сидел долго: поужинал, да лег отдыхать. Пытался избежать размышлений, анализа собственных поступков за сегодня, которыми не видел смысла гордиться. Вообще, нечем. А утром был разбужен звонком администратора, который спрашивал: может ли он пропустить к их гостю невесту? Ожидает ли Александр Верещагин кого-то?

Откровенно говоря, он Веронику не ждал. Да и не соскучился еще особо. Более того, за эти несколько дней разлуки у Саши созрело стойкое убеждение, что он и не хочет с этой женщиной свою жизнь проводить. Такой чувство, словно познакомился впервые, а не находился в этих отношениях несколько лет. Раньше все не до того было: игры, сборы, постоянные тренировки и разъезды. Они жили вместе, вроде бы, а при этом и не знали ничего друг о друге по-человечески, проводили вместе считанные дни и недели за год. И она бы точно не стала печь ему печенью. Скорее бы пальцем у виска покрутила, заметив, что в магазине полно, на любой вкус и достаток, какой смысл ей на подобное время тратить?

Самое смешное, что еще несколько дней назад Сашке и в голову бы не пришло к

Веронике именно по этому поводу придирайтесь. А сейчас вспомнилось, как Настя, и так ведь загруженная заботами и делами, сама коржиками занимается. Словно больше ей время тратить некуда. А все потому, что тренер этот — любит печенье, которое она печет.

И не сказать, что «заело» его, а все-таки цапнуло где-то внутри. Как и многое из того, о чем и сам думал в последние месяцы, а за эти несколько дней — переоценил, словно с нового угла глянул на их отношения. И не видел он в них ни перспективы, ни радости для себя. Да и какого-то облегчения, спокойствия рядом с Вероникой — не чувствовал.

Разумеется, сейчас он не стал говорить всего этого администратору, пусть сюрприз и оказался скорее неприятным. Разрешил пропустить Нику в номер и пошел умываться.

Она не заставила долго себя ждать. Уже через несколько минут появилась на пороге с огромным чемоданом, который катил за ней сотрудник отеля. Нарядная и яркая, с таким макияжем, словно бы сейчас не восемь утра было, а поздний вечер и она в какой-то модный клуб собиралась.

Вероника в принципе за модой следила. Но не в классическом понимании этого слова, в «современном». Ее кумирами и ориентирами — были известные блоггеры из соцсетей, «фишки» которых она неизменно подхватывала и воплощала в жизнь, стараясь соответствовать всем, самым ультрамодным тенденциям. Ранее Верещагин просто не знал об этом. За последние месяцы, уже тихо бесился от ее постоянной поглощенности копированием и повторением чьих-то решений и выбора. Да и не сказать, чтоб он был настолько продвинутым ценителем всех этих ухищрений, когда свою девушку толком ни обнять, ни поцеловать не можешь, чтобы ей макияж не испортить (доведя до истерики, так как она несколько часов на этот «шедевр» потратила) или самому потом от ее косметики отмываться.

И отчего-то как раз в этот момент вспомнилось, что Настя и помадой не пользовалась, кажется. А его вон как вчера тянуло ее поцеловать. В голове просто переключилось.

— Сашенька!

Вероника с порога повисла у него на шее, не дожидаясь, пока они останутся вдвоем. Вроде и прижалась всем телом, дав прочувствовать объемный бюст, и в тоже время не забывала об осторожности с тем самым макияжем, аккуратно коснувшись его губ своими, будто вечно недовольно надутыми.

Верещагин одернул сам себя. Заносило его уже. Придирайтесь начал, вменяя в недостатки Вероники то, на что ранее просто внимания не обращал. Ведь и до этого она такие гримасы строила: то ли мода такая сейчас, то ли губы так ей больше и пухлее казались. Но именно в данный момент, видимо из-за общего раздражения и отсутствия понимания дальнейшего вектора его жизни — это просто взбесило. Ведь красивая же. Эффектная. Умеющая себя подать. А ему все «мимо» из этого в последнее время.

Хандра и депрессия? Возможно. Не он первый, не он последний. Но что же Настя тогда встряхнула так?

— Доброе утро, Ника. Удивила, — осторожно отодвинул ее от себя и пошел к мини-бару за водой. — Тут какое-то мероприятия предполагается, о котором я не знаю? — поинтересовался причиной непонятого ему визита.

Ведь еще совсем недавно вовсе не рвалась в «провинцию». Открыл бутылку с минералкой и отпил, ожидая ответа.

Вероника рассмеялась. Медленно расстегнула шубку и небрежно отбросила на кровать.

— Никаких мероприятий, Саш! Я по тебе соскучилась. А ты тут сидишь и сидишь. Словно в столице заняться нечем, — добавила в голос немного капризности, будто обвиняла его в том, что он здесь занят чем-то, а она там томится без него. — Вот и решила приехать.

— Не предупредив? — хмыкнул Верещагин. — Разговаривали же вчера.

— Экспромт, — улыбнулась Ника в ответ и вновь подошла, обняла его за пояс, явно начав заигрывать. Прощась прохладными ладонями по плечам, в волосы пальцы погрузила.

— А если бы меня не было здесь, что делала бы, неожиданная такая? — хмыкнул Саша, немного отодвинувшись.

Вероника насторожилась, изменилось выражение глаз, лица. Проявилось какое-то недовольство, которое она тут же попыталась скрыть.

— Подождала бы тебя в холле, там неплохой лобби-бар, как я успела заметить, — постаралась спрятать все за улыбкой. — Ты же не пропал бы на целый день? Чем тебе здесь заниматься? — вроде и с усмешкой, но явно же видно, что что-то ей не понравилось.

И оба словно чувствуют, что изменилось многое за несколько дней. Что не готовы больше катиться по прошлой колее.

— У меня встреча с нотариусом назначена, — спокойно пожал плечами в ответ Саша. — На десять. Но мог же и на час раньше договориться. Тогда бы меня здесь уже не было. И потом дела есть, присмотрелся здесь к одной секции для детей из сиротского приюта. Хочу спонсором выступить. Помочь. Долго пришлось бы ждать, Ника. А набрать ведь не сложно было бы, предупредить о приезде. — Отставил воду и направился в ванную опять, собираясь побриться и душ принять, раз уж разбудили уже.

Вероника же улыбнулась вновь. Так, словно другого приема ожидала, но и после его объяснений успокоилась вроде.

— Тогда бы и звонила, Саш, — потянулась за ним в ванную. — Решала бы что-то. Хотелось тебе сюрприз устроить. Порадовать. И ведь удалось, — обхватила его за пояс со спины, пока Саша бритву брал.

Опять прижалась всем телом. Теперь уже однозначно и с явным подтекстом. Посмотрела в глаза через зеркало. Верещагин же ответил ей задумчивым взглядом, явно не таким, на который Ника рассчитывала.

Нельзя сказать, что тело не отреагировало. А вот умом и нутром, как-то не захотелось. Не дрогнуло ничего.

— Как сказать. Я что-то разлюбил сюрпризы, — хмыкнул он.

И включил бритву, сделав вид, что звук от работы механизма мешает ему продолжать разговаривать.

ГЛАВА 17

Она так и не рассказала Валере о поцелуе. Сначала как-то не до того было в толчее и суматохе окончания тренировки, пока Валера с родителями мальчишек говорил, из тех, кто подошел по поводу каких-то вопросов. Да и Саша, наверное, воспользовавшись именно этой суматохой, все же подошел ближе. Шараться от него при всех было бы совсем уж странно.

— Прости. Я действительно не хотел тебя обидеть. И поступил глупо, — заметил он негромко, пока сама Настя стояла, держась за руку Валеры.

Любимый все еще объяснял что-то отцу одного из парней. Но ладонь Насти сжимал крепко, словно ощущал ее растерянность и давал поддержку. Как и обычно.

А так как Настя не сумела ни понять, ни разобраться в мотивах Саши и его поступка, то лишь кивнула в ответ на это извинение, даже чуть больше заступив Валере за спину. Ограничилась настороженным взглядом. Не знала, о чем теперь говорить и как?

Верещагин это уловил, кажется. Не пытался больше приблизиться. Махнул им обоим на прощание, вклинившись в промежуток между толпящимися ребятами и их родными.

— Я поехал. Завтра проконсультируюсь с нотариусом и своими юристами. Приеду тогда, окончательный результат расскажу, — стараясь перекрыть гомон людей, пояснил он.

И ушел. Вроде бы нормально все. Тихо и спокойно.

Потому Настя и не упомянула о случившемся, когда Валера, наконец-то отпустив всех, крепко и горячо ее обнял.

— Что случилось, егоза? Ты почему вся словно трясешься? — внимательно заглянул в ее глаза.

Настя улыбнулась ему, вдруг почувствовав себя легко и спокойно. Надежно и уверенно рядом с ним. — Тебе Верещагин что-то сказал? — чуть напряженно поинтересовался любимый.

— Ничего, — она вздохнула. — Просто... Знаешь, пришлось убеждать его, что это нормально: заботиться о детях, помогать, не ища в этом способа заработать. Он словно насмеялся над этим. Над тем, что мы делаем. Не зло, — поспешила успокоить то ли себя, то ли Валеру. — Но как-то недоверчиво, что ли... Странно стало. Подумалось, что он стал совсем другим...

Валера усмехнулся краешком губ.

— Мы все изменились, Настенька. Люди меняются — это закон жизни.

— Да, ты прав, — вздохнула она. Опустила голову на плечо любимого. — Просто я его, наверное, неправильно оценивала. Не знаю, воспринимал, как того мальчика, с которым дружила когда-то...

Валера помолчал некоторое время, глядя ее по шее, затылку, словно напряжение снимал. Собирал волосы в жменю. А потом потянул голову Насти вверх за подбородок.

— Так что, егоза? Едем тебе кольцо покупать, пока еще магазины не закрылись? Или передумала уже? — вроде и с улыбкой, но как-то внимательно всматриваясь в ее лицо, поинтересовался Валера.

А она расплылась в улыбке просто. Сама не сумела бы другого слова подобрать.

— Едем, любимый! — даже немного притаптывая на месте от ощущения радости, которое мигом вскружило голову, уверенно заявила она.

Чем заставила Валеру буквально рассмеяться. И еще плотнее, еще теснее обнять ее.

— Егоза, я действительно недоволен.

Настя рассмеялась на такое заявление Валеры. Искренне и открыто. Еще раз полюбовалась на свое новое кольцо. И поцеловала любимого в щеку. Погладила нахмуренный лоб.

— А я — очень довольна. Кольцо — прекрасное. И мне та-а-к нравится! — она отставила свою сумку и начала расстегивать пальто.

Они только вернулись домой. Оба уставшие и голодные. Валера посчитал, что она пытается на себе сэкономить и не позволяет ему купить «нормальное» кольцо. Но ей это в

самом деле понравилось.

— Ты так выбирала, словно на последние деньги! — продолжал ворчать Валера, так же раздеваясь. — А это же — на всю жизнь кольцо. Могла себе и подороже что-то взять. Я хотел тебе самое лучшее выбрать. Есть же деньги, зачем так...

— Валера, — Настя, уже было направившаяся в сторону кухни, чтобы разогреть ужин, вернулась и крепко обняла его. Прижалась щекой к груди любимого. — У меня — ты самый лучший, и на всю жизнь. А кольцо... Это же так, только украшение и все, пусть и символичное. — Поцеловала его в губы, легонько привстав на носочках. — И потом, ну куда мне в школу или на каток — вычурней и дорогое? С камнями? Не дай Бог, вылетят. Зачем? Ведь красиво же?

Она вытянула руку и они оба посмотрели на кольцо: оно словно состояло из трех отдельных колец, выполненных из красного, белого и желтого золота, соединенных причудливым образом в одно. Консультант в магазине убеждал их, что это эскиз какого-то известного ювелирного дома и оригинал стоит несколько десятков тысяч. Это копия, разумеется, и стоило кольцо в самом деле не очень дорого. Но Настю оно подкупило своей простотой. Сдержанностью даже. Гладкой поверхностью, которая точно не будет нигде цепляться. Да и снимать не придется, а значит — не забудет и не потеряет.

— Красиво, — наконец, неохотно признал Валера. Взял ее руку и поцеловал пальцы. — Но мне кажется, что ты снова на себе экономить пытаешься. А ведь заслуживаешь самого лучшего...

— Так у меня и есть все самое лучшее, Валера, — рассмеялась Настя. — Жизнь прекрасная, ты — замечательный, наши парни, мои ученики... Все самое лучшее. А кольцо, это просто символ этого всего, и только. Пошли лучше поужинаем? — предложила она, пожав плечами. — Я страшно голодная.

Он внимательно всмотрелся в нее, словно пытался проверить, действительно ли Настя так думает.

— Хорошо, егоза. Если ты так думаешь — то я и доволен, и счастлив, — действительно успокоившись, кажется, улыбнулся Валера. Поцеловал крепко в губы. — Пошли ужинать.

Утро снова показалось им каким-то невероятно счастливым и радостным. И погода вроде бы пасмурная, и не выходные еще.

А настроение у обоих замечательное. Проснулись рано, до будильника, и долго подняться не могли, оторваться друг от друга. Просто полежать вместе хотелось, обнимая и целуя другого. Словно спокойствие какое-то наконец-то нашли, полную уверенность в будущем. И из-за этого такой миру в душе, такое благоденствие!

— Ты сегодня приедешь уже на тренировку? — спросил Валера, готовя им кофе. — Мне самому Верещагина встречать?

Сел на стул, потянул ее к себе на колени. Часто теперь так стал делать. А Настя себя поначалу не к месту ощущала, все боялась, что ему неудобно, тяжело. Теперь же приноровилась, расслабилась, сама наслаждалась этими касаниями.

— Да, мне же мальчишек еще забрать надо, — улыбнулась. — Я, кстати, с тобой поговорить хотела кое о чем, — вспомнила Настя.

Занервничала, даже закусил губу. Не знала, как Валера отреагирует, волновалась, все откладывала разговор.

— О чем, егоза? — поднял голову любимый и с интересом посмотрел на нее.

Чуть нахмурился, наверное заметив, что Настя нервничает.

А у нее словно ком в горле встал. Будто девчонка малая, а не учительница, честное слово! Смотрит на него распахнутыми глазами, губы кусает и никак не решится хоть что-то сказать.

И тут, будто позволяя ей передохнуть, у Валеры телефон начал звонить.

— Сейчас, одну минутку, егоза. Это Богдан. Странно, чего трезвонит с утра? Может, случилось что-то, — удивился Валера, посмотрев на экран телефона.

— Конечно, отвечай, — Настя поднялась, даже радуясь этой передышке и помехе.

Отошла, чтобы не мешать разговору. Да и спохватилась, что тесто на оладьи смешала и отставила, а сам- то завтрак себя не пожарит.

Богдан был старым другом Валеры, еще со школы. И эти двое умудрились свою дружбу сохранить на все эти годы, куда бы каждого из них не забрасывала судьба. А помотало обоих немало. Если Валера объездил всю страну и часть зарубежья с хоккейной командой, то Богдан помотался по военным частям и тем местам, о которых вслух упоминать никто не любил, да и не разрешал. И при том, что не виделись, бывало, по несколько лет кряду, остались настоящими друзьями. Насте это удивительным казалось и таким замечательным! Хотя когда Валера ее знакомил впервые с Богданом — смущалась очень, он ей таким серьезным и строгим показался. Даже страшным немного. Да и она тогда еще почти девчонка была. Они даже не встречались с Валерой.

— Егоза, я без завтрака, — Валера подошел сзади, пока она следила за сковородкой. — Богдану помощь нужна, попросил сейчас подъехать. Там дело на полчаса, но срочное. Я до тренировок как раз успею. Ты сама доберешься до школы? — немного обеспокоено уточнил он.

— Конечно, — Настя рассмеялась. — Тут пешком — десять минут. Дойду. А вот то, что ты без завтрака, плохо. Давай я тебе с собой эти оладьи заверну? — махнула рукой на сдобу, которая уже дожаривалась. — Между тренировками перекусишь с чаем?

Валера улыбнулся так тепло, что она зажмуриться захотела.

— Хорошо, егоза, давай. Люблю тебя, — поцеловал в губы. И пошел собираться. — Да, о чем ты поговорить хотела, Настя? — остановился на пороге кухни и вопросительно глянул в ее сторону, только вспомнив.

— Да, ни о чем, — с улыбкой отмахнулась Настя. — Это не срочно. Вечером поговорим.

— Точно? — не совсем убежденно переспросил Валера.

— Точно-точно, — рассмеялась она, испытав облегчение. Будет время еще раз все обдумать, подобрать слова и рассказать о том, что не давало покоя душе. — Беги, одевайся. Я пока соберу тебе завтрак. И Богдану привет передай.

— Хорошо, — улыбнулся Валера в ответ и скрылся в коридоре. — Я его свидетелем попрошу у нас быть, ты не против? — донеслось до Насти из комнаты.

— Конечно не против, — ловко снимая оладьи, отозвалась Настя, ощущая все то же беспричинное счастье.

Сашка молча бесился, но старался держать себя в руках. Понять не мог почему, но его каждое слово, каждый шаг Вероники раздражал сегодня. С самого утра, как появилась в номере, так и бесила его. И никаких объективных причин вроде. А все не «в точку», все «мимо» в ее словах, движениях, наигранном смехе и попытках то и дело прижаться к нему. Странно, но он когда один эти дни жил — себя гораздо умиротворенней и спокойней чувствовал, чем с Никой сейчас.

Она увязалась за ним и к нотариусу, и при телефонном разговоре с юристами пыталась присутствовать, пока Сашка просто не ушел из номера, выразительно глянув на нее с яростью. Еще и все время лезла с замечаниями, что Саша не миллиардер, хоть и хорошо обеспечен. К чему так деньгами разбрасываться? Нет, благотворительность — это замечательно и для имиджа полезно. Но можно же выбрать какой-то объект приложения известней. Или, наоборот, поущемленной, чтобы резонанса побольше, и о нем, о его помощи — написали в газетах, а может, и телевидение подключить. И в столице лучше, там заметней будет. А так, какой толк тратиться на секцию, о которой и не слышал никто? Да и не то, чтоб совсем без денег эти дети сидят, кто-то же занимается уже ими?

Саша смотрел на нее — и диву давался. И вроде бы что-то в словах Вероники перекликалось с тем, что он сам вчера Насте говорил.

А теперь со стороны слушал, и его аж передергивало от отвращения! Неудивительно, что Стася так на него смотрела при этом. Ощущение, будто нет ничего в жизни важнее денег и материальной ценности всего, в том числе и оценки его, как человека. А он еще и целовать ее полез после этого! Вот это впечатление составил о себе, наверное. Сейчас самому дико и гадко было вспоминать.

Не поцелуй. Мысли о нем так же будоражили Сашку, как и вчера. А собственное дурное поведение.

Пару раз одернул Нику. Поначалу аккуратно, пытаясь намеками донести, что ее вмешательство в разговор вообще неуместно. Потом, когда Ника не вняла, просто рявкнул, что ее это касается меньше всего. И он сам будет решать, как ему своими деньгами распоряжаться и кому помогать.

Она насупилась, всем своим видом демонстрируя обиду. Но хитрая, уже через несколько минут принялась лнуть к нему и извиняться, делать вид, что признала — действительно, перегнула палку и не в свое дело влезла. Просто помочь хотела. Ведь они вот-вот поженятся, и его заботы — и ее волнуют.

Верещагин промолчал пока о том, что уже искренне сомневается в том, хочет ли и будет ли на ней жениться? Не место было говорить о таком. Еще раз внятно повторил, что сам разберется со своими заботами. Если Ника уже приехала и пошла с ним, то Саша будет благодарен, если она спокойно посидит в стороне, не вмешиваясь. Это ее задело и насторожило, по глазам увидел. Но и дурой Ника никогда не была, поняла, что сейчас действительно лучше отступить. Впрочем, Верещагин подозревал, что она на этом не успокоится.

После встречи с нотариусом и обсуждения с юристами, когда у него в голове более-менее сложилась картинка того, как лучше всего оформить его помощь, Верещагин набрал Валерия, чтобы договориться о встрече. Ему вчера дали только визитку тренера. Согласовав, начал собираться, если честно, рассчитывая передохнуть от Ники. Да и с Настей тянуло увидиться. Даже настроение на поправку пошло, когда думал, что вот-вот встретится. Улыбка сама собой на лице появлялась, когда вспоминал ее оптимизм и кипучую деятельность с ребятней.

Но Ника и тут не отцепилась. Начала ныть, что не хочет в номере сидеть и совершенно не представляет, куда в этом городе пойти можно? Да и хочется посмотреть на места, где Саша вырос, где он начинал тренироваться.

Его всегда раздражал этот плаксиво-капризный тон маленькой девочки. Как гвоздем по стеклу, вот правда! Аж передергивает. Но и не мог не признать, что особого интереса

торчать в отеле — нет. И хоть Вероника сама приехала, без приглашения, смирился. В конце концов, она не чужой ему человек. И пусть он сейчас сам не был уверен в том, готов ли продолжать с ней отношения, но и вести себя, как сволочь — не хотел. Потому, скрепя зубами, взял Веронику с собой, посмотреть на тренировку секции и обсудить все нюансы оформления помощи.

Правда, внятно и четко предупредил, чтобы не вмешивалась ни во что.

Хотя — это все равно оказалось плохой идеей по итогу. Вероника хоть и молчала, а своим внешним видом и насмешливыми гримасами умудрилась всем дать понять, что она думает и о Дворце Спорта, и о затее жениха, и о самих Насте и Валере, занимающихся такой «чепухой». Он умел понимать суждения Ники, все же достаточно времени рядом провел. И видел, как она свысока поглядывает на Настю, пока та рассказывает о каждом мальчишке из приюта, который посещает тренировки. У него самого оторваться от Стаей не получалось. Верещагина очаровывало то, как по-доброму, с любовью она относилась ко всем подопечным. Как радела за каждого.

Вспомнилось, как Настя за него самого всегда на тренировках «болела», как поддерживала и верила, что Сашка добьется своих целей, что лучше всех и достоин. Сейчас же — давала такую же поддержку и этим парням, у которых больше никого, кроме нее и тренера — не было, по факту.

А еще — он смотрел на кольцо, появившееся на руке Насти. Очень специфическое и однозначное. Такое, обычно, после свадьбы появлялось. Вряд ли они успели за вчерашний вечер расписаться. Но Саша догадывался, что, исходя из материальных соображений, эти двое могли и не покупать отдельно «кольцо для помолвки», даже простое, не говоря уже о подобном тому, которое поблескивало бриллиантом на руке Ники, стоящей у катка рядом с ним. И показательно цепляющейся все это время за его руку, словно бы самостоятельно стоять была не в состоянии.

Ему не нравился вид этого кольца на руке Насти. Не нравилось видеть, как она обнимает тренера, как свободно касается его, даже не замечая этого. Дурное чувство, учитывая, что к его боку прижималась невеста. И все же, что-то скребло изнутри, добавляя раздражения.

— Боже, неужели такие олухи еще остались на этом свете? — Ника насмешливо покачала головой, едва они вышли из зала с катком и направились в сторону выхода из Дворца Спорта.

Валерий и Настя согласились на все оговорки и нюансы оформления помощи Верещагина и, довольные этим, решили завтра же все и оформить в присутствии нотариуса.

— Не понял? — думая о том, что следует сейчас позвонить и согласовать время встречи, Саша обернулся на Нику. Нахмурился. — Ты о чем?

— Да об этих двух, которые секцией и заправляют, — отмахнулась Ника. — В чем их интерес? Лучше бы себя в порядок эта Анастасия привела. А то

— сразу видно, что училка. Невыразительная и бледная. Тощая. Подстриглась бы нормально. Укладку сделала бы. И одежда... словно она это все лет пять носит, ей-Богу! — ехидно хмыкнула невеста. — Все такое., серое и скучное. А она о пацанах тех только и думает.

Верещагин остановился, так и не добравшись до двери. И внимательно посмотрел на

женщину перед собой, стараясь не давать волю раздражению и гневу, скопившемуся за весь день.

— Вероника! — голос тут же выдал его с головой, несмотря на все старания. — Я прошу тебя закрыть рот и никогда больше не говорить о Насте в таком тоне, — пресек он уже готовые сорваться у нее удивленные возражения. — Она — мой старый друг, я знаю ее с самого детства. И Настя очень много значит для меня. Очень многое сделала. Что же касается ее внешнего вида...

Саша выразительно осмотрел Веронику с головы до ног и показательно отцепил от себя ее руку.

— Она выглядит куда лучше и привлекательней, чем ты, при своей «боевой раскраске» даже в спальне, и в тряпках по последнему, точно уж что «писку» моды. Мне самому иногда от твоего вида пищать хочется, от ужаса, — все с тем же раздражением добавил он.

И пошел к двери, оставив Веронику одну в холле Дворца Спорта.

— Красивая она, да? — Настя устало потянулась, разминая шею.

Вымоталась за день. И ученики сегодня баловались больше обычного, и они утомились за неделю, видимо, всем хотелось уже выходных. И ребята перед тренировкой уж очень суматошные были: радовались, что вновь Верещагина увидят, прямо-таки в восторг пришли, узнав, что он их секцию будет теперь поддерживать. И сразу начали предположения строить о перспективах, учитывая, что знали — Верещагин вернулся в страну, чтобы работать в Национальной Лиге...

Это привело парней в такую эйфорию, что она их никак призвать к порядку не могла. Пришлось даже голос пару раз повысить, чего Настя не любила никогда.

— Кто? — непонимающе нахмурился Валера, подойдя к ней сзади, опустил руки на плечи и начал легко массировать.

— Невеста Саша, — улыбнулась она от удовольствия.

— Красивая? — Валера перегнулся через ее плечо и заглянул в лицо Насти. — Ты шутишь? — непонимающе уточнил он. — Ужасная. Может, и модная, я в этом слабо разбираюсь, честно. Но... Кошмар, не понимаю, что он в ней нашел. Это ты у меня — красавица! — хмыкнул Валера, поцеловал ее в шею.

— А мне показалась — очень красивая, — Настя улыбнулась, зажмурившись от его прикосновений. Приятно так было! — И современная такая вся. Я никогда в этом всем не разбиралась толком. В девичьем: в одежде там, модной, в макияже...

— Тебе это и не надо. И так — красивая, — Валера крепко обнял ее за талию.

Она же только еще более смущенно улыбнулась — не умела принимать комплиментов. Даже от Валеры. Все казалось — что не о ней, что нет в Насте ничего достойного таких слов.

— Не знаю. Иногда считаешь все эти советы и книги «как не надоесть любимому мужчине» — и волноваться начинаешь, — попыталась перевести все в шутку. — А эта Вероника, похоже, следит за всеми новинками. Тем более непонятно, зачем Саша...

Настя вдруг замолчала, вспомнив, что так и не рассказала Валере о случившемся вчера в коридоре. Как-то неловко глянула на него, ступешавшись. Все еще не знала, стоит ли? Да и отвлеклась за день, забыла. Не думал. А теперь вот, вновь неуверенность нахлынула, накрыв с головой.

— Непонятно что? — не дождавшись от нее продолжения, удивленно глянул Валера.

Чуть напряженно прищурился, видимо, уловив все ее эмоции. Он вообще Настю хорошо

понимал, всегда.

— Егоза, что случилось? — снова спросил Валера.

Настя вздохнула.

— Зачем он меня поцеловать пытался вчера, — тихо призналась она, отвернувшись.

Но даже спиной ощутила, что Валера весь напряженно застыл. Это словно в воздухе стало чувствоваться, который будто бы уплотнился в небольшом пространстве его кабинета. Или это из-за ее напряжения и смущения? Из-за чувства вины, которое все равно ощущала перед любимым из-за глупого и неясного поступка Верещагина.

— Он тебя поцеловал? — голос Валеры звучал ровно. Но она знала, что это только благодаря его самообладанию. — Почему мне не сказала, Настенька?

Она обернулась, передернув плечами.

— Не хотела, чтобы ты нервничал. Или чтобы начал с ним разбираться. Зачем? Я его не понимала совсем. Попросила, чтобы оставил меня в покое. Ушла. Да и он сразу извинился вроде...

— Все еще любишь его, егоза? — как-то грустно спросил Валера. Ровно, но...

У нее сердце в груди сжалось от того, что стояло за этим ровным тоном, за чуть печальным выражением глаз.

— Нет! Валера, ты что?! — улыбнулась вначале.

А потом страх внезапно такой накатил! Буквально подлетела к нему, обняла со всей силой.

— Почему — люблю? Что ты придумал такое? Совсем — нет! Саша — это прошлое. Детское воспоминание даже в чем-то. Лучший друг. Да, я его и сейчас восприняла, как друга и близкого человека, когда встретила. Не знаю, ностальгия, может. Но это — не любовь. Я тебя люблю очень. Совершенно иначе, сильно. Действительно люблю, Валера.

Настя обхватила его щеки своими ладонями, опасаясь, что не сможет любимого убедить. Посмотрела в глаза, пытаясь показать ему всю силу своего чувства. Потянулась сама к его губам, прижалась, целуя.

И Валера в ответ с силой обнял ее. Ответил на поцелуй. Так крепко прижал, что даже приподнял немного Настю от пола.

— Не пугай меня так, егоза, — тихо хмыкнул ей в губы. — Для меня же — дороже тебя никого нет. Важнее.

— И для меня — только ты, любимый, — с облегчением выдохнула она. — Говорю же, сама не понимаю, какой бес Сашку попутал вчера? Да и он не совсем понимал, что делает, кажется. Вот и не знала, как тебе сказать, нервничала. А ты такое выдумал, — все еще обнимая его, прижалась щекой к щеке Валеры.

Ну и что, что приходится на носочках стоять? Зато рядом с ним, и так спокойней, надежней...

— Ты не трогай его, любимый. Не надо, не поднимай эту тему. Он извинился и все. И забыли...

Валера только хмыкнул в ответ на эту ее робкую просьбу. Покачал головой, зарылся пальцами ей в волосы, растрепывая косу. Но ничего не сказал. И это встревожило Настю. Заставило еще крепче обнять его. Не хотелось никаких проблем и неприятностей, когда все так хорошо в

последние дни складывалось.

А Саша... Саша — это воспоминания и тень прошлого, не обманывала Валеру. Не

понимала, что заставило его так поступить. Но и серьезно не воспринимала, если честно. Хоть и взбудоражил ее приезд Верещагина, многое вспомнить заставил, какой-то нежный трепет вызвал в душе. Но это лишь отголоски по сравнению с тем, что она к Валере ощущала.

ГЛАВА 18

Валерий, совершенно определенно, не собирался забывать о том, что сказала Настя. Но и волновать его — желания не имелось. Она вновь начнет переживать там, где это не нужно. Будет себя обвинять. Что он, плохо знает ее, что ли? Потому и лишнее это обсуждение. Но и спускать Верещагину подобного — он точно не будет. Валерий не знал, что именно подтолкнуло Александра полезть целовать Настю. Вспомнил прошлое? Старые чувства разыгрались? Но где он был все эти годы тогда? Решил отыграться? Или просто хочет использовать подвернувшуюся возможность?

Но это и не было столь существенно. Если Верещагин считает, что ему сойдет подобное с рук из-за того, что он пообещал их секции помощь — черта с два! Обойдутся без его денег и помощи. Раньше справлялись, и теперь — не пропадут.

Но Насте пока ничего не сказал. Крепко поцеловал его, ощущая невероятное, безграничное счастье от того, что она говорила. Спокойно и уверенно выбирая его, признаваясь в любви с такой же легкостью, как дышала. Ради Насти он был готов со всем справиться.

Занятия с воспитанниками приюта были у него сегодня последними. Так что он помог собрать мальчишек, все еще взбудораженных тренировкой и очередной встречей со «звездой». Вместе с Настей проследил, чтобы они нормально расселись в автобусе. И поехал следом на машине, собираясь забрать Настю, когда она «сдаст» подопечных на руки воспитателям. И вот тут, оставшись один, набрал номер, с которого Верещагин ему сегодня звонил.

— Да, Валерий? — Александр узнал его. — Хорошо, что набрал, сам собирался звонить. Я как раз с нотариусом договорился. Завтра в десять вам будет удобно? — уточнил Верещагин, назвав адрес.

— Давай в половину, нам с тобой еще надо поговорить до этого, — ответил Валерий.

Глупо по телефону выставлять претензии. Он хотел в глаза Верещагину глянуть и понять, что заставило парня пойти на такой шаг?

— Хорошо.

Если Верещагин и удивился этому предложению, вопросов не задавал. А может и понял причину, но так же не собирался по телефону устраивать разбирательства.

Спрятав телефон в карман, Валерий вышел из машины и поднялся на невысокое крыльцо. Кивнул охраннику, вышедшему на встречу. Мужчина ответил таким же кивком, улыбнулся и пожал руку.

— Как оно, Валерий Федорович?

— Все хорошо, Максимыч, — улыбнулся Валера. — Живем.

— Слышал, вы-таки уломали Анастасию Ивановну, — лукаво улыбнулся охранник в ответ. — Скоро на свадьбе погуляем?

Валера и хотел бы сдержаться, да не смог — широко улыбнулся, все еще ощущая эйфорию от этого факта.

— Погуляем, Максимыч. Однозначно, — хлопнул охранника по плечу. Они с Настей столько времени проводили в этом приюте, что уже считались здесь за своих и персоналом, и детьми. — А откуда узнал?

— Анастасия Ивановна главной нашей призналась, — хмыкнул охранник. — Правильно, давно пора. И так же видно, что одна семья, нечего баловаться, — одобрил Максимыч их решение.

Валерий ответил очередной улыбкой и кивком. Если Настя рассказала уже подругам, то точно не сомневалась в принятом решении. И была счастлива. А для него — ничего важнее не существовало. Да и на «замечания» Максимыч не обижался. Тот ранее служил под началом Богдана. А когда вышел в отставку по возрасту, как и многие, оказался не у дел. Друг, тогда еще продолжающий служить, попросил Валеру помочь хоть с какой-то работой. Ведь Максимыч ничего, кроме службы — не умел. Да и возраст... А Валера... Ну, у него не так и много вариантов существовало, собственно. Но Максимыч не отказался.

шут
успокоить.

Своих детей у него не было, как и семьи вообще. Вот они все и помогли друг другу, когда приют начал искать смену немолодому сторожу, давно не справляющемуся с работой. А теперь Максимыч так прикипел душой к этим ребятам, что и не думал никуда уходить. Да и на одну из воспитательниц поглядывал, тайно вздыхая. Все считал себя плохой партией для нее с таким-то прошлым и без каких-либо перспектив. Видно, пример Валеры и Максимыч вдохновил. Чем черт не шутит, может и он рискнет признаться в своих чувствах.

Еще раз ободряюще кивнув охраннику, Валера зашел внутрь холла.

Не собирался сразу, но егоза его что-то задерживалась. Обычно куда быстрее справлялась. Может ее кто-то из воспитателей задержал, дежуривших ночью?

Осмотрелся, но коридоры пустовали. Куда идти? Кто ее мог задержать? Бог знает. Лучше здесь подождать, чтобы потом еще час не разыскивать один другого по кабинетам. А звонить вроде еще и смысла нет. Тем более, если Настя разговаривает. Да и знает же, что он ее ждет, не будет тянуть время попусту.

Действительно, Настя появилась в холле буквально через несколько минут.

— Долго, да? — тут же поняла причину его появления. Подошла и обняла. — Извини, ребята сегодня уж очень буянили, помогала их

— Ничего, егоза, — Валера тоже обхватил ее руками, прижав к себе. — Все нормально? — поинтересовался, заглянув в глаза Насте.

Что-то в их выражении заставило его сосредоточиться, как-то встревожиться. Настя словно глубоко задумалась о чем-то, погрузившись в себя. И это его насторожило. Все же было нормально. Только бы снова не начала ничего придумывать...

Настя улыбнулась.

— Да, любимый, все хорошо, — вздохнула. — Просто...

Как-то непонятно развела руки и передернула плечами. — Что «просто»? — переспросил Валерий, мало что поняв. Но его только больше встревожил ее ответ.

— Ничего, — вдруг рассмеялась Настя. — Говорю же, хорошо все. Просто счастлива очень в последние дни, даже немного страшно из-за этого...

— Вот еще! — возмутился он, расслабившись. Это да. Его Настя вполне могла до такого додуматься. — Не выдумывай, Настенька! Счастью радоваться надо, а не бояться неясно

чего.

— Я и радуюсь, — заверила его Настя, легко рассмеявшись. Сунула шапку под подмышку, явно не собираясь надевать, пока до машины дойдет. — Правда! — подняла руку с раскрытой ладонью, будто клялась.

— Вот и хорошо. Поехали? — Валера потянул ее к выходу.

— Поехали, — согласилась Настя. — Долгий день. Устала.

Он поцеловал ее в макушку. Открыл дверь и придержал, пропуская Настю вперед.

И действительно хорошо все, только вот то непонятное, притаившееся в глазах Насти, задумчивое и серьезное, не давало ему покоя, тревожа и не отпуская. Он не видел причин для такого ее настроения, потому и не понимал, что беспокоит его.

Настя поняла что у Валеры на уме, когда утром он, помогая ей сесть в машину, попросил дать ему несколько минут поговорить с Верещагиным один на один. Не торопиться с этим фондом и подписанием документов. Нигде не было сказано ничего лишнего. Но Настя же с ним двенадцать лет прожила. И тоже умела угадывать мысли и настроение любимого. По глазам читала, по складкам и линиям на сосредоточенном лице.

— Валер, не надо, правда. Оно того не стоит, — Настя дождалась, пока он сядет за руль и перехватила его ладонь своей рукой.

— Да и не буду ничего, егоза, — Валера улыбнулся краешком губ. Захватил ее пальцы своими. — Просто поговорю прямо. Понять хочу, что у Верещагина на уме и с какой стати он к моей жене лезет. Обойдемся и без его фонда, если что. Не впервой.

Подняв руку Насти, Валера нежно поцеловал ее открытую ладонь, а потом безымянный палец, где блестело кольцо.

Настя только вздохнула. Знала, что его не переубедить сейчас. Да и прав во многом Валера. Пусть они еще и не расписались, но жили вместе так давно, что жена она ему. Да и законом «гражданский брак» во многих моментах признан. И Саша знал об их отношениях. Сама Настя тоже не могла понять его причин. К тому же, точно знала, что если Валера сказал «поговорить» — значит, говорить и будет. Любимый умел не только себя контролировать, но и любые конфликты несколькими словами осаждать. Опыта на льду имелось предостаточно.

И поскольку видела, что уговорить себя Валера все равно не даст, лишь вздохнула, смирившись. Она ему доверяла.

Вероника не была дурой.

Да, она любила хорошо и красиво жить, ей нравилось находиться в центре внимания и участвовать в самых модных событиях. «Обочина» была не для нее. Вероника любила «первые полосы». Но несмотря на свою тягу к этому, глупость Нике не была присуща. Даже наоборот.

Ее вполне устраивали их отношения с Александром. А особенно то, что не являясь любителем подобного стиля жизни, он ей не мешал развлекаться. И Ника в ответ была готова идти на разумные уступки.

Она понимала, что иногда ему надо дать и передохнуть от себя, развеяться. Встряхнуть ощущения и эмоции. Тем более сейчас, когда Верещагин и так находился на распутье. Вероника специально консультировалась по этому поводу у своей подруги, работающей на досуге психологом, чтобы дома не скучать.

И та подробно и в красках расписала ей все сложности подобного периода для мужчины с характером и целеустремленностью Верещагина. Когда всю жизнь, считай, надо заново

перестраивать. И Вероника с пониманием относилась и к его вспышкам, и к перепадам настроения, и даже к этой блажи с поездкой в родной город. Поняла бы она, и заведи себе Алекс интрижку. Они взрослые люди и понятно, что иногда может захотеться разнообразия, пусть сама Ника и была готова в любой момент удовлетворить каждое желание Верещагина.

Но было и то, на что Вероника не собиралась закрывать глаза. Знала она такую «старую дружбу» и «близких друзей детства». Не идиотка. Как же. Вот так и стал бы он просто ради детских воспоминаний сорить деньгами, если бы не хотел пустить пыль в глаза этой училке. Понимала Ника и то, что вокруг нее дур тоже не много. Эта самая Настя, присмотревшись и оценив ситуацию, наверняка предпочтет Верещагина, послав подальше своего бесперспективного тренера. Особенно, если там были те самые давние отношения, которые Ника начала подозревать.

А значит — ей стоит поговорить с той Настей. С Верещагиным — смысла нет, егс вчерашняя вспышка наглядно продемонстрировала, что он все еще в своем кризисе и вряд ли размышляет логично. А вот с этой училкой поговорить имеет смысл. Она кажется вполне вменяемой и, судя потому, как носится с теми сиротами, жалостливой особой. Возможно, имеет смысл ей еще и про якобы существующую беременность наплести. Что-то подсказывало Веронике, что к детям Анастасия относится стрепетом. И это может пресечь на корню любые ее поползновения в сторону Верещагина.

Так что оказалось вполне на руку Веронике, когда увязавшись с Сашей к нотариусу, она узнала, что вначале он хочет поговорить с Валерием наедине. Она использует это время с пользой для себя и их с Сашей будущего.

Настя очень удивилась, когда Вероника подошла к машине, где она сидела и постучала в стекло, явно демонстрируя желание поговорить. По правде сказать, Настя все равно волновалась насчет намерения Валеры поговорить с Сашей. Все ее внимание было сосредоточенно на двух мужчинах, сейчас отошедших в сторону и остановившихся недалеко от входа в офис нотариуса. И Настя совершенно не представляла себе, о чем невеста Саши собирается вести с ней беседу?

Тем не менее, Настя вышла из машины, запахивая пальто плотнее. Мороз все еще не отступал и на улице было довольно холодно. Валера припарковался на небольшой стоянке, практически сразу переходящей в проезжую часть без какого-либо ограничителя. Здесь просто не было для чего-то подобного места. Но из-за близкой бровки, самой дороги и переменного мороза в последние дни, все пространство покрывала неровная корка льда и подмерзшего снега, который сюда отталкивали машины, проезжая мимо. И в отличии от самой проезжей части, этот пяточок для парковки, практически не был очищен. Стоять приходилось как-то кособоко, опираясь на машину, потому что не имелось ровного места. Каким образом сюда добрела Вероника на высокой «шпильке», ничего себе не сломав — Настя в принципе не понимала.

— Да? Вы что-то хотели обсудить, Вероника? — спросила Настя, все-таки, то и дело поглядывая туда, где стояли Валера и Саша.

— Да, Настя, если вы не против, — приветливо улыбнулась невеста Верещагина.

Настя посмотрела на нее, ожидая.

— Мне Саша вчера рассказал, что вы давно знакомы? — все с той же улыбкой уточнила девушка.

— Да, — Настя и сама улыбнулась. — Очень давно, с детства.

Обернулась на мужчин, но они, кажется, говорили вполне спокойно.

— Детская дружба бывает довольно крепкой, правда? — продолжила Вероника, понимая кивнув. — Иногда перерастает в первую любовь...

Настя целиком сосредоточилась на девушке перед собой. Ей не понравился изменившийся тон, какой-то насмешливый и «понимающий», отдающий сарказмом. Вероника была младше Насти, это казалось очевидным. Но сейчас нечто в ее манере держаться, напоминало скорее «умудренного взрослого», собирающегося поговорить подушам с подростком. Настя нахмурилась. Ей в корне не понравился этот тон. Да и выражение лица отталкивало. Будто Вероника ей в душу пыталась заглянуть.

— В жизни бывает всякое, — чуть резче ответила она, еще не понимая, к чему клонит невеста Александра.

От недавнего дружелюбия в ней не осталось и следа. Скорее какое-то неприятие ситуации.

— Бывает, — кивнула Вероника, похоже не заметив изменения настроения собеседницы. — А иногда бывает, что встретившись после долгих лет, людям ошибочно кажется, что эти чувства вернулись...

Настя нахмурилась еще больше, вдруг поняв, что ей совершенно не хочется слушать дальше. Она поняла, куда ведет Вероника, похоже, совершенно отвлекшись от разговора мужчин. Но ей тут нечего было обсуждать.

— Каким образом это касается меня, Вероника? — тоном, которым иногда разговаривала с особо непослушными воспитанниками, уточнила Настя.

Девушка заметила смену настроения, но не прекратила высказывать свои догадки:

— Вам, наверное, было приятно встретить Сашу. Вспомнить вашу дружбу или, возможно, нечто большее? — Вероника старалась говорить проникновенно, но теперь стало заметно, что настроена она довольно решительно.

— И возможно, вам обоим показалось, что прежние чувства вернулись.

Тем более что Саша стал таким успешным и знаменитым, это привлекает. Однако, вы же взрослая женщина, Настя, разумная. И должны понимать, что к прошлому возврата нет...

— Вероника, я вас совершенно не понимаю, — прервала Настя все же этот поток. — Ни касательно ваших намеков, ни в принципе, касательно цели данного разговора. Мы с Сашей действительно дружили в детстве, его мать многое сделал для меня, да и сам Саша. Но это не значит, будто бы сейчас между нами что-то есть. У меня прекрасный муж, которого я люблю. И никто иной мне не нужен. Поэтому прошу вас прекратить эти глупые домыслы.

Настя отвернулась, решив, что прятаться в машине смысла нет — Вероника не отстанет. И самым разумным показалось подойти к мужчинам. Судя по всему, невеста Саши не хотела, чтобы данный разговор происходил при свидетелях.

Однако, посмотрев себе под ноги, Настя поняла, что просто не проберется через эти ледяные сугробы до тротуара.

— Настя, я очень рада, если все именно так, — Вероника, похоже, и не думала заканчивать. Более того, видимо заметив, что Настя хочет уйти, Вероника протянула руку, ухватив ее за предплечье, словно старалась задержать.

— Но мне кажется, что Саша немного увлекся прошлым. И вас — очень прошу не поддерживать в нем эту иллюзию. Я понимаю его в чем-то, но ради нашего будущего

ребенка...

— Вероника, прекратите! — Насте стало неприятно. — Я ничего в Саше не поддерживаю и не даю ему никаких надежд. Отпустите меня и давайте закончим этот разговор. Мне совершенно неприятна данная тема и ваши предположения!

Поняв, что единственный путь уйти — это обойти машину сзади, Настя попыталась пройти мимо Вероники, надеясь, что она отцепится. Но девушка, наоборот, еще крепче сжала ее руку.

— Извините, что настояла на этом обсуждении! Просто я знаю Сашу и вижу его увлеченность. Он в принципе такой, часто увлекается новым приключением...

— Вероника! — Настя прибегла к проверенной тактике осаждения учеников в классе. — Это ваши с ним проблемы и отношения. Не надо меня в них втягивать! — строго заявила она, увидев, что добилась внимания.

И развернувшись, пошла в сторону, надеясь, что Вероника не захочет волочиться следом и отпустит ее. Но девушка не сразу поняла, что Настя серьезно. Несколько секунд еще действительно цеплялась за рукав Насти. Тогда ей пришлось все же резко потянуть руку на себя, делая очередной шаг.

Вот тут все пошло не так, как Настя думала. Вероника все же отпустила ее, но это вышло уже с оттягиванием в другую сторону из-за расстояния. А Настя в этот момент попала на участок льда, вместо асфальта. Нога, потеряв опору, заскользила по льду, а изменившееся равновесие заставило Настю взмахнуть теперь свободной рукой в попытке восстановить прежнее положение тела. Однако ей не удалось ни за что ухватиться, пальцы безуспешно ловили лишь воздух, а ноги скользили по льду. И Настя с ужасом поняла, что уже оказалась на проезжей части, а навстречу ей несется автомобиль, сигналив и визжа тормозами...

ГЛАВА 19

Эти несколько суток стали для Валерия истинным адом на земле. Какой-то крошечной и беспросветной темнотой сознания, которой, к тому же, он не имел права поддаваться. Потому что в первую очередь должен был думать о Насте, о том, что для нее необходимо сделать. Ее поддержать. Да, егоза сейчас находилась без сознания, но он не мог позволить себе страх или сомнения. Не имел права терять веру. Команда всегда чувствует сомнения тренера, его неуверенность в избранной тактике или в силах игроков. А они с Настей давным давно были больше, чем командой. И если она сейчас не могла, он должен верить и быть сильным за нее, должен ей давать ощутить свою уверенность — что она придет в себя, поправится, что бы там ни было. Позволить ей ощутить, насколько она необходима ему, ребятам, даже этому Верещагину.

Вчера приехал Богдан, поддержать и его, и Настюшу. Привез рисунки ребятни из приюта для «Анастасии Ивановны», ему Максимыч позвонил, попросил. Воспитатели предложили детям поддержать Настю и, к некоторому удивлению Валеры, участвовали в этом не только младшие, но и все парни из секции, даже те, кто чаще уже держались как «старшие», порою дерзя и нарушая дисциплину на тренировках. Настю любили они все, без исключений.

Валера расставил эти рисунки по всей палате, наклеил пластырем на окрашенных стенах, не обращая внимания на удивленный и растерянный взгляд Верещагина. Не комментировал ничего. Он для нее старался — пусть егоза эту любовь и поддержку

чувствует.

Ему не нравилось то, что Александр находился здесь. Не нравилось совершенно. Хотелось, конечно, обвинить Верещагина во всем. Хотя бы для самого себя обнаружить виновного в той ужасной боли, которая раздирала внутренности минута за минутой, час за часом. Но Валерий был честен с собой. Даже несмотря на то, что каждый раз закрывая глаза — он снова и снова видел, как Настя падает на дорогу, отброшенная машиной. А рядом та пигалица, которая ее и подтолкнула по факту...

Хорошо еще, если верить врачам, что водитель успел вывернуть и Настю задело по касательной, хотя сама сила удара и падение на лед — усугубили ситуацию.

И все равно, кого ему обвинять? Верещагина с той его невестой? За то, что появился снова в их жизни, что был таким настырным и навязывался? Или себя? За то, что вопреки просьбе самой Насти, настоял на этом разговоре, оставив любимую в такой ситуации? За то, что просто не отказался сотрудничать с Верещагиным, узнав, как тот себя повел?

Много вопросов. Ответов нет.

Случайность? Так тоже сказать несложно, оправдываясь. Но все они там оказались в результате каких-то решений и действий, которые были их выбором, а не случайностью. Однако Валерий не позволял себе вязнуть в метаниях и обвинениях себя или еще кого-либо. Ему были необходимы силы для того, чтобы поддерживать Настю, быть рядом с ней и за двоих верить, что все будет хорошо. Не может случиться иначе. Не с его «солнечным лучиком» и счастьем.

Они с Верещагиным оба находились в больнице третьи сутки.

Валерий отменил все тренировки и индивидуальные занятия, никуда не ездил. Его поняли без вопросов. Вот они и толклись в этой палате, даже притерлись немного, сменяя порою друг друга в дежурстве, когда один отключался или выходил хоть что-то перекусить. Или когда медсестры выставляли обоих на время каких-то манипуляций. Он не гнал его, хоть и не позволял вмешиваться, отказавшись от оплаты лечения, что Александр предлагал. Быть может, как и он сам, ощущая укоры совести. Но нужды не имелось: Валера готов был все, что имел потратить ради Насти, да и друзья не оставляли их. Всего хватало. Оставалось только ждать и надеяться.

И все же, он не прогнал Верещагина, хоть и было искушение. Отчего? Наверное, из-за того, как себя повел Александр в первые секунды и минуты после случившегося, как отреагировал. Настя была важна для него, он дорожил ею и не стеснялся, не побоялся показать своих эмоций. В этом Валерий понимал его... Во многом. В этой потребности, в тоске за ней. В тревоге и боли. Возможно, он сам нуждался в присутствии Верещагина, чтобы не забыть о том, как много имел; осознать, как ценил ее присутствие рядом с собой. И знать, что не хочет, не готов потерять, отпустить Настю. Не сейчас, не тогда, когда у них впереди еще годы и годы.

Нет, Валерий не испытывал злорадства или тщеславия из-за того, что Настя любила его, а не Александра. Он просто был благодарен Богу и судьбе за все. И молился о том, чтобы это не оканчивалось. Валерий не считал себя особо религиозным. У них за это Настя отвечала. Однако, похоже, в жизни любого человека наступает момент, когда больше надеяться и взывать не к кому. И Валера молился. Молча, не зная слов или правил, держа безвольную и едва теплую руку Насти между своих ладоней, касаясь ее губами. В этом черпая силу. Приглашал сюда священника из маленькой больничной часовни, чтобы и святой отец помолился за Настю. Использовал любой метод.

И все же, он тоже был просто человеком. И также срывался. Так случилось, когда он узнал о том, что приходила мать Верещагина. Наверное, много всего накопилось, взбухало в нем, в конце концов взорвавшись. Сказалось и изменение состояния Насти: когда чувствовалось, что что-то сдвинулось сточки, но в какую сторону и как — непонятно. Нервы на пределе, тревога и страх за любимую — все сыграло роль. И когда Верещагин, очевидно, так же не справившись с нервами, заговорил о том, чтобы перевести Настю в другую больницу или, даже, город, молча взял его за локоть и вывел из палаты, оставив дверь немного приоткрытой.

— Ее сейчас трогать нельзя, ты сам врачей слышал. И она не твоя жена, чтобы решать, что и как для Насти лучше, — ровно и холодно напомнил Валерий, хоть внутри все и бурлило.

Но и Верещагин, наверное, находился на пределе.

— Я ее люблю! И хочу сделать только лучше. И тебе она тоже не жена, как я понял... Она могла быть со мной все эти годы...

— А кто, если не жена? — Валерий скривил губы. Улыбнуться не получалось, хоть этот укол в его сторону и вызвал что-то похожее на какое-то безнадежное веселье. — Это у нас с ней — годы вместе, общая радость и печаль, заботы и надежды. Она моя жена, это любой суд признает. А ты ей кто, Саша? Говоришь, что любишь, но не поздно ли ты спохватился, парень? Где ты был все эти годы, о которых сокрушаешься? Сколько раз о ней вспоминал?

Валерий не издевался и не унижал, он говорил спокойно и тихо, то и дело поглядывая в палату, все еще считая, что его силы куда больше необходимы Насте. Но этот разговор, так и недосказанный возле той дороги, похоже, требовал того, чтобы быть озвученным.

— А что ты знаешь о нас? — с какой-то злой дерзостью ответил Верещагин. — Что ты знаешь о том, что заставило меня уехать тогда?!

— Я все знаю, Александр. Все. То, что и ты должен был хотеть узнать, но посчитал себя выше этого. Мы с Настей всегда разговариваем, слушаем и слышим друг друга. У нас нет секретов, — Валерий вновь заглянул в палату. — Именно потому я не желаю видеть здесь твою мать. Потому что я уводил рыдающую Настю с катка и уговаривал поговорить с тобой. Потому что я удерживал ее от того, чтобы блуждать ночью по улицам и чердакам после общения с твоей матерью. И потому, что я приходил к тебе, чтобы рассказать о том, что произошло. Мать не говорила тебе об этом визите, да, Александр?

Он грустно посмотрел на своего визави, видя удивление и растерянность Верещагина.

— Я не знал... Я действительно не знал всего. Очень многого, — он растер лица руками. — Я вспоминал о ней все эти годы...

Валерий тяжело вздохнул.

— А сколько усилий ты приложил для того, чтобы узнать, Саша? — почти сочувствуя спросил он. — Я ведь тогда не имел к ней никакого отношения, по сути, я старался помочь и ей, и тебе. Что сделал ты для «вас», Верещагин?

Александр посмотрел на него с опустошенным выражением в глазах.

— Она сказала, что не хочет меня видеть и иметь что-либо...

— И что предпринял ты, чтобы узнать причину такого решения Насти, если любил ее? Если говоришь, что до сих пор любишь и вспоминал? — Валерий теперь смотрел ему прямо в глаза, неоднократно задававшись таким вопросом самому себе ранее. — Ты не знал, где живет ее бабушка и не мог поговорить с ней? Ты забыл дорогу ко мне во Дворец Спорта, куда ходил два месяца, зная, что она часто приходит на каток? Что ты сделал, Верещагин,

чтобы найти и поговорить с девушкой, которую любил? Что ты вообще знал о ней в тот момент?

— Я знал о ней все! Мы были лучшими друзьями с детства, — с некоторой злостью, но без уверенности заявил Верещагин. Как-то горько даже.

— Да? У нее шрам на руке, большой такой, грубый. Он был тогда, когда ты приехал в том мае. Знаешь, откуда у нее этот шрам? Спрашивал? — Валера вновь бросил взгляд в палату, но Настя лежала так же неподвижно.

Правда, ее отключили от аппарата искусственной вентиляции и Валера убеждал себя этому радоваться. Маленькая, но такая важная победа его егозы.

— Не знаю. Не спрашивал. Какая сейчас разница? — в голосе Верещагина прорезалось настоящее недоумение.

А еще раздражение, что заставило Валерия посмотреть на него с какой-то грустью.

— О чем ты говорил тогда с ней, Александр? Что обсуждал, кроме собственных планов или будущей карьеры? Ты ее слушал? Почему не узнал, что этот шрам она получила в новом детдоме, когда дралась за брелок, который ты подарил? А не зажил он нормально потому, что Настя убежала и месяц скиталась по дорогам и вокзалам, добираясь то на грузовых поездах, то по полям пешком, сюда, домой. Надеюсь вернуться к тебе. Тогда, когда была совсем ребенком. Не имея никакой уверенности, по сути, она приложила все, что могла, все свои силы и упрямство. Она воровала еду пару раз, чего до сих пор ужасно стыдиться, потому что умирала с голоду. Но торопилась к другу изо всех сил. И это она вновь отказалась от тебя, чтобы не мешать карьере великого хоккеиста, по наущению твоей матери. А что ты сделал, чтобы просто найти Настю и поговорить с ней?

Возможно, он поступал нечестно, вывалив это все на Верещагина сейчас. Может быть. Но в конце концов, Александр взрослый мужик, пора перестать убеждать самого себя в первую очередь, что он сделал тогда все возможное. Ни черта он не сделал. А Настя все равно никогда этого не расскажет. Слишком великодушно его солнышко ясное. Да и не упрекал Валерий Александра. Просто задавал вопросы. Те, что Верещагин должен был бы сам себе задать, если вздумал заявлять, что все эти годы любил Настю.

Верещагин не ответил ни на один. Резко выдохнул, жестко прошелся пальцами по взъерошенным и грязным волосам. Они оба уже три дня не вспоминали о нормальном душе или бритье, по сути. Прошелся туда-сюда по коридору: четыре шага в одну сторону, три в обратную. Потом глянул на Валерия исподлобья.

— Тебе было проще, — заметил он, словно с упреком. — Ты узнал ее, когда уже не имел шансов в хоккее. Тебе не пришлось выбирать...

Валерий несколько мгновений просто-таки пялился на него с недоумением, а потом улыбнулся. Впервые за эти дни. Пусть улыбка и вышла саркастичной.

— Проще? Мне было проще, Александр? — Хмыкнул. — Разве не ты был ее лучшим другом? Разве не ты имел все ключи от сердца Насти, ее преданность, несмотря ни на что? Но ты привык по-своему оценивать важность людей и целей, правда? Твой первый тренер, о котором ты не вспоминал, после того, как он дал тебе такой старт в жизни; твои соседи, которые могли что-то знать о девочке, которую ты считал себе безразличной. Директор приюта, хотя бы. Разве сложно было узнать ее номер телефона и позвонить? А партнеры по бывшим командам, те тренеры — сколько раз за эти годы ты общался с ними? Сколько раз в своей жизни ты отодвигал в сторону все и всех ради того, чтобы стать великим хоккеистом, Верещагин? — Валерий говорил, не повышая тон, все еще пытаясь донести это до него. Так,

как с ребятами говорил бы на льду. — Ты стал им, никто не оспорит. Добился много. В этом ты — молодец. И я, как никто со стороны, наверное, могу представить, чего это тебе стоило. Но нужно ли было отодвигать в сторону близких и важных для себя людей? Это себя оправдало, Саша? Кто сейчас остался с тобой, когда хоккей повернулся другим боком к своей «звезде»? И какое ты имеешь право врываться в жизни тех, кого когда-то оставил позади, посчитав возможной жертвой ради хоккея?

Мимо ходили врачи и медсестры. Какие-то люди в халатах, наброшенных поверх свитеров, на плечи. Наверное, родные шли навещать тех, кто лежал в соседнем с реанимацией отделении. Но Валерий почему-то чувствовал себя так, словно они с Александром один на один говорят.

Верещагин не ответил, продолжая лишь поглядывать раздраженно в его сторону. Валерий знал это состояние — когда раздражение бурлит, но высказать его не можешь, потому что прав тренер. А ты горячишься. Сознательно выбрал такой тон и манеру, не желая переводить все в категорию соперничества. Он просто говорил с ним и надеялся, что Верещагин услышит.

— Говоришь, мне было легче, потому что я травму получил раньше тебя? Моложе был, когда понял, что карьера хоккеиста недостижима уже? И потому с Настей? Думаешь, жертвовать можно только этим, а на твоей карьере свет клином сошелся? Я хороший тренер, Александр. И это не моя оценка. Меня трижды приглашали в сборную. И в юношескую, и в национальную. Да и пара команд заманивали к себе из тех, у которых есть деньги. Тебя же туда сейчас позвали — спроси у них.

У нас друзья общие. Вопрос приоритета, Александр. Только и всего, — Валера пожал плечами. — Ты сказал, что любил ее все все эти годы, вспоминал... Как ты выдержал, парень? Я несколько раз на курсы в столицу уезжал. И не выдерживал две недели без встреч. — Улыбка стала немного добрее от этих воспоминаний. — Хоть раз на ночь приезжал среди недели, каждые выходные домой ехал — к ней. Не мог утерпеть без Насти.

Верещагин же застыл напротив него, внимательно рассматривая что-то в Валере. Но, что удивляло если честно, так ни разу и не заглянул внутрь палаты, проверить состояние Насти за это время.

— Почему же не согласился тренировать сборную? — даже с каким-то непониманием спросил Верещагин. — Это же совершенно другой уровень. И статус, да и зарплата в разы... Вам обоим лучше было бы.

Валера снова улыбнулся, только в этот раз искренне. Заглянул в палату, убедился, что ничего не изменилось. А потом закрыл глаза, которые пекло от недосыпания и напряжения все эти дни. Уперся затылком в стену коридора.

— Почему? Потому что у нас первый класс или второй. И если не этот, то следующий или прошлый. И сбитые колени детей. Великие умы, пьющие родители, которым дела до своих детей нет или, наоборот, те, которые последние силы из потомков дают, требуя каких-то сверхрезультатов. А Настя это все через себя пропускает. Живет этим, своей школой. Да и не только в этом, даже. И в столице место нашла бы, она очень хороший учитель...

Валера говорил, а сам вспоминал, представлял Настюшу себе такой, какой она всегда была: жизнерадостной и веселой, оптимисткой до кончиков своих вьющихся волос. Словно в этот образ пытался всю свою любовь, все свои силы вложить — и ей передать.

Верещагин не перебивал. Может, и ушел, не пожелав слушать. Но Валера уже не для него даже говорил. Он нуждался в том, чтобы говорить о любимой, чтобы вслух рассказать,

как восхищается ею, как ценит, как любит... Никогда не жадничал на эти слова, всегда говорил самой егозе. А все равно не хватало. И сейчас говорил, словно бы его признания, его любовь — могли сделать то, чего и врачи не обещали — гарантировать, что она в себя придет, и у него еще будет миллион поводов рассказать Насте, как сильно ему необходима.

— А вот уют... Его она не оставила бы никогда. Что я, Настюшу свою не знаю, что ли? Кто кроме нее этими детьми заниматься будет? Она им всю душу отдает. У нас с детьми не сложилось, но Настя каждого воспитанника, как родного любит. И они это чувствуют. Видел, сколько рисунков? А там же и отпетые хулиганы отметились, для которых у воспитателей и директора уже теплых слов не найдется, всех достанут, потому что озлобились. А Настя их понимает, потому как сама через это прошла. И таких обнимет, согреет, придумает занятие. Вот дети и тянутся к ней, доверяют. Не оставит она их никогда. На кого? Да и не потребую я от нее этого. Мне ее счастье, ее радость — оно важнее, Саша. Карьера, слава... Это здорово, не буду спорить. А может и греет не хуже близкого человека рядом. Не знаю. Да вот мне как-то с женой рядом — понятней и ближе счастье. Утром кофе выпить. Вечером чай, пока рассказываем, что за день произошло. Это мой, наш выбор. Не хуже и не лучше, чем твой. И не каждый должен таким путем идти. Но на каждой дороге свои жертвы. Я отказался от карьеры. Ты... сам оцени, что выбрал, чтобы подняться на такую вершину, когда каждый знаток хоккея знает твое имя. Да и решать, стоило ли оно того — только тебе.

Валерий открыл глаза и посмотрел на Александра. Не ушел. Стоял напротив и слушал. Уже без раздражения. Но и в глаза не смотрел. Отвел взгляд вдаль коридора, сжал рот, переплел пальцы за спиной. Собраный и серьезный, словно предстоящий матч обдумывал.

— Но заявлять мне, что ты имеешь право на что-то спустя столько лет — не надо, Александр. Я не мешал тебе с ней общаться и разговаривать, я не запретил тебе здесь находиться, потому что верю — Настя дорога для тебя. Но так ли ты ее любишь, действительно, как заявил полчаса назад? И где была эта любовь все эти годы, кроме как в мимолетных воспоминаниях между тренировками и матчами, между наградами и успехами? Нужна ли тебе Настя или ты просто не знаешь, за что ухватиться теперь, когда карьера окончена? — Валерий с вопросом глянул на Александра.

— И насчет лечения: я не вижу причин не доверять этой больнице и нашим врачам. Изменения в ее состоянии есть и они в лучшую сторону, как бы мне самому не хотелось быстрого прогресса. Но мы реалисты, и многое видели на льду, знаем, что уже чудо то, что Настюша жива.

Будет надо, пригласим на консультацию врачей из военного госпиталя, есть связи. А пока — ее лишний раз дергать, только ухудшим ситуацию.

Больше ему добавить было нечего.

Потому Валера просто вернулся в палату и сел на свое место в изголовье кровати Насти. Взял руку любимой и снова прижал к своим губам. Опустил их ладони. Наклонился к лицу, устроившись на подушке рядом с Настей. Провел пальцами по ее волосам, еле касаясь, осторожно, не имея представления, не причиняет ли ей этим боли.

— Давай, егоза. Ты сильная. Возвращайся. Ты так мне нужна. Я слабее, мне без тебя никак, — прошептал Валера едва слышно.

Да так и остался здесь, лежать рядом с ней на подушке, как сотни ночей в их жизни, вслушиваясь в почти неслышное дыхание Насти.

Александр не торопился заходить в палату. Он стоял у окна, перекатываясь с пятки на

носок, и пытался осмыслить все, что вывалили на него этот тренер. Обдумать. Сложно и непросто. Никогда не любил копаться в себе. И сейчас желания — не имелось. Но иногда стоит, пусть это и не в характере Верещагина. Тем более сложно признать, что не в столь уж многом Александр мог придрататься к его словам.

В его характере было идти вперед, не оглядываясь, да. Верещагин всегда считал это преимуществом. Умение вычленить главное и сосредоточиться на нем. Отрешиться от иного. То, чему с детства учили его и мать, и Дима, и остальные тренеры. Такая стратегия и сделал его тем, кем он в итоге стал. Позволила достичь таких высот, о которых когда-то давно маленький мальчик из неполной семья, да еще и с проблемами речи — мог лишь мечтать. И он мечтал. Более того — воплотил свои мечты в реальность. Заслуженно, как считал Верещагин. Да и Валерий этот его не упрекал и не пытался переубедить, кажется. Похвалил даже вроде, между делом, если Верещагин его верно понял, конечно. Хотя он не искал похвалы этого мужчины.

Совсем недавно Александру казалось, что он понимает Валерия, знает, что тот чувствует, что у них — одна на двоих эта боль и страх за Настю. Сейчас он не был уверен в подобном. Потому что этот разговор о многом заставил задуматься. Очень о многом.

Он наклонился, прижавшись лбом к холодному стеклу. Перед глазами вновь появилось бледное и уже бесчувственное лицо Насти, когда они добежали до машины. Вспомнилось, каким испуганным был выскочивший из машины водитель, который все же успел свернуть хоть немного. Те минуты, пока они ждали «скорую».

Словно на краю пропасти. Оглушающие мгновения. Сбивающие с ног похлеще трех защитников противоположной команды. В тот момент ему показалось, что он в жизни никого так не ценил и не дорожил никем настолько, как Настей, которую вот-вот мог потерять безвозвратно. Не стеснялся и не побоялся заявить, что любит ее.

Сейчас Александр задумался. Столько всего было в словах Валерия. И поневоле пришло в голову, что он невероятно много знает о том, как идти любой ценой к победе, как выигрывать и добиваться цели. А вот о любви — ничего и не знает, кажется. О том, как любить.

Зацепили его укоры тренера. Задело. Он не был уверен, что сумел бы так. Отказаться от всех перспектив. Вроде даже хотел когда-то, помнил, как готов был остаться в родном городе, когда впервые Настю забрали.

Тогда он ее любил?

Или это потому, что Александр еще ничего толком не знал о хоккее, не распробовал славу на вкус? Сумел бы он сейчас отказаться от того же предложения работать в сборной тренером, чтобы заниматься детьми из приюта в никому неизвестной секции? Верещагин не чувствовал в себе такой готовности. А ведь умом понимал, что подобные секции — важны и ценны. Он сам благодаря такому вот тренеру, позабытому сейчас, когда-то начал свой путь в большой хоккей. Именно они давали многим мотивацию и возможность двигаться дальше. Прививали любовь к игре и льду.

Неприятно осознавать, что ты «мельче» душой и характером, чем привык о себе думать. Как ни крути, а хотелось чего-то более значимого. И действительно, имеет право Валерий спрашивать: любовь ли это? Сейчас Александр не знал, может ли уверенно такое заявлять.

Тихо вернулся в палату, ничего больше не говоря. Он не был сейчас уверен и в том, что на это право имеет. Но... Валерию одному не справиться, это он понял за последние дни. Тут была нужна подстраховка: то купить что-то, то принести, то сменить в ожидании... Да и

куда ему сейчас идти? Вот и остался. Сел на стул у дверей, откинулся затылком на стену, закрыл глаза, чтобы не мешать. И вновь погрузился в мысли, по-новой оценивая все, что думал и знал, что ощущал за эту неделю, и к чему стремился на самом деле.

ГЛАВА 20

В голове звенело. И сознание уплывало, путаясь в какой-то липкой и густой темноте. Глаза не получалось открыть. Насте казалось, что она очень старается, напрягается изо всех сил, но веки какие-то неподъемные. И губы, язык, рот — тоже.

Она пыталась ими шевелить, что-то сказать, однако и это не выходило. Даже слюну сглотнуть не удавалось. На какое-то мгновение ее охватила паника, что сейчас она захлебнется или задохнется.

Настя судорожно попыталась поглубже вздохнуть, слабо понимая, что все тело слушается ее очень плохо. Но ей все же удалось протолкнуть воздух вглубь себя. Горло почему-то болело. Будто бы она простыла.

Или долго и громко кричала. И эта проклятая темнота, из которой ей никак не удавалось выбраться...

Руки и ноги не подчинялись, тело ватное. Хотелось поднять руку и растереть лицо, а мышцы не слушались. Попыталась хоть что-то сказать, как-то позвать кого-либо, но добилась только невнятного хрипа и нового ощущения боли в горле.

Еще и пищало что-то: противно, надрывно, отдаваясь в пустой голове пульсирующей болью.

У Насти никак не выходило понять и разобраться, где она и что происходит. Хоть бы глаза открыть, ей-Богу!

— Тише, егоза, тише. Все хорошо, не торопись, понемногу...

Валера... Она сразу узнала его голос. Глаза запекло почему-то. Под веками, которые никак не могла поднять, стало горячо и влажно. Слезы выступили. Попыталась повернуться к любимому, туда, где его голос слышала. Позвать...

Но вместо имени опять вышел какой-то сиплый хрип. И Настя всхлипнула.

— Все хорошо, — снова повторил Валера, и она ощутила, как он погладил ее щеку, провел рукой по лбу. Легкое касание губ любимого на своих губах. — Не волнуйся, Настенька. Все придет в норму. Сейчас медсестра посмотрит. Врач...

Любимый... Как ему удавалось ее понимать всегда? Даже сейчас, когда Настя и слова сказать не могла? От понимания, что он рядом — ей стало легче.

В этот момент вокруг начался какой-то шум, гам. Кто-то пришел, что-то спрашивали. Настя стала чувствовать, как ее начали трогать: что-то измерять, щупать, цеплять на пальцы и руки. Точнее она не могла понять и разобраться. Кто-то все же поднял ее веки и ослепил Настю ярким светом. Она поморщилась, ощутив жжение в отвыкших глазах. Слезы выступили сильнее. Но не от боли, Настя ее словно бы и не ощущала... Вообще мало что чувствовала в теле. Она ничего не увидела, кроме этой вспышки света. Люди вокруг говорили чересчур громко, слишком быстро. Совсем не так, как Валера. И она не успевала уловить смысл их разговора.

А от попыток сделать это — ощутила невероятную усталость, поняв, что вновь проваливается в ту темноту, из которой еще и не выбралась до конца. Так дико хотелось

спать! Просто невыносимо. Но Настя еще раз попыталась открыть глаза. И в этот раз у нее вышло. Правда, почему-то только с правым. Но она смогла обвести пространство вокруг себя расплывающимся, мутным взглядом. Вокруг была какая-то мешанина из нечетких контуров, теней и света.

— Ва...лра... — хрипло позвала она любимого, понимая, что все равно говорит невнятно.

Но ей хоть что-то удалось, по крайней мере.

Один из темных силуэтов наклонился к ней. И Настя вновь ощутила нежное прикосновение к своей щеке, к уголку рта.

— Я здесь, егоза. Я рядом. Отдыхай...

Он говорил так твердо, так спокойно, с таким чувством уверенности и облегчения в голосе, что Насте стало легче. Глаза закрылись сами собой, и она поняла, что проваливается то ли в сон, то ли просто в эту темноту, прижимаясь к его пальцам губами.

Вновь Настя проснулась позже. Она не знала ни где она, ни какой сейчас день. О времени суток так же понятия не имела. С трудом сумела открыть глаза, вдруг подумав, что сейчас это хоть получилось нормально. И открылись оба. Пару секунд потребовалось, чтобы сфокусировать взгляд. Глаза слезились и все вокруг все же расплывалось. Но постепенно картинка пришла в норму. Настя лежала в кровати. Над ней был белый потолок. А сбоку, в пределах видимости без движения, она видела окно, из которого лился тусклый свет. Пасмурно. То ли раннее утро, то ли вечер, то ли просто сумрачный зимний день — непонятно. Несколько раз моргнув, Настя сдалась, поняв, что не сумеет угадать время по серому небу которое ей было видно. Вздохнула, с радостью осознав, что теперь ей это удалось без паники или того усилия, которое она запомнила. Но горло еще дерло, не совсем понятно для нее. Настя попыталась повернуть голову.

Ей плохо удалось. И в этот же момент она услышала какой-то скрип, словно металлом по чему-то твердому. Камню? Полу? И в пределах ее видимости появился Валера. Позади него она увидела стену, такую же белую, как и потолок. Но Настя сосредоточилась на любимом.

— Привет, егоза, — Валера скупно улыбнулся, нежно коснувшись ее щеки. — Проснулась?

Она медленно моргнула и снова посмотрела на него. Он выглядел таким усталым. Просто ужасно. Глаза будто провалились вглубь глазниц. И вокруг них огромные тени. И морщины, которые она не помнила такими глубокими. А еще Валера осунулся, словно похудел. И щетина темнела, которую он очень редко позволял себе оставить, не побрившись. Из-за этого щеки казались впалыми, а сам Валера изможденным.

— Я... спла? — язык и губы еще плохо слушались.

Она говорила очень невнятно. Нахмурилась... Или попыталась. Попробовала еще раз:

— Сплала... — выдохнула с разочарованием, напряженно пытаясь правильно выговорить.

— Не спала, Настя, — Валера пальцами накрыл ее губы, очевидно, заметив, насколько ее это расстраивает. И как сложно дается. — Тебя машина сбила. Помнишь? Задела. А ты, падая, еще сильно ударила головой об лед...

У Валеры голос пропал, словно бы горло сжалось. И Настя вдруг поняла, почему он так выглядит. И что ему очень тяжело. Так, словно это все вдруг начало прокручиваться перед ней на пленке, она представила, почти ощутила сама все, что любимый вынес. Не помнила

того, о чем Валера говорил. Помнила, что к нотариусу приехали. И как говорила с Вероникой: визгливый голос, глупые претензии. Что к Валере хотела подойти. А машину не помнила.

И не болело ничего, кажется. Она не чувствовала. Только какую-то «ватность» и вязкость в каждой мышце. Дикую усталость.

«Наверное, ей что-то вводят», догадалась, заметив вдруг какую-то повязку из эластичного бинта на руке в сгибе локтя.

У нее ученик болел в прошлом году, оперировали мальчика. Настя приходила его проводывать. И видела, как ребенку медсестра что-то вводила, сдвигая такую же повязку. Как же это называлось? Гибкая игла какая-то, которую надолго вводили в вену, чтобы не колоть постоянно...

Не могла вспомнить. Как и машину, про которую говорил Валера.

Но неожиданно подумала, что сама бы испытала, если бы на месте Валеры была... И у нее горло дернулось.

— Пости... Извини, любимый, — уже более внятно выдохнула Настя, зажмурившись от нахлынувшей душевной боли и страха.

От вины, которую действительно ощутила из-за его волнения, его муки, той боли, что он перенес.

— Боже! Егоза! Ты что?! — Валера наклонился близко-близко к ней, нахмурился, сжал губы. — Ты здесь — при чем, Настенька? Солнышко мое ясное...

Обхватил ее щеку ладонью, прижался своим лбом к виску. Настя ощутила, как он нежно и очень осторожно поцеловал ее кожу.

— Не хотела бы... расстраивать. Чтобы переживал, — говорить было все еще очень тяжело, но Настя старалась медленно проговаривать каждую букву, звук. — Люблю тебя... Очень.

Как учеников своих учила. И что-то получалось, кажется. Правда голова стала болеть от напряжения.

— Настенька, — выдохнул Валера очень осторожно погладив ее губы, вторую щеку. — Ну что ты...

Кажется, второй раз в их жизни видела, ощущала его таким растерянным и потерянным. Недоверчиворадостным. Как тогда, когда звала его через весь двор, когда побежала за ним, поняв, что тоже его любит.

Где-то что-то снова зашуршало, но Настя не могла, да и не хотела поворачиваться. Ей было так хорошо, так тепло рядом с ним. Спокойно. И почти легче смириться со всеми теми странными ощущениями, которые делали тело чужим.

— Я люблю тебя, егоза, — прошептал Валера, тоже не отреагировав на шум.

Переместился и нежно-нежно коснулся губами ее губ. Настя попыталась ответить, прижавшись к его рту. И вдруг ощутила соленый привкус. Губы Валеры были влажными. И солеными. И глаза подозрительно блестели, совсем непривычно для любимого. Он плакал от облегчения. И у Насти самой навернулись слезы на глаза.

— Любимый, — всхлипнула она ему в губы.

— Тсс, егоза, хоть ты не реви. Хватит того, что я расклеился, — сипло хмыкнул Валера, продолжая нежно гладить ее лицо и волосы. — Тебе сейчас это вообще не нужно. Ты поправляться должна. За тебя знаешь, сколько людей молятся и переживают? — Валера коротко прижался к ее скуле губами. Глубоко вдохнул, будто успокаиваясь. Улыбнулся ей. И

вдруг вновь прижался к губам. Только сильно и крепко. — Ты себе представить даже не можешь, как мне нужна, Настя, — отстранившись, прошептал он.

— И ты... ме... нужен, Валера, — прекрасно зная, что это чистая правда, прошептала она.

Поняла, что губы пересохли. Попыталась их облизнуть.

Валера это увидел.

— Пить хочешь? — тут же спросил он, уже выпрямившись и что-то взяв за пределами видимости Насти. — Вот, держи. Я тебе трубочек купил, как ты для своих учеников, разноцветных... — Валера усмехнулся, но Настя увидела, чего ему это стоило в глазах любимого мужчины.

А он уже протягивал ей стакан с водой, из которого торчала соломинка ярко-зеленого цвета, согнутая под углом, чтобы Насте было удобней пить.

— Валера... — у нее вновь сдавило горло. И глотнуть оказалось сложно. Взгляд слезами заволочло.

— Давай, егоза, пей, — с усмешкой напомнил Валера, сам приставил эту соломинку к ее губам. — Только понемногу. Медсестра сказала, что после интубации горло болеть у тебя может. Осторожно.

— Болит, — согласилась она с легким вздохом, теперь хоть поняв, отчего. И сделала маленький глоток. — А что... Еще что у меня? — вновь отпив, спросила Настя, опять ощущая накатывающую усталость.

У Валера улыбка только на губах осталась. Глаза потемнели, но он постарался сохранить веселое выражение.

— Левая нога сломана. Тихо, — словно предугадав ее порыв, Валера опустил руку Насте на плечо, не позволив даже пошевелиться. — Там не страшно, не сложный перелом. Но с гипсом попрыгаешь, конечно, егоза. Смещение шейных позвонков, — Валера провел рукой по ее щеке и по чему-то постучал, а Настя только сейчас поняла, что на ней какой-то странный воротник.

Вот отчего так сложно поворачиваться. — И сотрясение, конечно. — Он тяжело выдохнул, будто и ему грудь давило тяжестью в тонну. — Ты почти четыре дня без сознания была, Настя... Я думал, умом тронусь, — Валера так улыбнулся, словно хотел ее развеселить. Только обоим стало невесело. — Священника сюда притащил... — Он хмыкнул.

А Настя тяжело вздохнула, закрыв глаза. Ей так больно было это слышать! Представлять, как трудно пришлось Валере, что он вынес... Раньше Валера только подшучивал над ее суевериями или попытками что-то решить в церкви, над ее уверенностью, что молитва или поставленная свечка могут помочь. А тут... сам позвал.

Не хотела, чтобы он видел, как снова слезы выступили на глазах. Ух, какая чувствительная стала. Ревет и ревет. А еще и усталость становилась все сильнее, давила ее.

— Любимый... — тихо позвала она, слыша, как Валера отставил стакан, из которого она пила.

— Что, егоза? — кажется, он вновь к ней наклонился.

Она ощущала тепло его тела. И от этого становилось легче. Но глаза уже почти не открывались.

— А, давай — повенчаемся... — облизнула Настя губы. — Знаю... ты не очень за это...

На самом деле, они даже никогда не обсуждали такого варианта. Да и Настя не

предлагала, когда Валера уговорил ее расписаться, зная отношение любимого ко всему этому. Но сейчас... Появилось сильное желание. Правда, даже не представляла, какие аргументы ему привести и как убедить. Начала слова подбирать. Еще и это косноязычность нынешняя...

— Давай, — просто согласился вдруг Валера, заставив Настю оторопеть.

Она даже глаза вновь сумела открыть из-за удивления. А он стоял близко и с улыбкой смотрел на нее. Спокойно и уверенно.

— Что, егоза? — усмехнулся Валера.

Наверное, ее оторопь была очевидной.

— Удивил... — прошептала она, сумев улыбнуться в ответ.

— Я тебя чуть не потерял, солнышко. Это многое переоценить заставляет, — Валера оглянулся, взял стул, на котором сидел у стены, оказывается, и подвинул ближе к кровати. — На самом деле, я даже решил это со священником здесь, у них часовня тут, в больнице есть, приходят, молятся по палатам, службы служат,

— пояснил он. — Договорился, что... — Валера отвел глаза, посмотрев в окно. — Что если все будет не так, как я надеюсь... Что если не... — было очевидно, что ему очень тяжело говорить. И больно от мыслей, от воспоминаний обо всем, что он пережил за эти дни. — Священник согласился нас повенчать здесь, если что, в общем. Богдан за справкой в ЗАГС ездил, за подтверждением, что мы заявление подали до того, как ты...

Он устало и как-то опустошенно растер лицо.

А Настя... Она попыталась протянуть ему руку. Но получилось только слабо дернуть. Однако Валера это заметил и перехватил ее ладонь. Сжал своими пальцами. Крепко, но и осторожно. Наверное, боясь ей боль причинить. У нее же даже слов не было, что рассказать, как сильно его любит. И как ей больно от того, что он вынес такую муку...

Но Валера опять это понял. Вздыхнул, покачал головой.

— Егоза, ты — ни при чем. Даже не вздумай себя накручивать. Тебе сейчас отдыхать надо и поправляться, а не заикливаться на том, что уже неважно.

Он даже нахмурился. Словно пытался повлиять на нее, оказать внушение.

— И, вообще, священник все еще не против, так что, хочешь, хоть сегодня обвенчаемся, — даже с некоторой иронией хмыкнул Валера.

Вроде и шутил, а не спрашивал даже...

А Настя вдруг поняла, до чего же ему страшно было все эти дни. Насколько сам не испытывал никакой уверенности. Но, ведь, наверняка, никому этого не показал, все тянул на себе. И за себя, и за нее, только бы все необходимое сделать, не упустить ничего. И сейчас ей пытается дать что угодно, лишь бы Настя не нервничала, отвлечь любыми способами...

— А, давай, — улыбнулась она, вновь прикрыв веки из-за накатывающей новой волной усталости.

Захотелось и Валере дать эту поддержку. Часть тревоги и волнения любимого взять на себя. Подарить ему то, о чем Валера столько мечтал. Мало ли, когда и как оно все сложится с ЗАГСом? Когда ее отпустят — не представляла, как и то, успеют ли до назначенной даты? Вдруг, придется переносить...

А Настя в этот момент поняла, что очень хочет быть его женой — и перед людьми, и перед Богом. Морочила голову и себе, и любимому человеку столько лет. Боялась непонятно чего, стеснялась... А оно все настолько ненадежно вдруг оказалось! Настолько мимолетно. И гарантии нет. Никто не дает. Ни в чем, а она все искала каких-то подтверждений. И для

чего еще и своими руками, своими глупыми страхами и решениями усложнять все настолько? В этот момент ей настолько глупым все показалось... Все страхи и опасения такими мелкими вдруг привиделись от понимания, как много имела, а не до конца ценила. Даже принижала их отношения своими сомнениям и комплексами, по сути.

— Егоза? — впервые в его голосе такую растерянность слышала. — Ты уверена?

Вновь открыла глаза. Теперь Валера смотрел на нее с оторопью.

— Да, любимый. Да, — могла бы, рассмеялась бы.

А так — только слабо улыбнулась, поняв, что все силы закончились.

Совсем-совсем.

— Давай, я сейчас посплю немного, — устало опустив веки, тем не менее, уверенно заявила она. — А ты со священником решишь. А как только выпишут — и в ЗАГСе распишемся. Прости, что столько лет глупостями тебя мучила... — с трудом приоткрыла один глаз.

Два уже не осилила.

Валера наклонился и тесно, плотно прижался к ее щеке лицом. Опустил голову на подушку рядом с Настей. И даже не сказал ничего — осторожно и нежно поцеловал пальцы на ее руке. Прижался губами к щеке, уголку рта... И это было настолько выразительно, так многогранно! Его чувства и эмоции просто-таки висели в воздухе, окутали ее. Слова — лишние. И так — все ясно.

О том, что все эти дни в палате находился еще и Сашка, Настя узнала, проснувшись в следующий раз. Валеры рядом не было, когда она открыла глаза. Это заставило ее беспокойно закругить головой и попытаться приподняться.

— Подожди, там кровать поднимается, — голос Сашки прозвучал совершенно неожиданно для нее, заставив замереть и скосить глаза.

Тут в поле зрения появился и сам Верещагин. Подошел, нажал что-то на боковой панели кровати. Изголовье действительно приподнялось, открыв ей большой обзор на палату.

— Вот, — Саша передернул плечами и немного отошел.

Он тоже выглядел уставшим и, как и Валера, казалось, не брился все эти дни.

— Спасибо... — неуверенно прошептала Настя.

Верещагин коротко и криво усмехнулся.

— За что? За то, что довел тебя до такого? — саркастично хмыкнул он, как-то опустошенно растерев затылок.

Настя не поняла. И что ответить — не знала. Смотрела на него, не в состоянии сейчас подобрать слова. Честно сказать, она не представляла, что он здесь делает. И ощущала себя как-то странно, неуютно в его присутствии. Вдруг остро почувствовала всю неловкость ситуации и неуместность его нахождения здесь. Стало некомфортно, чего и близко не ощущала в прошлый раз, когда рядом находился Валера. А Верещагин... В общем, странно Насте как-то было, что он около нее, и даже повыше укрыться хотелось. Как-то неловко и неприятно.

Не было того безоговорочного принятия и доверия, спокойствия, как рядом с любимым человеком, на которого в любой ситуации рассчитывать можешь. Себя в любом виде показать, раз уж так жизнь сложилась.

Саша заметил этот ее порыв, кажется. Попытку Насти глубже вдавиться в матрас кровати. Помрачнел лицом и снова растер шею, затылок рукой.

— А где... Валера? — все еще с некоторым трудом, уточнила Настя, когда он так ничего

и не сказал.

— Вернется сейчас. Пошел узнавать, что тебе есть можно. Решает этот вопрос с врачами, чтобы обед обеспечить. Он и сам не ел с ночи, по-моему, но вряд ли вспомнит об этом, судя по тому, как было в последние дни, — хмыкнул Верещагин.

И вдруг резко выдохнул:

— Слушай, Настя, прости. Наворотил я дел. Попортил тебе жизнь. Не хотел, правда, — неловко засунув руки в карманы джинсов, неожиданно признался он.

Настя растерялась. Она еще обеспокоена обдумывала, как бы Валеру уговорить поесть? И как отчитать за то, что себя до изнеможения доводит. А тут Саша с каким-то непонятными извинениями. И что он тут делает вообще?

— В смысле? — искренне не поняла Настя, растерянно посмотрев на него.

— Это же из-за меня все так вышло. Вероника эта... — Верещагин передернул плечами. — Она бы тебя не дергала, если бы я не полез. Ты бы под машину не попала... Прости. Искренне не хотел, — Саша посмотрел на нее исподлобья. — Я тебя когда увидел в том Дворце Спорта... Не знаю, даже. Как мозги вырубил, — вдруг начал торопливо и немного пугано говорить он. — Показалось, что снова, как тогда, давно — есть что-то между нами. И ты — так открыто меня встретила, казалось, искренне рада... Что моя Стася...

Настя нахмурилась, потеряв нить в его рассуждениях.

— Я была очень рада тебя видеть, Саша. Ты мой друг... Всегда им был. Я гордилась тем, что мы знакомы были.

Он криво улыбнулся. Совсем невесело.

— Да, я теперь понял, что сам запутался, и тебя подставил еще. Знаешь, — Саша отвернулся к окну. — Мама приезжала, пока ты в коме была. Рассказала мне о том, что произошло в прошлом. Про ваш разговор. Да и этот твой тренер... поделился воспоминаниями и мыслями, — Верещагин скосил глаза в ее сторону. — Почему ты мне тогда не сказала про все?

Настя вздохнула. По правде сказать, у нее все еще болела голова. И нога начала ныть. Возможно, прекратило действовать обезболивающее, которое ей вводили? Да и все тело словно бы «ныло». И ей было не совсем понятно, почему Саша именно сейчас решил это все выяснить и узнать.

— Не знаю, Саш. Тогда мне ее слова показались очень убедительными, — Настя облизнула губы, чувствуя усталость, накатывающую на нее. — Да и жизнь все расставила по местам. Ведь ты стал великолепным хоккеистом, как всегда и мечтал, ведь так?

Могла бы, пожала бы плечами. Но тело еще плохо слушалось.

— А ты? — уже вновь в упор глядя на нее, спросил Верещагин.

— А что я? — улыбнулась Настя. — И я счастлива. Жизнь... она идет, Саша. Вперед. Прошлое, оно там, сзади. В него не стоит возвращаться. Мы уже совсем другие. Не только я — ты сам.

— Ты с ним счастлива? С Валерием? — как-то странно глянув на нее, спросил он.

— Очень, — Настя вновь улыбнулась. — Очень счастлива. Я люблю его. И он меня. Правда, помучила его своими комплексами ужасно, — Настя вздохнула, опять поразившись тому, каким несущественным сейчас, на больничной койке, показалось все, что раньше не позволяло любить спокойно.

— А меня... любила тогда? — как-то осторожно и неуверенно спросил Верещагин,

заставив Настю еще с большим удивлением посмотреть на него.

— Саша... — Она даже вздохнула. — Любила, конечно. Просто... Это разное совсем. Саш. Не знаю, как сложилось бы все, не будь того разговора с твоей матерью, если бы ты не уехал... Правда, не знаю. Но это... — Она помолчала, пытаясь слова подобрать. Да и дыхание перевести заодно. — Вот ты играл в детстве в секции, много тренировался. Тебе говорили, что играешь хорошо. И ты же играл так... но для того возраста и периода, понимаешь. Это можно сравнить с тем, как ты в НХЛ играл? — спросила Настя, стараясь объяснить то, что чувствовала.

Верещагин растерялся. Но задумался, это было видно.

— Я тогда не умела так любить еще, возможно. Хоть и любила тебя всем сердцем, как мне казалось. И готова была на все... — Настя прикрыла глаза, улыбнувшись тем воспоминаниям. — Не знаю, правда,

не знаю, Саш, как бы оно сложилось, будь все иначе. Но оно не сложилось. Жизнь распределила по- своему. Я очень Валеру люблю. Совсем иначе. Глубже, больше... Может, потому, что взрослее стала, понимаю и ценю больше. Да и у нас с ним столько всего за спиной... Простого и сложного, веселого и грустного... День за днем. Это как тебя спросите — любишь ли ты хоккей? Разве ты хоть на секунду усомнишься в ответе? Хоть и всякое бывало на льду. И сейчас ты из игры выпал...

— Нет, — Саша хмыкнул. — Не задумаюсь, даже. — Помолчал. — Прости, что влез и только усложнил все.

— Ты просто запутался, Саш. Так бывает, когда все в жизни меняется. Поверь, я знаю, — Настя попыталась взбодриться, но оно не получалось. Все-таки, она очень уставала. — Твоя невеста говорила, что беременна, может...

— Кто? Ника? — Верещагин даже рассмеялся, махнув рукой. — Да она на таблетках сидит, панически боится беременности. Это она тебе зачем-то наплела. Видно, побоялась, что я уйду. Извини, тоже моя вина. Я дал ей понять, что ты мой давний друг и много значишь...

— Саша, ты тоже мой друг. И это не изменится, — Настя все-таки открыла глаза и глянула на Верещагина. — А Ника... у нее странный характер, прости...

— Нормально все. Да и мы расстались. После этого... — Он обвел палату рукой. — И спасибо, — Саша усмехнулся. — Твоя дружба — это больше, чем я заслуживаю в данный момент. Но для меня — это очень важно. Особенно теперь...

Настя улыбнулась в ответ, вдруг заметив, что в дверях палаты тихо стоит Валера. У него в руках был какой-то непонятный... Поднос? Или что-то типа этого, накрытое крышкой. Интересно, как давно стоит? Точно ведь, не хотел мешать, любимый.

Увидев, что она его заметила, Валера улыбнулся и подмигнул ей.

— Саш, ну ты что, тебе еще столько работы в национальной лиге предстоит, сборную поднимать надо. Дел будет... А мы тебе игроков отправлять станем, — улыбнулась Настя, вдруг почувствовав радость и облегчение от того, что любимый вернулся.

— Вот-вот, Верещагин, работы — непочатый край предстоит. Включайся, — хмыкнув, согласился Валера, проходя мимо Саши к ней. — Давай, егоза, тебе поесть разрешили. Будем сейчас смотреть, что ты захочешь из того, что можно, — улыбнулся Валера.

И по этой его усмешке Настя поняла, что вкусного в том подносе не так и много.

ЭПИЛОГ

Настя пыталась рассмотреть рисунки, которыми были украшены и стены, и подоконник, и даже столик в палате. Не все удавалось увидеть нормально: и плотный «воротник», которым ей зафиксировали шею, мешал свободно вертеть головой так, как ей хотелось бы, да и просто, глаза еще слезились от длительного напряжения. Зрение немного подводило, расплываясь. Врачи говорили, что это может беспокоить ее какое-то время. Да и острота зрения может упасть.

Настя вначале немного занервничала. Но с Валерой же просто невозможно долго переживать. Любимый сделал удивленное лицо, завидев ее волнения, а потом так хитро улыбнулся, посетовав, что ей придется первой в их семье очки подбирать. Но он обязательно поможет выбрать Настеньке самую красивую оправу. И, вообще, как это она до сих пор без очков обходилась? Учительница же. Да сама должность обязывает! Непорядок, можно сказать. Не позволяла детям ощутить всю серьезность их классного руководителя...

В общем, превратил все в цирк и шутку, заставил ее рассмеяться так, что глаза от смеха уже слезились и все равно ничего видно не было. Ну что за человек?! Как умудряется сохранять позитив? В любой ситуации оставаться оптимистичным.

Ее муж. Перед Богом.

Священник не отказался их повенчать позавчера. Конечно, вышло все не совсем так, как было бы в нормальных условиях. Но для Насти не внешнее уже имело значение. Все действительно очень меняется, когда смещается «угол зрения». А особенно, если этот угол перемещается на больничную кровать. Глобальная переоценка ценностей, когда видишь затаенную опустошенность и боль, вперемешку с радостью в любимых глазах.

Сейчас Валера был счастлив. Она точно знала. Видела в каждом его движении, улыбке, жесте. И ей это доставляло такое удовольствие, какого Настя даже представить не могла. Конечно, у них еще будет официальная «гражданская» свадьба. Никто не отказывался, даже мысли подобной не допускал. Но это потом, и больше даже для друзей и знакомых. А для них двоих и то таинство, что провел батюшка в этой небольшой палате интенсивной терапии — было удивительным и прекрасным.

Конечно, чего себе Настя никогда и представить не могла, так это того, что на ее венчании будет присутствовать Саша. Вот уж точно, что жизнь не предугадать человеку, чего бы сам себе не запланировал.

Они с ним еще разговаривали. Теперь уже о другом: он рассказывал о том, как занимался, тренировался, карьеру строил. Как учил себя к переездам легче относиться, к тому, что постоянно мотаешься по свету. Как нелегко было к каждой новой команде привыкать, сыгрываться. И заново доказывать всем вокруг, что стоил и вложенных денег, и надежд тренеров и хозяев, решивших «купить» перспективного игрока.

Настя вроде бы и знала обо всем этом, но со стороны. А вот так, близко, не вникала. Тоже ведь изматывающее, сложно. Далекое не каждый с таким ритмом жизни и темпом справится. С такой нагрузкой, как физической, так и моральной. Неудивительно, что выпав из этой струи, оказавшись на обочине — Саша растерялся и не сумел сразу сориентироваться, как заново жизнь выстраивать.

А она ему рассказывала о том, как секцию с Валерой создавала, как шаг за шагом, уступка за уступкой они добивались разрешений и помощи, проходили инстанцию за инстанцией. Но все это стоило того, достаточно было посмотреть на радость детей, впервые попавших на лед, научившихся на коньках стоять, попадать по шайбе.

Тоже трудно и сложно. Но и результат не меньший восторг дарит.

Нельзя сказать, что они с Сашей вернулись к тем доверительным отношениям, которые их связывали раньше. Нет, наверное. Очень много всего в жизни каждого произошло, о чем другой был не в курсе. Да и в жизни, сердце Насти уже другой мужчина был, которому она привыкла доверять все сокровенное, разделяя горе и радость. И все же, какие-то связи, ниточки дружбы между ней и Верещагиным остались. И Валера оказался не против. Сам готов был поддержать Сашу в новой теперь, хоть и родной стране. На новом месте тренера. Сам же предложил в случае чего совет и помощь. Все же, жил здесь, и за играми наблюдал, и за командами. Да и за самой ситуацией в национальной Лиге.

— Смотрите, — хмыкнул Верещагин, с радостью приняв их предложение о помощи и поддержке. — Перетащу я вас все-таки в столицу. Мне такой помощник в тренерском штабе, как твой муж, Настя, точно не помешает.

Валерий только с улыбкой покачал головой на это замечание. А вот Настя заволновалась.

— Нет, Саш. Ты не обижайся, но нам никак нельзя ребят бросать. Ну кто ими еще заниматься станет? Махнут же рукой, забросят. А так, мы им шанс на что-то лучшее в будущем даем, какие-то возможности для тех, кто захочет, — принялась сбивчиво и торопливо объяснять она, опасаясь обидеть, но и стремясь убедить Верещагина. — Нам никак нельзя...

А Валера и Сашка только весело рассмеялись, и переглянулись так странно, словно бы что-то, понятное только им, от нее услышали. Сговорились о чем-то, пока лежала без сознания, что ли?

— Я понял, Настя. Понял. Это так, пробный камушек был. Не бери в голову, — подняв руки, будто признавая свое поражение, покачал Верещагин головой. — Придется обходиться советами с вами в телефонном режиме.

Этим же вечером Верещагин и улетел в столицу, заявив, что с него еще подарок на их свадьбу.

В общем, нормально расстались, позитивно и даже с какой-то надеждой на продолжение дружбы, чему Настя была рада. Никогда на Сашу зла не держала.

А сейчас она Валеру ждала. В ужас пришла, когда узнала, что он все эти дни безвылазно находился в больнице, опасаясь ее оставить. Скандал устроила... Ну, попыталась. С ним же невозможно скандалить, если серьезно.

Наклонился, обнял, гладит волосы, пока она его вычитывать пытается и напомнить, что и о себе думать надо.

— Конечно, егоза. Ты права, Настенька, — еще и над ней посмеивается.

Совершенно несерьезный подход к собственному здоровью! Что докажешь такому человеку?! Да и, собственно, не умела она с Валерой спорить. Не привыкла. Они всегда все решали обсуждая, разговаривая. Без криков и споров. Вот и теперь удалось-таки уговорить его хоть на пару часов домой поехать, переодеться, расслабиться. Поесть чего-то нормального. Думала, может, на ночь дома останется, выпитися на хорошем матрасе. Что она, не переночует ночь сама? Тем более, что тут полная больница людей. Да, конечно, ей без него всегда грустно и неудобно, но об этом Настя не упоминала. Валера имеет полное право на отдых.

Но где там! Валера двадцать минут назад позвонил ей, сообщив все с тем же юмором, что помылся и побрился, раз жену так его щетина раздражает, переделся. И уже едет назад.

Она только вздохнула. Поворчала для приличия в трубку. А потом честно сказала, что соскучилась и очень его ждет.

— Я тоже соскучился, егоза, — с улыбкой, которая в его голосе так хорошо ощущалась, заметил Валера. — И, вообще, мы молодожены. Нам просто-таки положен все время быть вместе, — добавил он с иронией, но чувствовалось, что для него это весомый аргумент.

И Настя больше не спорила. Прав был Валера. И ей хотелось. Особенно, как представляла, что ничего этого могло и не быть. Что она могла умереть, банально и глупо.

Вот и ждала его сейчас, рассматривая рисунки детей из своего класса и воспитанников приюта. А еще — нервничала немного. Но сейчас уже твердо решила поговорить с Валерой о том, что две недели обдумывала, да все откладывала, непонятно чего опасаясь и испытывая неуверенность. Теперь спокойнее стала. Будто эта травма что-то изменила в ней. Затерла комплексы и страхи, с которыми Настя последние годы жила. Почему-то заставила вспомнить, что когда-то она больше в себя и свои силы верила.

— Привет, егоза.

Валера зашел в палату как раз тогда, когда она прикрыла глаза, устав от своих попыток рассмотреть все рисунки детально. Измоталась немного. Тяжело еще было так напрягаться.

— Как себя чувствуешь? — наклонился к ней, поцеловал, пригладив волосы руками.

Прижался щекой к ее лицу.

Гладко выбритый, родной, любимый, теплый такой, хоть и только с улицы зашел. Настя с глубоким вздохом сама придвинулась ближе. Подняла еще слабые руки. Обняла мужа так крепко, как только сумела.

— Привет. Нормально. Хорошо чувствую. Мне ж еще колют обезболивающее, — улыбнулась. — Жаловаться потом начну, когда перестанут.

— Ясно, — Валера рассмеялся. Подхватил ее под плечи и помог немного приподняться, перевел кровать в удобное для Насти положение. Врачи уже разрешали, даже настаивали на необходимости движения.

— Чем занималась, солнышко? — подвинул и себе стул, сел около нее, оставив на стол какой-то пакет.

Судя по запаху, который начал распространяться в палате, там было что-то более вкусное, нежели обеды больничной столовой. Настя улыбнулась.

— Рисунки рассматриваю.

— Это хорошо, — Валера улыбнулся еще шире. — Дети для тебя старались, чтобы ты чувствовала, насколько важна для них. Они еще нарисовали, мне звонила заведующая, спрашивала, как передать новую стопку их творений для Анастасии Ивановны, — поделился он с ней новостями.

А Настя глубоко вздохнула.

— Валер, а тут есть рисунок от Егора? — зная, что все листы подписаны, спросила она у мужа. — Я не вижу нормально, — честно призналась Настя.

Валера удивленно начал осматриваться, поднялся, прошелся вдоль рисунков, рассматривая.

— Да, вот, егоза. Есть такой. А что за парень? Не помню, — искренне попытался вспомнить он, даже нахмурился немного.

— Да ты его и видел раз или два всего, Валер, — начала Настя, понимая, что все-таки волнуется. — Он не занимается в секции. Только месяца полтора, как перевели в приют. Ему шесть. И вряд ли нам его в секцию разрешат взять. Егор хромает. У него с суставом что-то,

тазобедренным. Мне так врач в приюте сказала. Что до конца этого уже не исправить. Поздно взялись. Его оставили в роддоме еще. А пока оформляли, переводили по больницам сначала, потом в детдома — никто особо не занимался этим. Сейчас более-менее делают все, что надо. Но полностью уже не решить...

Она затараторила. Не сразу сбилась, но зачастила, начала делиться всем, что узнала об этом мальчишке с тех пор, как впервые увидела в коридоре приюта. Приехала забирать парней на тренировку, а он смотрел за этой суматохой, сидя на ступеньке лестницы, ведущей на второй этаж. Маленький. Видно, что ростом и до сверстников не очень дотягивал. Немного скованный, замкнутый. И с такой тоской смотрел на то, как другие ребята с криками и смехом толпятся, выстраиваясь и собираясь.

Настя выросла в этом приюте. За последние годы сотни детей видела. Разных. Каждому сочувствовала, чем могла — старалась помочь, потому что понимала их эмоции и чувства. Но так, как этот мальчишка, ее никто и никогда не цеплял. Не было такого. А тут — с одного взгляда, прямо в сердце залез. Она даже не разговаривала с ним в тот момент еще, просто смотрела на слишком серьезного и молчаливого малыша, который хотел, а не мог носиться и беситься, радуясь чему угодно, как его сверстники.

— Тише, егоза, спокойней. Не торопись, — Валера понял ее волнение и эмоции, как и обычно.

Подошел, присел на край кровати, крепко взяв за руку.

Тот рисунок, что со стены снял, держал в другой руке. Так перед Настей повернул, чтобы и она хорошо видела. И смотрел на нее внимательно-внимательно. Таким взглядом, что она без слов поняла — уже догадался, к чему ведет.

— Валер, — все равно волнуясь, вцепилась Настя в его руку. — Я тебе все время голову морочила, что нам знак нужен. Что мы должны дождаться чего-то. Какого-то благословения ждала, не считая себя — для тебя достаточно хорошей...

— Егоза, — Валера нахмурился. Не любил эти разговоры, всегда расстраивался, когда она это начинала. — Я тебе тысячу раз говорил, и сейчас повторю, Настенька. Ты мое солнышко ясное. И не нужны нам никакие знамения или благословения...

— Валер, — теперь она его прервала, протянув и вторую руку.

Уцепилась за него обеими. — Валера, любимый. А если я не права была. Если это мы можем стать чьим-то благословением и знамением? Теми, кто счастье подарит? Семью... — прикусила губу, посмотрев прямо в глаза Валере. — Ну не могу я забеременеть... Так это же не мешает нам детей иметь, правда? Особенно теперь, когда мы официально поженимся... А мне Егорка так на тебя похож... Не знаю чем, не спрашивай, — улыбнулась, увидев, как Валера брови поднял с удивлением. На глаза слезы навернулись. — Просто, как увидела его — так и подумала, что наш же малыш. Вот наш, и все. Просто искали долго. Не могли встретиться... Я с ним говорила несколько раз, сидела понемногу, когда парней с тренировок привозила...

— Почему сразу мне не сказала, егоза? — внимательно всматриваясь в ее глаза, Валера наклонился ниже. Высвободил одну свою руку, обхватил щеку Насти, грея ее своим теплом.

— Не знаю, — покачала головой. — Ты же меня знаешь, — виновато улыбнулась, попытался пожать плечами. — Сомневалась, боялась чего-то. Три раза пыталась начать говорить с тобой, да все как-то не складывалось. Я нервничала...

— Я чувствовал, — усмехнулся Валера. Вдруг даже рассмеялся.

Прижался своим лбом к ее. Выпрямился. — Чувствовал же, что у тебя сердце не на

месте! Сам волноваться начал. На Верещагина этого,

грешным делом косился! Ну вот, что ты за человек, Настенька?! — даже с каким-то возмущением, но шутливым, воскликнул он. — Не могла нормальным языком со мной поговорить?!

— Вот, сейчас говорю, любимый, — улыбнулась во весь рот, сморгнув слезы с ресниц. — Что думаешь, Валера? Как тебе такая идея? Ты не против? — глянула на него и с надеждой, и с тревогой одновременно.

А Валера протянул руку и вытер эти слезы с ее щек.

— Не против, егоза. Я, вообще, ради твоего счастья, на что хочешь, согласен, — подмигнул ей. А смотрел при этом таким глубоким взглядом, что у Насти мурашки по коже пошли. — И раз уж ты говоришь, что «наш» этот мальчик, значит так и есть. Поеду завтра с самого утра, посмотрю. Поговорю с директрисой. С сыном познакомлюсь, что ли. А то не у дел я, как-то...

Он глянул на рисунок, который все еще держал.

Настя все-таки разрыдалась. Продолжая при этом улыбаться во весь рот. И за его ладонь цеплялась, как ненормальная. А Валера наклонился и обнял ее, сильно-сильно, но очень осторожно.

— Ну что ты, егоза? Ну зачем рыдать? Это же счастье. Ребенок в семье — благословение, знак, — подмигнул он ей, напоминая о былых комплексах и страхах Насти.

Поцеловал в губы. А она ответила на поцелуй так, как смогла только. Зажмурилась.

— Нет, Валер. Это ты у меня — благословение в жизни. И у Егора теперь тоже похоже, — не позволила ему подняться, обняв руками за шею, переплела пальцы на затылке.

— А ты — мое, егоза, — и сам зажмурился Валера, крепко обняв ее в ответ.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net